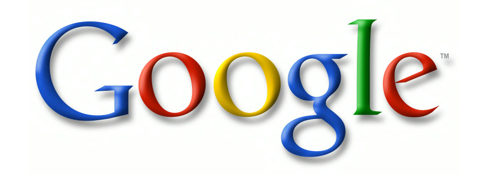
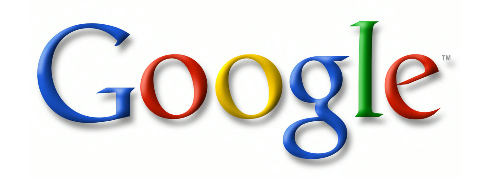

КАРТИНЫ

РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

КАРТИНЫ

РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. В. КУКОЛЬНИКА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи III Отдѣл. Собств. Е. И. В. канцеляріи.

1846.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 18 Октября 1846 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРАВЮРЫ.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ.

РУССКАЯ ЖИВОПИСНАЯ ШКОЛА.

Когда художество водворилось въ Русской землѣ? Обнимая мыслію пространство осьми вѣковъ, отъ сооруженія Десятинной церкви до настоящаго построенія Исакіевскаго собора, мы видимъ, что собственно живопись, какъ художество, получила жизнь и развитіе весьма недавно; и въ такое время, когда всѣ знаменитыя школы сего искуства на западѣ уже разрушились или приходили въ упадокъ, старина ничего не завѣщала нашей живописи. Въ нѣдрахъ отечества она была безъ прошедшаго, — пришелица, воспитанная подъ вліяніемъ За-

пада, уже прославленнаго цѣлыми поколѣніями знаменитыхъ художниковъ. Но за то, съ другой стороны, преданія и церковный обычай хранили у насъ положительное начало, которое не могло не измѣнить значительно заимствованнаго на западѣ стиля и не сообщить ему важной и высокой степени оригинальности. Впрочемъ, опредѣляя эпоху водворенія живописи въ Россіи, матеріально, мы не должны умолчать, что въ ремесленномъ видѣ, она существовала у насъ съ незапамятныхъ временъ и тѣмъ болѣе любопытна, что направленіе ея перенесло въ позднѣйшія времена именно то начало, которое должно было сообщить школѣ рѣшительную особенность. Византія, угрожаемая конечнымъ паденіемъ, въ послѣднія времена Восточной Имперіи, занималась Богословскими преніями, далеко еще до появленія Турковъ, рѣшившихъ ея жребій. Живопись подчинилась общему вліянію и перешла къ намъ уже съ опредѣленнымъ стилемъ, съ узаконенными атрибутами, со многочисленными правилами и условіями. Отъ кіевскихъ ярославовыхъ временъ намъ досталась въ наслѣдіе только софійская мозаика; монгольскій періодъ истребилъ всѣ памятники нашихъ художествъ, нельзя сказать непосредственно, но духъ варварства, невѣжества, равнодушія къ старинѣ истлилъ любопытные и священные ея ос-

танки. Впрочемъ послѣ первыхъ разрушительныхъ наводненій, повредившихъ политическое значеніе и порядокъ государства, Русскіе, не тѣснимые въ исповѣданіи Вѣры, могли продолжать мирныя занятія промысломъ и ремеслами. Но съ тѣмъ вмѣстѣ искуство, или ремесло уже не имѣли средоточія. Столица великокняжества переходила изъ города въ городъ. Кіевъ склонился къ упадку; другіе города не пріобрѣли еще одинъ предъ другимъ первенства, необходимаго и свойственнаго столицѣ царства; купцы и ремесленники стремились туда, гдѣ временно, часто именемъ только, возвышался престолъ великокняжескій; такимъ образомъ многіе города пріобрѣли отъ сего волненія верховной власти, существенныя выгоды: прививая и усвоивая торговлю, промыслъ и ремесло, города, лишаясь политическаго значенія, сохраняли и воспитывали начала гражданскаго развитія. Владиміръ, Ярославъ, Ростовъ, Кострома, Новгородъ, Псковъ, Нижній, Тверь и наконецъ Москва, не смотря на политическія смуты, пріобрѣли въ царствѣ и важную степень и знаменитость. Купцы и ремесленники заживались и уже не охотно оставляли теплыя мѣста, гдѣ ихъ дѣятельность всегда находила постоянную пищу. Первыхъ иконописцевъ съ именемъ, нѣкоторыхъ съ почетною извѣстностію, встрѣчаешь уже въ

Сергѣй Васильевъ и Никита Ивановъ Пикторовъ (Pictor) встрѣчаются на Каппоніановыхъ Картинахъ; послѣдняя фамилія заставляетъ думать, что Ивановъ былъ въ Италіи, вмѣстѣ съ товарищами, или былъ Итальянецъ, принявшій законъ Восточной Церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ русское имя; трудно предполагать, чтобы Каппоніановы картины писаны были въ Москвѣ; впрочемъ Исторія ничего не объясняетъ, и наши догадки, основанныя только на одномъ латинскомъ прозвищѣ, ни къ чему не поведутъ; обратимся къ живописи сего времени; она также раздѣлялась, по сюжету, на крупную и мелкую, а по механизму на иконную, стѣнную и травную, т. е. живопись цвѣтовъ, которая въ то время почти вездѣ составляла особый родъ, имѣла своихъ особыхъ ремесленниковъ, которые никогда и нигдѣ не назывались художниками. Обращаясь къ характеру живописи до Петровскаго періода, скажемъ вообще, что главными отличительными ея чертами были: рѣзкій, неправильный и грубый рисунокъ, сухой колоритъ безъ рельефа, отсутствіе перспективы. Всякой изобрѣтательности и художественному созданію положено было непреодолимое препятствіе обычаемъ постояннымъ и неизмѣннымъ, по которому никто отъ себя не смѣлъ писать ничего, руководствуясь *подлинниками* т. е. такими образами, которые

были повсемѣстно приняты за лучшія изображенія Святыхъ и прорисями т. е. эскизами и картонами, привозимыми съ востока новыми мастерами, которыхъ по временамъ выписывали съ горы аѳонской и другихъ мѣстъ. Стѣсненные въ изобрѣтеніи, Русскіе иконописцы, по естественному влеченію къ совершенствованію, обращали все вниманіе на отдѣлку, при чемъ у нихъ было много собственныхъ терминовъ, которыхъ объяснить не беремся, а существующимъ объясненіямъ не вѣримъ. *Отживка*, *костоватость*, *затинка*, *гвенты* и тому подобныя слова, по своей неопредѣленности, останутся для насъ едвали не на всегда художественною тайною XVII-го столѣтія. Въ половинѣ сего же вѣка фряжская или западная живопись занесена была и въ Россію многочисленными иноземцами, выписанными для разнаго дѣла и разныхъ ремеслъ и по естественнымъ причинамъ оказала вскорѣ сильное вліяніе на московскихъ иконописцевъ, въ особенности на школу, такъ называемую строгановскую; но патріархъ Никонъ, строгими мѣрами, прекратилъ успѣхи нововведенія; образа, писанные подъ вліяніемъ фряжскаго стиля, были отняты у владѣльцевъ, зарыты въ землю, а писавшіе ихъ преданы анаѳемѣ. Не смотря на то, въ домовыхъ церквахъ боярина Матвѣева, князя В. В. Голицына и другихъ бояръ италіянская и нѣмец-

кая живопись сохранилась, и вѣроятно только потому, что была тщательно и осторожно соглашена съ подлинниками, въ атрибутахъ и драпировкѣ. Изъ живописцевъ западныхъ, коихъ имена сохранились, въ этомъ періодѣ были въ Россіи: Данило Вухтеръ изъ Австріи, Иванъ Детерсъ изъ Швеціи, Станиславъ Лопуцкій изъ Польши, да Петръ Динлесъ, перспективный живописецъ царевны Софіи.

Такимъ образомъ русская живопись, въ семъ періодѣ, подчиненная византійскому стилю и строгому слѣдованію подлинникамъ, не могла получить развитія, болѣе походила на ремесло, и по механизму и по устройству сословія, и для общаго успѣха художествъ не оказала никакого содѣйствія.

Съ Петромъ Великимъ и живопись получила нѣкоторую жизнь, покрайней мѣрѣ Великій Устроитель Россіи, послалъ немалое число молодыхъ людей въ чужіе краи для пріобрѣтенія свѣденій въ живописи и архитектурѣ; Матвѣевъ и Никитинъ возвратились хорошими художниками къ особенному удовольствію Государя; но къ сожалѣнію тогдашнее состояніе художествъ на Западѣ не могло оказать существенной пользы русской живописи. Блистательныя времена италіянской и французской школы отошли безвозвратно; фламандская кон-

чалась; Германія, послѣ Альберта Дюрера и Гольбейна, не имѣла великихъ художниковъ, не гдѣ было учиться, и у насъ прекрасные зачатки, положенные Петромъ Великимъ, должны были погибнуть отъ недостатка средствъ ученія, отъ неисполненія воли безсмертнаго Петра, указавшаго при Академіи Наукъ преподавать и знатнѣйшія художества; старая русская иконописная школа рушилась, новая потеряла основанія и впослѣдствіи, когда при Императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ оказалась нужда въ живописцахъ, по неволѣ надо было обратиться къ иноземцамъ; выписываніе чужихъ художниковъ не всегда было удачно. Но покрайнѣй мѣрѣ пришельцы приносили съ собою зачатки хорошаго вкуса, огромныя работы заставляли думать о исполнителяхъ: смѣтливые русскіе добровольно бросались на новое поприще, обѣщавшее несомнѣнныя выгоды; многіе изъ московскихъ иконописцевъ были выписаны въ Петербургъ или приходили сами, скоро перенимали знанія и способъ работы у своихъ гостей, такъ что, не смотря на всю бѣдность талантовъ и средствъ, между многочисленными русскими художниками были, и такіе, которые заслужили вниманіе правительства и чужеземцевъ и самостоятельно занимались искусствомъ. Вишняковъ и Бѣльскій преимущественно пользовались уваженіемъ и

писали почти всѣ образа для большой и малой церквей Зимняго Дворца, кромѣ плафоновъ. Для такихъ больщихъ работъ довѣріе къ русскимъ художникамъ такъ далеко еще не простиралось; при томъ и зодчіе, всегда иностранцы, при распредѣленіи заказовъ, радѣли больше о выгодахъ своихъ соотечественниковъ. Наконецъ положено начало Академіи Художествъ, и въ короткое, можно сказать, ничтожное время русская живописная школа создалась, образовалась, созрѣла и принесла огромные, неожиданные плоды. Восемьдесятъ четыре года существуетъ наша Академія и можно ли вѣрить, что художества въ Россіи имѣютъ такія знаменитости, которыя, безъ хвастовства и лести, могутъ быть поставлены наровнѣ съ первокласными главами старыхъ школъ? — Можно и должно. Доказательства на лице:

Не безъ умысла я позволилъ себѣ изложить вкратцѣ состояніе нашей живописи въ старое время. При внимательномъ разсмотрѣніи достоинствъ нашей русской школы, каждый легко убѣдится, что она явилась, можно сказать, неожиданно, не имѣетъ прошедшаго, не имѣетъ того дѣтскаго возраста, когда заготовляются всѣ силы и способности, какія должны развиться и дѣйствовать въ зрѣломъ возрастѣ; всѣ школы усовершались постепенно, всѣ начинались и продолжались въ ка-

комъ то естественномъ порядкѣ, достигали знаменитости и склонялись къ упадку, отъ котораго не могли спасти и донынѣ не спасаютъ никакія усилія. Взглянемъ на русскую. Гдѣ ея начало? Нѣсколько человѣкъ иностранцевъ приглашены по контрактамъ дать избраннымъ воспитанникамъ первоначальныя понятія о живописи, архитектурѣ, ваяніи и другихъ художествахъ. Въ томъ же году Лосенко и Баженовъ уже отдѣляются отъ толпы замѣчательными талантами; черезъ три года они уже за границей обращаютъ на себя особенное вниманіе; не прошло и десяти лѣтъ отъ основанія академіи, въ одномъ лицѣ Лосенки уже начинается школа, положительно разнствующая со всѣми тогда существовавшими. Чѣмъ же она отличается? Правильностію рисунка и правдою колорита. Гдѣ же могъ Лосенко заимствовать достоинства, которыхъ именно не доставало его современникамъ? повѣрьте слова мои. Хотя трудно отыскать произведенія Лоррена и Лагрене, учителей Лосенки, но за то вы найдете громаду произведеній Баттони, Буше, I. Вернета, Грёза, Рейнольдса и безчисленныхъ фламандскихъ и итальянскихъ его современниковъ. Никто изъ нихъ положительно, не былъ образцемъ для Лосенки; напротивъ онъ искалъ своего идеала во всей Исторіи художества, онъ сравнивалъ, вникалъ, соображалъ всѣ

памятники искусства; добивался художественной анатоміи, правды, пропорціи; ученики поняли учителя; особенно Угрюмовъ, одаренный высокимъ талантомъ, съ великимъ усердіемъ продолжалъ подвигъ Лосенки. Слѣдующее поколѣніе ни мало не уклонилось отъ давнаго русской школѣ направленія, составляющаго ея самостоятельность и передало завѣтъ учительскій, своимъ преемникамъ, современникамъ нашимъ. Такимъ образомъ русская школа, въ теченіи осьмидесяти лѣтъ, въ четырехъ поколѣніяхъ представляетъ рѣшительно одну идею, которой не измѣняетъ, какъ бы ни разнообразны были по видимому ея произведенія въ разные періоды. Правильность рисунка и правда колорита составляютъ и донынѣ отличительныя ея черты и достоинства. Разница въ степеняхъ усовершенствованія. Лосенко, Угрюмовъ, Шебуевъ и Егоровъ, Карлъ Брюлловъ — ея представители. Школа русская есть продолженіе школы общей италіянской; если Исторія будетъ слѣдовать за искусствомъ не этнографически, а по развитію главной идеи художества, которая переходила отъ одного народа къ другому, то со смертію Пуссена, она непремѣнно потеряетъ нить своего изслѣдованія, если не обратитъ вниманія на Россію и никогда не объяснитъ появленія К. Брюллова. Тогда только каждый мыслящій убѣдит-

ся въ любимой своей идеѣ, что и въ художествахъ не было скачковъ; что истинное художество, какъ огонь Весты, неугасимъ, хотя тотъ огонь изъ Рима перешелъ въ Галлію, оттуда перенесенъ въ Литву и Біармію, и гдѣ нибудь, мысль Пуссеня, строгая и важная, живетъ жизнію вѣчной, украшенная всевозможнымъ благолѣпіемъ наружнымъ. Но эта одежда принадлежитъ вѣку.

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

Кто сей юный? — Въ ризѣ свѣта
Онъ небесно возблисталъ,
И сіяющій предсталъ
Кроткой дѣвѣ Назарета:
Дышетъ радостью чело;
Вѣютъ благовѣстью рѣчи;
Кудри сыплются на плечи;
За плечомъ дрожитъ крыло.

Кто сія? — Покровъ лилейный
Осѣняетъ ясный ликъ,
Долу взоръ благоговѣйный
Подъ рѣсницами поникъ?
Скрещены на персяхъ руки;
Въ персяхъ сдержанъ тихій вздохъ;
Робкій слухъ пріемлетъ звуки:
«Дѣва, сынъ твой будетъ Богъ!»

Этотъ юноша крылатый —
Искупленія глашатай,
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ — полна смущенья —
Дѣва — матерь Божества!

В. БЕНЕДИКТОВЪ.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ СОБОРЪ.

(Соч. Автора Путешествія по Св. мѣстамъ.)

Ночь; заключены соборы Кремля; изъ одной только открытой паперти, какъ изъ глубокаго жерла, льется отрадное мерцаніе невидимой лампады, которая невольно манитъ запоздавшаго, изъ внѣшняго мрака, въ гостепріимную сѣнь святилища. — Онъ всходитъ по звонкимъ ступенямъ; шаги его говорятъ, подъ отзывными длинными сводами, и рядомъ съ нимъ идетъ его тѣнь, мгновенно теряясь въ узкихъ окнахъ и застилая собою древніе лики, вдоль по стѣнѣ. Что дальше, то яснѣетъ углообразная паперть, доколѣ, на крутомъ ея поворо-

2

тѣ, внезапный блескъ огромнаго паникадила, яркой струею не ударитъ, изъ подъ самыхъ сводовъ, по лоснящимся камнямъ, какъ искрометная волна водопада, мгновенно ринувшаяся съ утеса. Отъ лика Спасова, одѣяннаго свѣтомъ, какъ ризою, повсюду льются широкіе лучи, и вотъ загараются окрестъ горнія изображенія св. Троицы, въ видѣ трехъ Ангеловъ путниковъ, посѣтившихъ древняго Патріарха, и вся книга земнаго родства сына Давидова, сына Авраамова, съ ликами семидесяти Апостоловъ, проповѣдавшихъ слово Его по вселенной. — Такое обиліе свѣта истекаетъ отъ чудотворной иконы Того, кто Самъ былъ свѣтъ міру.

Но въ какое святилище служитъ преддверіемъ сія таинственная паперть, полусвѣтлая, полумрачная, гдѣ такъ ясно все горнее, а теменъ входъ? — Это храмъ Благовѣщенія, третій именитый соборъ Кремлевскій, прислоненный къ палатамъ царскимъ, какъ домашняя сокровищница молитвы блюстителей земли Русской. Изъ грановитой палаты, по лѣтописнымъ спупенямъ краснаго крыльца, истертаго стопами великихъ мужей, мимо мѣдныхъ львовъ Іоанна, грызущихъ щиты свои, открывалось, при плескахъ народныхъ, шествіе Царей нашихъ, когда спускались они въ соборъ Благовѣщенскій, для брачныхъ торжествъ, которыя сулили свѣтлою на-

деждою Россіи и прочностью ея грановитому престолу. Радостенъ былъ для нее и разсвѣтъ каждаго царственнаго младенца, просвѣщаемаго водою крещенія, въ стѣнахъ того же святилища, иногда уже на вечерѣ дней державнаго отца, который передавъ его, залогомъ грядущаго счастія, своему народу, самъ отходилъ къ спящимъ предкамъ, въ сосѣдній соборъ Архангельскій. Остановимся и мы, на ступеняхъ Краснаго крыльца, и оттолѣ, въ утреннемъ свѣтѣ, окинемъ, благоговѣйнымъ взоромъ, златоглавый храмъ, который весь исполненъ глубокою молитвенною мыслію.

Четыре легкихъ купола, окружающіе главный, не служатъ только украшеніемъ, обычнымъ для соборовъ, въ знаменіе четырехъ Евангелій, на коихъ утверждена Церковь, нѣтъ, въ каждомъ изъ сихъ куполовъ, есть малый горній храмъ, такъ, что въ одинъ молитвенный часъ, изъ одного святилища, пять божественныхъ литургій могутъ возносить безкровную жертву. Кромѣ одного только придѣла, во имя Св. Александра Невскаго, посвященнаго нѣкогда памяти Великаго Василія, который былъ Ангеломъ обновителю собора, — прочіе три относятся къ основной мысли храма, и дополняютъ великое торжество благовѣщенія, меньшими празднествами: въ честь Архангела Гавріила, вѣстника небесна-

го мира, и въ честь Богоматери, которая послужила храмомъ для Воплощеннаго; наконецъ послѣдній придѣлъ, входа Спасителева въ Іерусалимъ, напоминаетъ намъ, что чрезъ Его торжественное шествіе въ земный Сіонъ, открылись для насъ врата небеснаго.

На сѣверной стѣнѣ собора, противъ Краснаго крыльца, изображено Благовѣщеніе, не въ томъ однако видѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть сію икону. Не въ убогой храминѣ является благовѣстникъ-Ангелъ молящейся Дѣвѣ, но сѣдящей съ водоносомъ, у кладезя Галилейскаго; ибо мѣстное преданіе гласитъ, что когда смиренная Марія, подобно прочимъ дѣвамъ Израиля, выходила каждый день къ истоку водному, однажды явился ей Ангелъ на истокѣ, съ благодатною вѣстію; самый колодезь донынѣ показываютъ, внутри убогой церкви, принадлежащей Православнымъ въ Назаретѣ. — Вѣроятно, одинъ изъ Патріарховъ Іерусалимскихъ, посѣтивъ отечество наше, принесъ съ собою и сіе преданіе, которое изобразили на томъ храмѣ, куда обыкновенно слагались священныя приношенія Восточныхъ Іерарховъ: святыя мощи и кресты, донынѣ составляющіе лучшее сокровище Благовѣщенскаго собора. Тамъ, въ числѣ неоцѣненныхъ даровъ Востока, хранятся еще крестъ Царя Константина, и другой, присланный Им-

ператоромъ Комниномъ Мономаху, и два рукописныхъ Евангелія, исхода XI вѣка, и сосуды XIV, принадлежавшіе Новгородскому владыкѣ Моисею, съ прочею драгоцѣнною утварью.

Надъ входомъ въ паперть, есть другое изображеніе Пречистой Дѣвы, составленное изъ олицетворенныхъ пѣсней ея акаѳиста. Она представлена, какъ одушевленный храмъ Господа, все содержащаго въ десницѣ своей, который, какъ непорочный агнецъ, пасется на лонѣ Маріи, пріемля пѣснь Ангелевъ, поклоненіе пастырей и дары Волхвовъ, вопіющихъ: «радуйся Агнца и Пастыря Матерь, селеніе Бога и Слова, заря таинственнаго дня!»

Вся лѣвая стѣна паперти исписана, страшнымъ треволненіемъ пророка Іоны, поглощаемаго тридневно въ персяхъ китовыхъ, ибо онъ также былъ таинственнымъ образомъ воплощенія и погребенія Христова. При воззрѣніи на сію бурю морскую, въ преддверіи мирнаго храма, невольно исторгается изъ устъ тихая пѣснь канона Богоматери: «житейское море воздвизаемое зря, напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!»

Три благовѣрные Князя, встрѣчаютъ молитвенни-

го мира, и въ честь Богоматери, которая послужила храмомъ для Воплощеннаго; наконецъ послѣдній придѣлъ, входа Спасителева въ Іерусалимъ, напоминаетъ намъ, что чрезъ Его торжественное вшествіе въ земный Сіонъ, открылись для насъ врата небеснаго.

На сѣверной стѣнѣ собора, противъ Краснаго крыльца, изображено Благовѣщеніе, не въ томъ однако видѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть сію икону. Не въ убогой храминѣ является благовѣстникъ-Ангелъ молящейся Дѣвѣ, но сѣдящей съ водоносомъ, у кладезя Галилейскаго; ибо мѣстное преданіе гласитъ, что когда смиренная Марія, подобно прочимъ дѣвамъ Израиля, выходила каждый день къ истоку водному, однажды явился ей Ангелъ на истокѣ, съ благодатною вѣстію; самый колодезь донынѣ показываютъ, внутри убогой церкви, принадлежащей Православнымъ въ Назаретѣ. — Вѣроятно, одинъ изъ Патріарховъ Іерусалимскихъ, посѣтивъ отечество наше, принесъ съ собою и сіе преданіе, которое изобразили на томъ храмѣ, куда обыкновенно слагались священныя приношенія Восточныхъ Іерарховъ: святыя мощи и кресты, донынѣ составляющіе лучшее сокровище Благовѣщенскаго собора. Тамъ, въ числѣ неоцѣненныхъ даровъ Востока, хранятся еще крестъ Царя Константина, и другой, присланный Им-

ператоромъ Комниномъ Мономаху, и два рукописныхъ Евангелія, исхода XI вѣка, и сосуды XIV, принадлежавшіе Новгородскому владыкѣ Моисею, съ прочею драгоцѣнною утварью.

Надъ входомъ въ паперть, есть другое изображеніе Пречистой Дѣвы, составленное изъ олицетворенныхъ пѣсней ея акаѳиста. Она представлена, какъ одушевленный храмъ Господа, все содержащаго въ десницѣ своей, который, какъ непорочный агнецъ, пасется на лонѣ Маріи, пріемля пѣснь Ангелевъ, поклоненіе пастырей и дары Волхвовъ, вопіющихъ: «радуйся Агнца и Пастыря Матерь, селеніе Бога и Слова, заря таинственнаго дня!»

Вся лѣвая стѣна паперти исписана, страшнымъ треволненіемъ пророка Іоны, поглощаемаго тридневно въ персяхъ китовыхъ, ибо онъ также былъ таинственнымъ образомъ воплощенія и погребенія Христова. При воззрѣніи на сію бурю морскую, въ преддверіи мирнаго храма, невольно исторгается изъ устъ тихая пѣснь канона Богоматери: «житейское море воздвизаемое зря, напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!»

Три благовѣрные Князя, встрѣчаютъ молитвенни-

ковъ, почти на первыхъ ступеняхъ: святой Князь Даніилъ, основатель княженія Московскаго и всей грядущей его славы, котораго нетлѣнныя мощи положены въ твердую основу первопрестольному граду, и правнукъ Даніила, Донской, сокрушитель Мамая, выступившій противъ невѣрныхъ, съ иконою Богоматери, которая хранится въ соборѣ, и обновитель храма, сынъ великаго Іоанна, Василій; всѣ три изображены на стѣнахъ преддверія.

Рядъ мудрецовъ языческихъ и ветхозавѣтныхъ прозорливцевъ, начертанъ также, на столпахъ и въ простѣнкахъ сей глубокомысленной паперти, съ хартіями своихъ изреченій въ рукахъ, дабы видѣла Христіанская Церковь, что не только ветхій завѣтъ раскрывалъ тайну, о воплощеніи Мессіи, но что, и посреди народовъ языческихъ, просіявалъ иногда отблескъ сего невечерняго свѣта, въ мужахъ, которые, не вѣдая закона, творили законное по природѣ. Разумъ человѣческій, не ослѣпляемый мудрованіемъ плотскимъ, восходилъ иногда и до созерцанія божественныхъ истинъ, предваряя откровеніе, потому что, говоритъ Апостолъ Павелъ: «Самъ Богъ явилъ намъ все, что о немъ знать можно, и невидимое Его, присносущная сила и божество, отъ самаго сотворенія міра, видимы чрезъ разсматриваніе

тварей, такъ, чтобы не познавшимъ и не чтущимъ Бога быть безотвѣтными.» (Рим. 1. 20.) Сіе глубокое слово Апостола хотѣли выразить, въ лицахъ, благочестивые строители храма, помѣстивъ въ его преддверіе двѣнадцать философовъ и съ ними шесть пророковъ Израиля, возводящихъ постепенно, своими видѣніями, до книги родства Іисуса Христа, начертанной на сводахъ. Кто же сія избранники ветхаго міра и завѣта, поставленные однако не въ лѣтописномъ порядкѣ, у которыхъ время стерло въ рукахъ нѣкоторыя изреченія ихъ хартій?

Первый — Аристотель, основа схоластики среднихъ вѣковъ, указывающій, въ свиткѣ своемъ, на первоначальное сознаніе троичности Божества: «первѣе Богъ, потомъ же Слово, и Духъ съ ними единъ.» Подлѣ него вдохновенная Сивилла, благословляющая Господа Бога Израилева «яко посѣтилъ и сотворилъ.» Великій труженикъ Анахарсисъ, много скитавшійся по вселенной, постигъ «что уныніе есть пагуба человѣкамъ и всяческимъ, яже суть въ нихъ.» — Менандръ, одинъ изъ поэтовъ Греціи, проклинаетъ всякаго не любящаго Бога: «иже бо не любитъ Создателя своего, да будетъ проклятъ.» Жизнеописатель великихъ мужей, Плутархъ, внушаетъ нравственность языческому міру: «Бога бойся первѣе, родителямъ повинуйся, іереи хвали, старцы честнѣ почи-

тай.» — Вотъ и Анаксагоръ, одинъ изъ глубокихъ мыслителей образованной Греціи, предостерегаетъ: «что бѣду пріемлетъ всякъ высше испытуяй о Бозѣ, яже не подобаетъ.» Стоикъ Зинонъ говоритъ, по горькому опыту: «что юность ниже добра, ниже зла.» Историкъ Ѳукидидъ и великій астрономъ Птоломей, не оканчиваютъ рѣчей своихъ, которыя для насъ утрачены. — Но вотъ и таинственный Трисмегистъ, источникъ всей мудрости Египетской, возвѣщаетъ: «что не созданныя естества и божественныя рожденія, не имѣютъ ни начала, ни конца.» Сократъ, запечатлѣвшій смертію свою нравственную проповѣдь, твердо исповѣдуетъ, какъ бы предъ Ареопагомъ: «что добраго мужа никакое зло не постигнетъ, что душа наша безсмертна, по смерти же будетъ добрымъ награда, а злымъ наказаніе;» и невольное сознаніе исторгается изъ устъ, славнѣйшаго изъ учениковъ его, Платона: «должно надѣяться, что самъ Богъ низпошлетъ небеснаго учителя и наставника людямъ.»

Пророки наводятъ свѣтильникъ Духа Божія, на сіе благодатное пробужденіе человѣческаго разума, и движутъ предъ собою вѣки, къ познанію Богочеловѣка. Даніилъ, вѣрно предсказавшій, чрезъ семьдесятъ таинственныхъ седминъ, самый годъ искупительной жертвы, предвидѣлъ также, въ образѣ златоглаваго истукана, съ

серебряными персями, мѣднымъ чревомъ и полужелѣзными, полускудѣльными ногами, четыре земныхъ царства, надъ обломками коихъ, вознесется одно небесное и обниметъ весь міръ, хотя по видимому оно возникнетъ отъ непримѣтнаго начала: «азъ видѣхъ гору несѣкому, отъ нея же отсѣчеся камень, безъ рукъ, и истни глину, желѣзо, мѣдь, сребро и злато.» Еще прежде него взываетъ Исаія, болѣе Евангелистъ, нежели Пророкъ, какъ бы очевидный свидѣтель воплощенія, за восемь вѣковъ до Христа: «се Дѣва пріиметъ во чревѣ и родитъ Сына и нарекутъ ему имя Еммануилъ.» И Пророкъ Іоиль видитъ благодатное явленіе Духа: «излію Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дщери ваши, и въ тѣ дни всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется.» Іона, образъ погребеннаго, вопіетъ, посреди своихъ треволненій: «живъ Господь, жива душа твоя, аще отстанетъ отъ беззаконій.» И отецъ царственнаго Давида, Іессей, изъ свитка Пророка Исаіи, свидѣтельствуетъ о себѣ и о грядущемъ Мессіи: «жезлъ изъ корени Іессеева, и цвѣтъ отъ корня его взыдетъ, и почіетъ на немъ Духъ Божій;» а Соломонъ, создавшій храмъ истинному Богу, постигъ кого знаменуетъ храмъ сей: «Премудрость созда себѣ домъ и сотвори столповъ седмь.»

Символическія изображенія продолжаются и при входѣ въ самое святилище, съ нѣкоторою примѣсью мудрованій позднѣйшихъ. Налѣво, отъ западной двери, начертана на стѣнахъ олицетворенная земля, въ образѣ жены, держащей на лонѣ своемъ кошницу, изъ которой изходятъ Адамъ и Евва; вокругъ нихъ все существующее на землѣ, въ воздухѣ и подъ водами, а подлѣ адское мученіе врага, искусившаго человѣческій родъ. По правую сторону дверей изображеніе небеснаго царства, привратникомъ коего одинъ изъ Апостоловъ съ знаменательными ключами, а предъ вратами сидятъ три древніе Патріарха, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе на лонѣ своемъ души, въ образѣ младенцевъ.

Въ аркахъ, надъ сими картинами земли, ада и рая, таинственныя видѣнія Апокалипсиса: съ одной стороны Вавилонъ, великая мать мерзостей земныхъ, въ образѣ жены на звѣрѣ багряномъ, облеченная порфирой, съ златою чашею въ рукахъ, полною всякихъ сквернъ, сама упоенная кровію Святыхъ, свидѣтелей Христовыхъ; подлѣ, седмь Ангеловъ, съ трубами, стоящіе посреди безмолвія неба; еще одинъ Ангелъ вознесъ въ златой кадильницѣ, молитвы Святыхъ, съ дымомъ ѳиміама, и потомъ повергъ на землю кадильницу, и сдѣлались гласы и громы, молніи и землятрясенія.

А на противуположной сторонѣ: свѣтлое облако, на которомъ сидитъ подобный сыну человѣческому, въ золотомъ вѣнцѣ, съ острымъ серпомъ въ рукахъ, ибо уже созрѣла на землѣ жатва; онъ бросилъ серпъ и пожата была земля, и вотъ сквозь отверстое небо скачетъ конь бѣлый; сѣдящій на немъ вѣренъ и истиненъ: очи его какъ пламя и много діадимъ на главѣ; онъ облеченъ въ ризу багряную отъ крови, и на челѣ его написано имя, которое никто не зналъ, кромѣ него самаго, доколѣ не открылъ міру: имя сіе — Слово Божіе, а за нимъ потекли воинства небесныя, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый. — Такъ пророчества ветхозавѣтнаго міра, при переходѣ изъ паперти въ храмъ, смѣняются откровеніями послѣднихъ дней новозавѣтнаго міра, о вѣчной славѣ Церкви торжествующей, послѣ всѣхъ ея земныхъ искушеній.

Тѣсенъ внутри, но благолѣпенъ малый храмъ, исписанный золотомъ по стѣнамъ, устланный яшмою вмѣсто мрамора. Отрадно въ немъ для сердца, особенно, когда съ открытіемъ царскихъ вратъ, расширяется святилище, зрѣлищемъ олтаря, исполненнаго ликами Апостоловъ и Святителей; они представляютъ собою полноту Вселенской Церкви, похваляющей Пречистую Дѣву, предъ горнимъ престоломъ Господа Силъ.

На четырехъ столпахъ возносится легкій куполъ; два изъ нихъ, посрединѣ церкви, украшены также знаменательными иконами, какъ и самая паперть, своды и стѣны. Образъ страстной Божіей Матери, на правомъ столпѣ, обнесенъ ликами Архангеловъ и праведныхъ женъ, мученицъ и пророчицъ, равноапостольныхъ Княгинь и Царицъ, изъ коихъ нѣкоторыя были Ангелами нашихъ. Къ сему же столпу прислонено, со стороны иконостаса, царское мѣсто, съ иконою Живоначальной Троицы, подъ богатымъ навѣсомъ, по сторонамъ коей стоятъ княжескіе мученики Борисъ и Глѣбъ.—Это даръ Годунова, особенно пышнаго въ своихъ даяніяхъ Церкви, который, какъ будто, искалъ воздать небу, за похищенное имъ на землѣ.

На лѣвомъ столпѣ расположены, по красному бархату, драгоцѣнные кресты, образа и панагіи, которые носили Цари наши, во дни торжественныхъ выходовъ, и подъ ними начертана въ краткихъ словахъ вся лѣтопись собора: «во славу святыя, животворящія, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, въ честь и память преблаженныя Дѣвы Маріи, святая соборная, честнаго ея Благовѣщенія церковь, создана бысть у сѣней двора Государева, повелѣніемъ благовѣрнаго Великаго Князя Московскаго и всея Рос-

сія, Василія Димитріевича, въ лѣто отъ Р. Х. 1397, и по его же повелѣнію, въ 1405 году, украшена бысть иконнымъ писаніемъ; но по усердію и волѣ благовѣрнаго В. К. Московскаго и всея Россіи, Іоанна Васильевича, та первозданная церковь, въ 1482 году, разобрана и на мѣстѣ ея воздвигнутъ сей, въ настоящемъ видѣ соборъ, который, со всѣми бывшими и нынѣ существующими при немъ придѣльными храмами, освященъ Геронтіемъ Митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи, Августа въ 9 день, лѣта 1487, иконописью же по стѣнамъ украшенъ при В. К. Василіѣ Ивановичѣ, въ 1508 году. Оная иконопись возобновлена, при благочестивомъ Государѣ Царѣ и В. К. Петрѣ Алексѣевичѣ, въ 1697 году; потомъ же повелѣніемъ Екатерины II, въ 1770 году, и опять Императоромъ Александромъ I, въ 1801 году; внѣшнее сего собора благолѣпіе возобновлено, и выстланъ въ паперти полъ камнемъ, повелѣніемъ Императора Павла I, въ 1799 и въ 1800.»

Верхъ благолѣпія соборнаго въ роскошномъ иконостасѣ; пять мѣстныхъ иконъ, по правую сторону царскихъ вратъ, и четыре по лѣвую, замѣчательны своими символами, или достоинствомъ историческимъ. Образъ библейскаго шестоднева, на коемъ представлено сотвореніе міра видимаго и человѣка, въ состояніи невинно-

сти, стоитъ подлѣ лика Искупителя, который окруженъ изображеніями Евангельскими, Его жизни и страданій, для возвращенія падшаго человѣчества къ первобытной невинности. Прилично и выраженіе благодарнаго сердца, Пречистой Матери Господней, въ олицетворенныхъ пѣсняхъ акаѳиста, на поляхъ ея иконы. Есть и другое изображеніе молитвы, или деисусъ, (отъ греческаго слова деисисъ — молитва), на которомъ представлены Пречистая Дѣва и Предтеча, молящіеся Господу Іисусу, а вокругъ нихъ лики всѣхъ святыхъ молитвенниковъ. Оно стоитъ подлѣ Тихвинской иконы, восходящей до временъ Іоанна III.

Но два главные образа, Спаса и Божіей Матери, сосредоточиваютъ въ себѣ всю древность и всю святыню храма и, какъ два благодатныя ока, привѣтливо смотрятъ на входящихъ въ святилище. Одна икона изображаетъ Великаго Архіерея, Господа Іисуса Христа, сѣдящаго на престолѣ славы, и подпись свидѣтельствуетъ, о давнихъ годахъ ея и о тѣхъ священныхъ лицахъ, которымъ принадлежала: «въ лѣто міробытія 6845, отъ Р. Х. 1337, сія чудотворная икона Спасителя написана при державѣ В. К. Іоанна Даниловича Калиты, многогрѣшнымъ Михаиломъ, поднесена бысть святому владыцѣ Моисею, отъ святаго Петра Митрополита Москов-

скаго, въ лѣто 1325, изъ Архимандритовъ Юрьева Монастыря, въ Велико-Новградъ рукополагаемому.»

Другая икона, Донской Божіей Матери, храмовая собора, съ изображеніемъ ея успенія на задней сторонѣ, и съ осмнадцатію ликами праматерей ветхозавѣтныхъ, начиная отъ Евы, надъ которыми такъ высоко вознеслась пречистая Дѣва, Матерь воплощеннаго Сына Божія. Рука враговъ, похитившая драгоцѣнную ея ризу въ 1812 году, не коснулась златокованнаго обруча, который показался имъ мѣднымъ. Славное имя Донской присвоено ей, въ память Куликовской битвы, на которую послѣдовала за мужественнымъ Димитріемъ; ибо Князья наши всегда почитали заступницею своею Божію Матерь, и ей празднуютъ всѣ первопрестольные соборы столицъ, подъ именемъ ли Святой Софіи, или Премудрости Божіей, для которой послужила она домомъ, или тѣхъ мѣстныхъ явленій, какими прославила видимый покровъ свой; даже поясомъ Богоматери слыветъ, въ преданіяхъ народныхъ, рѣка Ока, такъ часто заслонявшая Москву, стальной своей струею, отъ набѣговъ варварскихъ. Сію Донскую икону поднялъ, по примѣру воинственнаго предка, послѣдній изъ рода его, Царь Θеодоръ, когда съ высоты своего Кремлевскаго терема, увидѣлъ станъ Ордынскій, на сосѣднихъ горахъ Воробьевскихъ. Онъ отпустилъ,

съ молебнымъ пѣніемъ, древнюю заступницу, на крайній валъ столицы; а самъ отходя къ покою, на вечерѣ того дня, съ ангельскою улыбкою сказалъ боярамъ, изумленнымъ его спокойствіемъ: «грѣшно бояться, завтра не будетъ врага.» Утромъ, пробудившись отъ мирнаго сна, взошелъ онъ опять на свой теремъ, посмотрѣть станъ Ордынскій, но его уже не было; — слышались только клики ратныхъ, славящихъ побѣду, и Владычица, съ торжествомъ, возвратилась въ древнее свое жилище; а воинскій шатеръ, на мѣстѣ подвига, процвѣлъ, во имя ея, мирною обителію Донскою.

ИСТЯЗАНІЕ.

LE CHIEN DU BERGER. DER HUND DES SCHÄFERS.

ГРОТТА-ФЕРРАТА.

Въ окрестностяхъ Рима, у подножія Монте-Альбано, на днѣ долины, опоясанной съ одной стороны армидиными садами Фраскати, съ другой суровымъ ландшафтомъ Кастель-Гандольеро, покоится скромная иноческая обитель, извѣстная подъ именемъ Гротта-Феррата. Замѣчательно, что въ ней, почти подъ стѣнами высокомѣрной столицы латинскаго запада, господствуетъ чинъ С. Василія Великаго, родившійся на православномъ Востокѣ; самое богослуженіе совершается, хотя уже и по латинскому обряду, но на языкѣ греческомъ. Это послѣдніе остатки греко-восточнаго происхожденія обители, возникшей здѣсь въ тѣ счастливыя времена, когда

вся церковь Христова была одно стадо подъ однимъ небеснымъ Пастыреначальникомъ; когда Западъ, чуждый еще обаяній земной гордыни, расторгшей союзъ древняго вселенскаго братства, довѣрчиво и любовно принималъ съ Востока, отчизны Евангелія, и свѣтъ евангельскаго богомудрія, и образцы Евангельскаго богоподобія!

Но не этой особенности Гротта-Феррата одолжена тѣмъ, что ея мирная тишина до сихъ поръ не перестаетъ возмущаться приливомъ любопытныхъ посѣтителей, стекающихся въ Римъ со всѣхъ концевъ міра. Настоящее время слишкомъ равнодушно къ памятникамъ, не ознаменованнымъ печатью классическаго изящества, или по крайней мѣрѣ античнаго увѣчья. Гротта-Феррата лежитъ на дорогѣ изъ Фраскати въ Альбано: это дѣлаетъ ее необходимымъ перепутьемъ для всякаго, кто вознамѣрился повторить на мѣстахъ древнѣйшую исторію Лаціума, служащую введеніемъ къ великолѣпной исторіи Рима; кто отъ развалинъ стараго Тускулума держитъ путь на кладбище старой Альбы-Лонги, гдѣ не изгладились еще слѣды святилища Юпитера Все-Латинскаго, гдѣ поднесь шумитъ таинственная дубрава Эгеріи, гдѣ указаваютъ вамъ гробницу Горацiевъ и Куріаціевъ. Утомленный крутымъ спускомъ съ высоты, увѣнчанной обломками пышной виллы Цицероновой, путникъ охотно

останавливается въ пріютной глубинѣ долины, подъ сѣнію оливъ, надъ рѣзвымъ потокомъ, шумъ котораго, одинъ послѣ звона монастырскаго колокола, нарушаетъ царствующее вокругъ безмолвіе. Отрадна эта минута успокоенія въ безмятежномъ лонѣ прекрасной природы, въ слѣдъ за бесѣдою съ краснорѣчивымъ прахомъ вѣковъ, встревоженныхъ пытливымъ воспоминаніемъ! Но отдохнувшаго гостя ожидаетъ новое наслажденіе. Тамъ, въ священной оградѣ монастыря, находится часовня, которую зиждительная кисть Доминикино покрыла чудными фресками. Доминикино! Одно это имя не заключаетъ ли въ себѣ непреодолимаго очарованія? Его одного достаточно, чтобы сохранить неизсякаемую занимательность пустынному уединенію Гротты-Ферраты!

Когда мнѣ, именно на такомъ перепутьѣ, довелось посѣтить Гротту-Феррату, первое, или лучше единственное, чего я искалъ въ ней, были также фрески Доминикино. Я нашелъ обитель не въ обыкновенномъ ея покоѣ. Она была полна народа. На ту пору случился праздникъ. Съ окружныхъ деревень стеклись въ особенности поклонницы, блиставшія всей радужной пестротой живописныхъ костюмовъ Римской-Кампаньи. Въ церкви, весьма не обширной, я долженъ былъ пробираться сквозь густые ряды колѣнопреклоненныхъ, благоговѣйно ожи-

давшихъ начатія торжественной миссы. Меня не останововило ничто: ни алтарь роскошно убранный свѣжими, благоуханными цвѣтами, ни яркое сіяніе безчисленныхъ канделабровъ и паникадилъ. Я спѣшилъ въ боковой придѣлъ храма, указанный однимъ изъ послушниковъ. Тамъ не было никого. Свѣтъ дня едва прокрадывался таинственной полумглой во внутренность скромнаго святилища. На алтарѣ ни одной гирлянды, передъ алтаремъ ни одного свѣтильника. Но въ этой пустотѣ, въ этомъ сумракѣ, я не чувствовалъ себя одинокимъ. Стѣны, мертвыя стѣны дышали вокругъ меня неисповѣдимою жизнью....

Благоговѣніе предъ искусствомъ! Даръ творческій есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ обломковъ сокрушеннаго въ насъ образа Всезиждителя. Геній есть искра Божія. Но искусство вполнѣ достойно своего высокаго значенія только тогда, когда чары свои расточаетъ не на рукотвореніе лживыхъ кумировъ, не на соблазнительное ласкательство чувствъ. Служеніе истинѣ и благу: вотъ верховная задача творчества! Религія есть единственный жертвенникъ, предъ которымъ склоняясь, геній возвышается.

Таковы были, явившіяся мнѣ, созданія Доминикино! Каменное полотно, оживленное кистью великаго художника, представляетъ нѣсколько эпизодовъ изъ чудной

христіанской поэмы. Герой поэмы есть святый старецъ, лице котораго господствуетъ на первомъ планѣ каждаго фреска. На немъ, на этомъ лицѣ, художникъ истощилъ все свое могущество; въ немъ совокупилъ онъ всѣ богатства выраженія жизни, достигшей до полноты христіанскаго совершенства: и вѣру безграничную, и самоотверженіе безпредѣльное, и любовь вѣчную, неистощимую, и терпѣніе укрѣпленное упованіемъ, и силу смягченную кротостью, и смиреніе осіянное небеснымъ величіемъ. Старецъ представленъ вездѣ въ рубищѣ простаго инока; но предъ нимъ склоняется во прахъ всякое земное преимущество. Тамъ бѣдному страннику исходитъ во срѣтеніе Папа, во всемъ великолѣпіи первосвященническаго сана, окруженный пышнымъ клиромъ. Здѣсь Кесарь, въ сопровожденіи блистательнаго сонма вельможъ, благоговѣйно полагаетъ царскій свой вѣнецъ къ ногамъ ничтожнаго отшельника. Не возможно торжественнѣе изобразить апотеозу христіанина, богатаго нищетой, высокаго уничиженіемъ, сильнаго въ немощахъ, побѣдоноснаго среди страданій!

Взоры мои были пригвождены къ дивнымъ образамъ. Но душа носилась высоко, высоко! Между тѣмъ въ храмѣ началась служба. Раздались величественные звуки органа, къ которымъ время-отъ-времени приливали во-

склицанія звонкихъ, мелодическихъ италіянскихъ голосовъ. Сердце было уже полно: оно рвалось въ слѣдъ за воображеніемъ. Гармонія довершила волшебство кисти. Все существо мое разлилось въ благодатный потокъ сладкой молитвы. . . .

Священнослуженіе кончилось; а я все еще стоялъ, опершись на рѣшетку, передъ вдохновенными фресками. Внезапный шелесть приближающихся шаговъ пробудилъ меня. Я оглянулся. Предо мной стоялъ ветхій монахъ, съ длинною сѣдою бородой, въ одеждѣ святаго старца, изображеннаго на фрескахъ. Я готовъ былъ принять его за видѣніе, отдѣлившееся отъ очарованныхъ стѣнъ часовни.

— Вы наслаждаетесь нашими драгоцѣннѣйшими сокровищами, сказалъ онъ мнѣ ласково.

— Да, отецъ мой, отвѣчалъ я, стараясь изъ ложнаго стыда, къ несчастію такъ обыкновеннаго, скрыть истинное состояніе моей души. Я ищу разгадать: что именно представляютъ эти дивныя созданія генія?

— Исторію Св. Нила, отвѣтствовалъ монахъ.

— Св. Нила? повторилъ я. Но кто этотъ Св. Нилъ? Я не умѣю себѣ припомнить.

— Божій угодникъ, продолжалъ старикъ, который за восемъ сотъ лѣтъ, здѣсь, въ нашей обители, кончилъ

свою богоподобную жизнь, котораго незабвенную память мы сего-дня празднуемъ. Если вы любопытствуете знать его исторію, изъ которой заимствовано содержаніе этихъ фресковъ съ буквальною точностью, то не угодно ли пожаловать въ нашъ рефекторій. Тамъ, по древне-установленному обычаю, въ настоящій день послѣ миссы, предлагается чтеніе житія праведника, сначала въ старомъ греческомъ оригиналѣ, потомъ въ переводѣ. — Я могу присутствовать при этомъ чтеніи?

— Слѣдуйте только за мною.

Монахъ привелъ меня въ свѣтлую, просторную залу, расписанную сверху донизу священными изображеніями, кисти лучшихъ художниковъ. По срединѣ стоялъ длинный столъ, вкругъ котораго чинно сидѣли братья обители. Я занялъ указанное мнѣ кресло въ сторонѣ, между нѣсколькими гостями, все изъ духовныхъ. Проводникъ мой сѣлъ къ столу на оставленное для него первое мѣсто. Онъ произнесъ благословеніе, въ слѣдъ за которымъ одинъ изъ младшихъ братьевъ началъ чтеніе изъ старинной пергаментной рукописи. Я слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ: и вотъ что запечатлѣлось у меня въ памяти.

Въ десятомъ вѣкѣ, южная Италія, издревле засе-

ленная Греками, даже называвшаяся нѣкогда Великою-Грецiею, принадлежала еще къ Восточной Греческой Имперiи. Конечно, узы гражданскаго подчиненiя отдаленному престолу кесарей Византiйскихъ, узы въ продолженiе вѣковъ разрываемые безпрерывными вторженiями варваровъ то съ сѣвера, то съ юга, были уже очень слабы. Но тѣмъ крѣпче былъ союзъ духовный, поддерживаемый церковною зависимостью отъ патрiаршеской каѳедры Константинополя. Ветхiй Римъ тогда былъ еще такъ маломощенъ и такъ кротокъ, что не имѣлъ ни силы, ни желанiя оспоривать у новаго Рима страну, наслѣдованную по праву единства въ языкѣ, въ нравахъ, во всѣхъ условiяхъ внѣшней и внутренней образованности. Южная Италiя включительно съ Сицилiей, до пришествiя Нордманновъ, безпрепятственно и говорила, и жила, и училась и молилась по-гречески. —

Городокъ Россано, нынѣ почти вовсе позабытый, въ то время былъ гражданскою и церковною митрополiею греческой Калабрiи. Тамъ родился Нилъ, около 906 года. Дары природы и счастiя пролились на него въ колыбели. Онъ принадлежалъ къ почетной и богатой фамилiи въ области. Съ рѣдкою тѣлесною красотой соединялась въ немъ счастливая организацiя души, отличныя способности, блестящiе таланты. Все это было воздѣлано, довер-

шено тщательнымъ воспитаніемъ, наслѣдствомъ классической древности, котораго остатки во мракѣ среднихъ временъ все еще сохранялись у Грековъ.

Юноша, съ такимъ запасомъ обольстительныхъ достоинствъ, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, сдѣлался кумиромъ общества, въ особенности женщинъ. Трудно было устоять противъ вихря соблазна, не отвѣчать увлеченіемъ на увлеченіе. Онъ покорился могуществу любви. Онъ испилъ до дна чашу упоительной отравы, предъ которою затмилась мудрость Соломона, мудрѣйшаго изъ мудрыхъ. Безуміе страсти не дождалось освященія узъ сердца бракомъ, который впрочемъ и не былъ возможенъ, по причинѣ чрезмѣрнаго неравенства обоюднаго положенія любящихся въ свѣтѣ. Юноша былъ уже отцемъ, не бывши супругомъ.

Внезапно тяжкій недугъ сразилъ молодаго вѣтренника. Въ жилахъ, роскошествующихъ жизнію, разлилось губительное пламя горячки. Несчастный счастливецъ, въ самомъ разгулѣ земнаго пиршества, услышалъ грозный голосъ смерти. Шумъ страстей умолкъ. Завѣса очарованія расторглась. Призраки разсѣялись. Передъ застигнутымъ въ расплохъ грѣшникомъ отворились тяжкія врата суровой, неумолимой вѣчности.

Какъ часто мы оскорбляемъ безразсудньмъ ропотомъ

Провидѣніе, искушающее насъ очистительнымъ огнемъ страданій! Золото, не побывавшее въ горну, остается на всегда презрѣннымъ кускомъ грубаго мусора. Таковъ общій законъ развитія жизни, общій процессъ совершенствованія бытія. Возрожденіе, точно какъ и простое рожденіе, совершается въ болѣзняхъ. И благо намъ, благо намъ, если неизбѣжныя муки спасительнаго очищенія падаютъ на наше тѣло! Гораздо тягостнѣе страданія душевныя. Притомъ, чѣмъ больше внѣшній человѣкъ тлѣетъ, тѣмъ больше внутренній обновляется. Изможденіемъ тѣла естественно укрѣпляется душа.

Такъ случилось и съ Нилоыъ. На одрѣ смерти, передъ зіяющею могилою, онъ созналъ вполнѣ жалкое ничтожество міра, коварный обманъ страстей, лживую пустоту земныхъ утѣхъ, и безумныя заблужденія легковѣрной юности омылъ горькими слезами раскаянія. Мало того: въ виду строгой вѣчности, онъ почувствовалъ, что жить такъ, какъ онъ жилъ до сихъ-поръ, значило не только унижать себя въ собственныхъ глазахъ недостойнымъ злоупотребленіемъ жизни, но и неблагодарно оскорблять благость Творца, изліявшаго на насъ столь щедро все обиліе даровъ своихъ, почтившаго насъ своимъ образомъ и подобіемъ. Какъ христіанинъ, онъ зналъ, что если безпредѣльно милосердіе, то безпредѣль-

но и правосудіе Божіе, умилостивляемое токмо плодами, достойными покаянія. И вотъ онъ собираетъ послѣдніе остатки силъ, которые крѣпость молодости оспорила у смертоноснаго недуга, срывается съ болѣзненнаго ложа, полуживой, не дождавшись совершеннаго исцѣленія, и бѣжитъ въ близлежащій монастырь, чтобы тамъ, не тратя ни минуты, закласть всю остающуюся ему будущность въ очистительную жертву прошедшаго.

Сила воли, подкрѣпленная благодатію свыше, легко разорвала постыдный союзъ съ міромъ. Но не такъ легко лукавый міръ разстался съ ускользающею отъ него добычею. Едва юноша достигъ избраннаго имъ священнаго убѣжища, какъ пришло изъ города повелѣніе эпарха области, безъ сомнѣнія выхлопотанное опечаленнымъ семействомъ бѣглеца: повелѣніе варварское, воспрещавшее монастырю принимать обѣты новаго пришельца, подъ страхомъ лишенія всѣхъ имуществъ, грозившее отсѣченіемъ рукѣ, которая дерзнетъ скрѣпить эти обѣты неразрѣшимою печатью пострижeнія. Избранникъ Божій не поколебался тѣмъ: онъ только удалился въ другую отдаленнѣйшую обитель, куда не простиралась власть, его преслѣдовавшая. Но искушенія не отставали. На пути встрѣтился съ нимъ одинъ изъ Сарациновъ, въ то время безпрерывно рыскавшихъ съ

огнемъ и мечемъ по Южной Италіи. Онъ остановилъ путника съ грубыми вопросами: кто онъ, откуда и куда? Нилъ добродушно расказалъ истину. Сарацинъ изумился, смотря на его цвѣтущую молодость, угадывая его положеніе въ свѣтѣ по богатству носимой имъ, еще мірской, одежды. «Ты бы по-крайней-мѣрѣ дождался старости» — сказалъ онъ юношѣ — «чтобъ исполнить свою безразсудную прихоть?» — Нѣтъ! отвѣтствовалъ мудрый юноша: то не была бы жертва достойная Бога! Старикъ не годенъ на службу и земному царю: какой же онъ слуга для Царя царей? — Отвѣтъ этотъ поразилъ невѣрнаго. Онъ не только смягчился, но еще осыпалъ похвалами юнаго героя, пожелалъ ему отъ сердца успѣха въ предлежащемъ подвигѣ, указалъ ближайшій путь къ монастырю, котораго онъ искалъ, и раздѣлилъ съ нимъ дорожный запасъ свой, жалѣя, что не можетъ предложить ничего болѣе и лучше. Уже Нилъ приближался къ вожделенной цѣли своего странствованія: его ожидала здѣсь новая пытка. Почти подъ стѣнами обители, къ которой онъ стремился, наскакалъ на него буйный всадникъ, одинъ изъ скитающихся рыцарей, въ то время отличавшихся звѣрскою необузданностью страстей. Вѣроятно разобиженный скуднымъ монастырскимъ пріемомъ, онъ, надъ головою будущаго

инока, разразился громомъ неистовыхъ ругательствъ и проклятій на всѣхъ монаховъ, злобно кощунствовалъ надъ ихъ жизнью, упрекалъ ихъ въ лицемѣріи, въ ложномъ призракѣ воздержанія, подъ которымъ таится ненасытное чревоугодіе. «Въ ихъ котлѣ» — кричалъ онъ — «я установлюсь и съ лошадью!» — Кроткій юноша счелъ безполезнымъ разсуждать съ бѣснующимся. Онъ зажалъ уши, и опрометью кинулся бѣжать въ монастырь, котораго ворота привѣтно предъ нимъ отворились.

Въ настоящее время рѣдки примѣры подобнаго крутаго, въ одно мгновеніе задуманнаго и въ тоже мгновеніе исполненнаго безвозвратнаго разрыва съ свѣтомъ. Но кто въ жизни не имѣетъ чаще или рѣже минутъ, когда, если не отъ святой тоски по небу, то по-крайней-мѣрѣ отъ скуки пресыщенія на землѣ, душа просится отдохнуть въ затворѣ внутренней своей кельи, уединиться отъ шума мірскаго въ свою сокровенную глубину? И не тѣже ли самыя сцены тогда повторяются? Не такъ же ли этотъ первый шагъ къ духовному пробужденію запутывается въ подкидываемыхъ міромъ сѣтяхъ? Тамъ грозно раздается повелительный вопль житейскихъ отношеній. Здѣсь пошлая дружба шепчетъ предательскіе совѣты, внушаемые по видимому продусмотрительнымъ благоразуміемъ. Тутъ ложный стыдъ встревоживается

ядовитой усмѣшкой, или даже злобнымъ хохотомъ свѣтскихъ пересудовъ. Счастливъ, кто, подобно Нилу, обезоруживаетъ насиліе обстоятельствъ усугубленіемъ самоотверженія, соблазнъ разчета прямодушіемъ, конунство смиренною безотвѣтностью! «Бѣги, безмолвствуй, не возмущайся!» вотъ первоначальная азбука для начинающихъ подвигъ спасенія!

Къ исполненію святаго желанія въ новомъ убѣжищѣ не встрѣтилось никакихъ препятствій. Настоятель принялъ съ распростертыми объятіями гостя, и безъ отлагательства облекъ его во всеоружіе воина Христова. Юноша объявилъ предварительно, что онъ не намѣренъ оставаться здѣсь больше сорока дней послѣ постриженія, что онъ считаетъ себя обязаннымъ воротиться въ обитель, указанную ему перстомъ Божіимъ въ первую минуту благодатнаго вдохновенія. Но этотъ краткій срокъ еще не пришелъ, какъ отъ новаго инока, въ первый опытъ послушанія, потребовали принять начальство надъ однимъ изъ скитовъ, зависѣвшихъ отъ облагодѣтельствовавшей его обители. Вѣрный своей рѣшимости, онъ умолилъ избавить его отъ этой чести. Мало того: онъ такъ испугался предложенія, столь неожиданно, возмутившаго его смиреніе потаенною приманкою гордости, что съ тѣхъ-поръ далъ себѣ торжественный

обѣтъ не принимать никакого почетнаго сана и достоинства.

По прошествіи условленныхъ сорока дней, Нилъ воротился въ прежде-избранный монастырь, и тамъ со всѣмъ рвеніемъ вступилъ на строгій путь подвижничества. Скоро прошелъ онъ всѣ степени духовнаго искуса, опредѣленные правилами иноческаго устава, и не удовлетворился ими. Душѣ его предносился полный идеалъ христіанскаго совершенства. Съ согласія и благословенія отцевъ обители, признавшихъ въ немъ высшее предназначеніе, онъ удалился изъ монастырскихъ стѣнъ въ сокровенную пещеру, находившуюся въ окрестныхъ горахъ. Тамъ, въ глубинѣ безмятежнаго одиночества, онъ возвелъ жизнь свою до высоты самоотверженія, какая только совмѣстна, съ слабостью нашей человѣческой природы. Въ старой легендѣ весьма интересно описывается порядокъ, который святый отшельникъ единожды навсегда учредилъ для своего времени. Изможддая тѣло строгимъ воздержаніемъ, тяжкими лишеніями и трудами, онъ давалъ полное развитіе способностямъ и талантамъ, которыми такъ щедро была надѣлена его душа, освящая только ихъ достойною цѣлію. День начиналъ онъ прилежнымъ упражненіемъ въ переписываніи книгъ: работою, которая въ то время была единственною замѣ-

ною нынѣшнихъ благотворныхъ дѣйствій типографическаго искусства, и въ которой юноша, получившій тщательное воспитаніе, былъ отличнымъ мастеромъ; это продолжалось съ утра до третьяго часа дня по италіянскому счету. Съ третьяго часа до шестаго, стоя, или на колѣнахъ передъ Распятіемъ, онъ совершалъ молитвенное пѣснословіе Псалтыря, своимъ мелодическимъ голосомъ, составлявшимъ нѣкогда утѣху и очарованіе свѣтскихъ бесѣдъ. Отъ шестаго до девятаго часа, уже сидя, погружался онъ въ изученіе писанія и отцевъ. За тѣмъ, исполнивъ вечернее правило, онъ выходилъ изъ своей тѣсной кельи подкрѣпить истощенныя силы прогулкою, продолжить утѣшительную бесѣду съ Творцемъ въ великолѣпной книгѣ творенія. Уже по захожденіи солнца вкушалъ онъ скудную насущную пищу, состоявшую изъ куска сухаго хлѣба, изъ одной зелени или плодовъ, смотря по времени года; питьемъ его была одна вода, и то въ мѣру. Онъ совершалъ свою пустынническую трапезу на голомъ камнѣ, изъ разбитаго черепка: земля служила ему и сѣдалищемъ, и ложемъ для ночнаго успокоенія, послѣ дневныхъ трудовъ. Впрочемъ сну онъ посвящалъ не болѣе одного часу. Воздавъ эту необходимую дань закону природы, онъ поспѣшно вставалъ съ своей жесткой постели, и въ торжественной тишинѣ

ночи совершалъ вторично пѣніе псалтыря, потомъ полуночное и утреннее правило. Такъ въ поочередной смѣнѣ безпрерывныхъ, разнообразныхъ упражненій духа, направленныхъ къ одной цѣли, къ всевозможно полному и свободному развитію внутренняго человѣка, кругообращалась, подобно многоочитому, присновидящему херувимскому колесу, жизнь святаго подвижника. Если жъ дозволялъ себѣ иногда отступать отъ предуставленнаго порядка, то отнюдь не ради какого-либо послабленія; напротивъ въ порывахъ сдѣлать больше, шагнуть далѣе. Не разъ случалось, что въ продолженіе Великой Четыредесятницы, онъ не касался устами ничего, кромѣ святыхъ Таинъ. Однажды, въ теченіи цѣлаго года, онъ пилъ воду, свое единственное питье, только разъ въ мѣсяцъ. Словомъ, онъ испытывалъ на себѣ, до какой степени наша природа можетъ выносить самоумерщвленіе внѣшняго человѣка, чрезъ которое развивается въ насъ человѣкъ внутренній. И это относилось не къ одной пищѣ, но ко всѣмъ матеріальнымъ потребностямъ земнаго бытія. Самоотверженіе Нила простиралось до того, что онъ рѣшительно не имѣлъ никакой собственности: ничего ни въ кельѣ, ни на себѣ, кромѣ одежды, состоявшей изъ грубой власяницы, перепоясанной простою веревкою, одежды единственной, не перемѣняемой до износу.

4*

И для современниковъ, для людей десятаго вѣка, когда религіозный энтузіазмъ былъ еще во всей силѣ, такая жизнь конечно была рѣдкое, необычайное исключеніе. Чтожъ нынѣ, и для насъ? Малодушію нашему естественно возмутиться при мысли: ужели такъ только можно спастись, ужели такъ только должно спасаться? Да! картина совсѣмъ не заманчивая для чувствъ; даже не выносимая для разума, воспитаннаго въ ихъ школѣ! Кто же послѣ того спасется? Спроситъ едва ли не каждый.

Съ подобнымъ вопросомъ приступали уже и къ самому Нилу. Однажды, когда въ слѣдствіе усилившагося разбойничества Сарациновъ, онъ принужденъ былъ, покинувъ свое возлюбленное уединеніе, переселиться въ ближайшее сосѣдство къ Россано, на одну изъ наслѣдственныхъ своихъ земель, во время случайнаго посѣщенія, собралось къ нему множество людей всякаго званія, мірскихъ и духовныхъ: въ томъ числѣ главные сановники городскаго и областнаго правительства; даже самъ митрополитъ Россанскій и всей Калабріи, Ѳеофилактъ, мужъ славившійся разумомъ и ученостью. Они пришли большей-частію изъ любопытства: видѣть и искусить юнаго инока, сдѣлавшагося уже добычею шумной молвы въ народѣ по своимъ безпримѣрнымъ подвигамъ. Началась бесѣда. Разговоръ съ первыхъ рѣчей

палъ на важный вопросъ о «маломъ числѣ избранныхъ». Нилъ смиренно повторилъ слова Евангелія, присовокупивъ, что онъ принимаетъ ихъ въ самой строгой ограниченности буквальнаго смысла, безъ всякихъ послабительныхъ распространеній. «Какъ?» вскричала толпа, «стало быть, мы напрасно носимъ имя христіанъ, напрасно крестились, напрасно причащаемся тѣла и крови божественнаго Искупителя?» — Митрополитъ молчалъ. Нилъ остался одинъ противъ всѣхъ. Чувствуя щекотливость своего положенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ неспособный уступить, тамъ гдѣ дѣло шло о столь важной истинѣ, онъ продолжалъ, съ кротостію, защищаться свидѣтельствами святыхъ отцевъ, раскрылъ богатую сокровищницу своей памяти и представилъ цѣлые отрывки изъ Златоуста, изъ Василія, изъ Ефрема Сирина, изъ Ѳеодора Студита. Потомъ, одушевясь святой ревностью, воскликнулъ въ чувствѣ горестнаго умиленія: «Всѣ вы христіане! Но въ настоящія злополучныя времена такова ли жизнь христіанъ, чтобы царствіе Божіе, въ которое ничто скверное не входитъ, могло быть достояніемъ многихъ?» . . . И въ слѣдъ за тѣмъ, давъ волю своему увлеченію, онъ изобразилъ картину современныхъ нравовъ общества, картину столь извѣстную ему по собственному опыту, съ такой ужасающей вѣрностью, что

слушатели содрогнулись, и со всѣхъ сторонъ раздался скорбный вопль: «Горе намъ грѣшникамъ!» . . .

Впрочемъ, вездѣ есть свои степени: въ жизни внутренней, также какъ и въ жизни внѣшней. На шумномъ позорищѣ міра, не всякой призванъ быть геніемъ, не каждому дано, не отъ каждаго и требуется достигать послѣдняго края земнаго совершенства. Довольно, если относительное совершенство достигается каждымъ по мѣрѣ силъ. Такъ точно и на таинственной лѣствицѣ духовнаго совершенствованія, возводящей отъ земли на небо! Жизнь, подобная Ниловой, представляетъ высшую поднебесную ступень этой безконечной лѣствицы. И она еще далеко отстоитъ отъ того полнаго идеала божественнаго всесовершенства, который во всемъ величіи своемъ изобразился только въ Богочеловѣкѣ. Посмотрите на картину истязанія, вытерпѣннаго на землѣ Сыномъ Божіимъ! Испивъ всю горечь уничижительнаго позора, осмѣянный, обруганный, обезчещенный въ глазахъ міра всею срамотою земнаго безчестія, Онъ, обреченный наконецъ къ мучительной казни поноснаго креста, кротокъ и безгласенъ, какъ агнецъ, среди звѣрскихъ мучителей! Передъ такою пыткою добровольно подъятыхъ страданій — и Кѣмъ еще подъятыхъ! — что значитъ отшельническая пещера, строгое постничество, колючая власяни-

ница? Цѣлая жизнь нашихъ человѣческихъ лишеній что передъ одною минутою, когда онъ, Единородный Сынъ Отчій, долженъ былъ воскликнуть: «Боже мой, Боже мой! Почто Ты меня оставилъ?» Къ недосягаемому идеалу возможно только приближеніе. Пусть каждый идетъ, пока достаетъ у него силъ. Нѣтъ нужды, если одинъ останавливается ниже, другой простирается выше: лишь бы каждый совершилъ все, что онъ можетъ совершить! Въ дому Отца небеснаго обители многочисленны. Звѣзда отъ звѣзды различается блескомъ; но всѣ онѣ на небѣ, всѣ искры Божьяго свѣта, всѣ очи Божіи!

Обратимся къ нашему подвижнику. Еще во глубинѣ своей пещеры, Нилъ увидѣлъ, какое могущественное вліяніе на міръ, при всей его слѣпотѣ, имѣетъ всякое высокое явленіе. Не смотря на безпримѣрную строгость проводимой имъ жизни, ему не было покоя отъ энтузіастовъ, напрашивавшихся къ нему въ ученики, обременявшихъ его неотступными требованіями принять ихъ подъ свое руководство. Святый отшельникъ, какъ ни дорожилъ сладостью уединенія, не могъ иногда не уступать насилію просьбъ. Но къ сожалѣнію его снисходительность доставляла ему чаще скорбь, нежели утѣшеніе. Порывы увлеченія скоро проходили: ихъ смѣняла неизбѣжная скука, потомъ ропотъ, даже возстаніе на

учителя. Самый первый опытъ былъ именно таковъ. Послушникъ, вымолившій себѣ пріемъ въ пустынное уединеніе, скоро возмутилъ его священную тишину буйною строптивостью. Онъ искалъ всячески раздражить кроткаго праведника, чтобы въ гнѣвѣ его найти благовидный предлогъ къ конечному съ нимъ разрыву. Нилъ предупредилъ соблазнъ, и самъ отпустилъ возмутителя съ миромъ. Но тотъ не хотѣлъ отойти съ безчестіемъ изгнанника: чтобы удержать верхъ за собой, онъ потребовалъ у отшельника возвращенія трехъ монетъ, которыя вручилъ ему при водвореніи въ его пещерѣ, монетъ въ то-же время отданныхъ нищимъ. Нилъ занялъ деньги у сосѣдняго монастыря, и, чтобъ выплатить долгъ, въ двѣнадцать дней написалъ три экземпляра Псалтыря. Это естественно должно было сдѣлать его строже и недоступнѣе. Впрочемъ, когда онъ принужденъ былъ переселиться въ сосѣдство главнаго города области, трудно было противиться потоку, который приливалъ безпрерывно съ большею и большею силою. Неприкѣтно, вокругъ его кельи, образовался огромный монастырь. Свѣтильникъ, до-сихъ-поръ таившійся подъ спудомъ, засіялъ на великолѣпномъ свѣщникѣ, во благо ищущихъ свѣта.

Душа стекшейся братіи, Нилъ однако, вѣрный своему обѣту смиренія, никакъ не принималъ тягла насто-

ятеля. Онъ не любилъ даже, чтобъ его величали учителемъ. Между тѣмъ слава о его подвигахъ и мудрости гремѣла повсюду: она достигла до Константинополя; и скоро святый мужъ получилъ самыя лестныя приглашенія посѣтить царствующій градъ кесарей. Само-собою разумѣется, что онъ отказался; именно потому, что приглашенія были слишкомъ лестны, что путешествіе грозило ему блистательными почестями, которыхъ онъ столько страшился. Смерть Россанскаго митрополита, того самаго Ѳеофилакта, который приходилъ нѣкогда испытывать Нила, представила новое, гораздо опаснѣйшее, испытаніе его смиренію. Гражданскіе и духовные сановники области единодушно избрали его на осиротѣвшій святительскій престолъ и уже шли, чтобъ застичь его нечаянно и силою приневолить къ принятію архипастырскаго жезла. Кто-то, худо зная характеръ праведника, поспѣшилъ предупредить его о ихъ прибытіи, надѣясь тѣмъ доставить ему пріятную новость. Нилъ возблагодарилъ вѣстника, даже одарилъ его, чѣмъ могъ; но тотчасъ же, не теряя ни минуты, бѣжалъ изъ монастыря въ горы, и тамъ скрывался до-тѣхъ-поръ, пока народъ, утомясь искать и ждать его, нашелся наконецъ вынужденнымъ приступить къ новому выбору.

Если Нилъ не хотѣлъ быть настоятелемъ своего мо-

настыря, то это не мѣшало ему пещись объ немъ съ истинно отеческою нѣжностію. Не искалъ онъ для него земныхъ благъ; даже, отвергалъ постоянно всѣ богатыя приношенія и вклады. Истинное сокровище училъ онъ запасать себѣ тамъ, на небесахъ. «До тѣхъ поръ только будете вы счастливы» — говорилъ онъ братіи, «пока станете жить трудами собственныхъ рукъ. Пусть міръ славитъ Господа, видя, какъ вы обладаете всѣмъ, ничего не имѣя!» За-то, когда однажды случилось, что Сарацины, вторгшись въ окрестности Россано, полонили трехъ монаховъ обители Ниловой и увлекли ихъ въ Сицилію: какихъ трудовъ, какихъ усилій не употребилъ праведникъ, чтобы возвратить имъ свободу! Онъ собралъ триста золотыхъ монетъ на ихъ выкупъ и отправилъ съ однимъ изъ братій. Эмиръ, у котораго во власти находились плѣнники, наслышанный о нищетѣ Нила, былъ такъ тронутъ приносимою имъ жертвою, что не принялъ денегъ и отпустилъ монаховъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ послалъ онъ письмо къ святому мужу, въ которомъ изъявлялъ сожалѣніе о нанесенномъ его обители оскорбленіи, обѣщалъ ей впредь совершенную безопасность, и въ заключеніе приглашалъ его самаго въ свои владѣнія, надѣясь присутствіемъ человѣка Божія привлечь на нихъ благословеніе небесное.

Нилъ однако не успокоился ласками Эмира; напротивъ рѣшился не оставаться долѣе въ странѣ, которая, какъ онъ предвидѣлъ, скоро должна была подвергнуться новымъ губительнѣйшимъ опустошеніямъ отъ мусульманъ. Надо было бѣжать; но куда? На родномъ Востокѣ онъ паче всего боялся встрѣтиться съ ненавистными ему почестями. Безвѣстнѣе и скромнѣе надѣялся онъ пріютить себя у сосѣднихъ Латиновъ; и потому перебрался въ Капуу, сопровождаемый преданной ему братіей. Но уже свѣтъ его не могъ утаиться нигдѣ. Именно здѣсь онъ едва спасся отъ опасности, которой столько страшился. Герцогъ Пандольеръ, подкрѣпляемый согласіемъ граждан, непремѣнно хотѣлъ возвести его на епископскій престолъ Капуи, и уже рѣшался побѣдить упорство насиліемъ, какъ былъ застигнутъ смертію. Неиспуганный Нилъ пустился искать убѣжища далѣе, во внутреннѣйшей глубинѣ Абруццъ. Онъ отправился къ знаменитому Монте-Кассино, разсаднику славнаго ордена С. Бенедикта, древнѣйшаго и въ то время еще единственнаго на западѣ. Уже полная его славою, обитель вся вышла къ нему во срѣтеніе, со свѣчами и кадилами, чествуя посѣщеніе святаго мужа, какъ великій праздникъ. Аббатъ потомъ проводилъ его самъ, съ старѣйшими иноками, въ монастырь Валь-де-Люка, зависѣвшій

отъ Монте-Кассино, который уступилъ для всегдашняго пребыванія Нилу съ его братіею. Вскорѣ вся новая колонія, состоявшая изъ шестидесяти монаховъ греческаго языка и обряда, подъ предводительствомъ Нила, пришла въ главную Монте-Кассинскую обитель благодарить за оказанное гостепріимство. Обрадованные бенедиктинцы просили совершить при нихъ богослуженіе на греческомъ языкѣ и по чину греческому. Они очарованы были великолѣпіемъ и трогательностью священныхъ обрядовъ Востока. Нилъ довершилъ силу произведеннаго впечатлѣнія мудрою, одушевленною бесѣдою, въ которой особенно настаивалъ на то, что любовь, одна любовь, связующая всѣ члены тѣла Христова, есть верховный вѣнецъ христіанскаго совершенства. Угасавшее, но еще не погасшее, первобытное единство Востока и Запада, здѣсь, уже на вечерѣ, блеснуло торжественнымъ умилительнымъ сіяніемъ! —

Пятнадцать лѣтъ длилось пребываніе Нила въ мирномъ Вальде-Люкскомъ убѣжищѣ. Но монастырь наконецъ разбогатѣлъ, благодаря славѣ праведника; и съ тѣмъ вмѣстѣ начала слабѣть въ немъ строгость монашеской жизни. Нилъ, какъ новый Моисей, поспѣшилъ вывесть свою дружину изъ опаснаго плѣна. Онъ увлекъ ихъ за собой въ пустыню, гдѣ надѣялся, что нужда не-

коренить вкравшійся соблазнъ. Но уже было поздно. Большая часть братіи, изнѣженная привычкою, скоро воротилась въ Вальде-Люкскій Египетъ. Нилъ, съ малымъ числомъ избранныхъ, двинулся ближе къ морю, и возлѣ Гаэты, въ прекраснѣйшемъ уголкѣ прекрасной Италіи, нашелъ себѣ новый, блаженный пріютъ. Здѣсь, горсть иноковъ, оставшихся ему вѣрною, сначала должна была терпѣть во всемъ крайній недостатокъ; но трудъ, который поставлялся имъ въ главное условіе монашескаго подвижничества, благословенный Провидѣніемъ, принесъ наконецъ богатые плоды. Старецъ былъ на верху святой радости.

Да! онъ былъ уже старцемъ, исполненнымъ долготою дней! Время убѣлило его голову, но не охладило сердца. Со всѣмъ жаромъ юности, онъ продолжалъ свой дивный путь, во славу Бога и во благо человѣчества. Не смотря на неизмѣнную любовь къ уединенію, кругъ дѣйствій его расширялся все болѣе и болѣе, съ-тѣхъ-поръ какъ онъ переселился въ предѣлы шумнаго, безпокойнаго запада. Государи и цѣлые народы, съ безусловною довѣренностію къ его мудрости и святости, прибѣгали къ нему за совѣтами, избирали его въ примирители своихъ ссоръ, въ ходатаи нуждъ и пользъ. Къ этой-то эпохѣ жизни человѣка Божія, принадлежали тѣ величественныя

событія, которыя вдохновляли творческую кисть Доменикино.

Ветхая столица Латинскаго Запада, Римъ былъ тогда жалкимъ игралищемъ гражданскаго, и церковнаго безначалія. Титло кесаря римскаго, созданное папами на западѣ, послѣ перво-украшеннаго имъ Карла Великаго, было только пустымъ именемъ для Италіи. Мужественная династія Отоновъ упорствовала дать ему существенность силою германскаго оружія; но утвержденная ими власть разрушалась тотчасъ послѣ ихъ удаленія назадъ за Альпы. Въ Римѣ сами папы явно и тайно старались подкапывать кумиръ, воздвигнутый ихъ же политикой въ соперничество Востоку. Иго тевтонское было для нихъ такъ ненавистно, что со стороны ихъ являлись порывы возвратиться снова подъ сѣнь Византіи. Такъ Бонифатій VII, оспорившій папскій престолъ у Іоанна XIV, избраннаго Отономъ II изъ его канцлеровъ (983), отправлялся нарочно въ Константинополь, чтобъ подкрѣпить себя покровительствомъ восточно-римскаго кесаря. Отонъ III, пришедшій въ Италію короноваться вѣнцемъ императорскимъ и не нашедшій въ живыхъ папу Іоанна XVI, возвелъ на его мѣсто (996) своего близкаго родственника, Бруно, который провозгласилъ себя первосвященникомъ Рима подъ именемъ Григорія V. Это было ударомъ

для патріотической партіи, Римлянъ, главою которой былъ славный Кресцентій, патрицій и сенаторъ города, имѣвшій огромную силу, игравшій не одинъ разъ самими папами. Кресцентій былъ издавна преданъ Греціи, откуда ждалъ единственнаго спасенія отъ ненавистнаго ига Тевтоновъ: онъ поддерживалъ папу Бонифатія VII, приверженнаго къ Византіи, и въ пользу его низложилъ папу Венедикта VI. Не успѣлъ Отонъ III оставить Италію, какъ всесильный Кресцентій взволновалъ народъ и выгналъ изъ Рима Григорія. На мѣсто его онъ призвалъ Филагаөа архіепископа Піазенскаго, происхожденіемъ калабрійскаго грека, соотечественника и друга нашего Нила, который и занялъ папскій престолъ подъ именемъ Іоанна XVII. Изгнанникъ Григорій бѣжалъ въ Павію. Тамъ онъ проклялъ своего соперника. Но громы римскіе тогда не были еще всемощны. Надлежало прибѣгнуть къ оружію болѣе дѣйствительному. Отонъ поспѣшилъ на помощь своему родственнику и кліенту. Съ многочисленнымъ войскомъ онъ привелъ въ Римъ Григорія; Кресцентій, не будучи въ силахъ бороться съ императоромъ, заперся въ замкѣ Св. Ангела. Филагоөъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ; но былъ схваченъ, и, съ согласія Отона и Григорія, которыхъ обоихъ онъ воспринималъ отъ св. купели, преданъ безчеловѣчнымъ му-

камъ: ему отрѣзали носъ и языкъ, вырвали глаза, и потомъ бросили въ тюрьму истаявать въ страданіяхъ (998).

Ужасный слухъ проникъ въ мирную обитель Нила. Старецъ, еще при извѣстіи о возвышеніи своего друга, былъ больше смущенъ, нежели обрадованъ. Своимъ глубокимъ взоромъ онъ прозрѣвалъ напасти, угрожающія новому первосвященнику, и заклиналъ его въ дружеескомъ письмѣ, пока еще время, спасаться отъ коварства мірскихъ вѣроломныхъ волнъ въ безмятежное пристанище отшельничьей кельи. Чтожъ долженъ онъ былъ почувствовать теперь, когда пророческія опасенія его сбылись такъ скоро и такъ страшно? Не смотря на отягченную лѣтами старость, къ которой присоединялась еще болѣзнь, въ святое время великаго поста, когда жизнь его обыкновенно поглощалась неразвлекаемымъ богомысліемъ и подвижничествомъ, онъ покинулъ свое убѣжище и самъ отправился въ Римъ ходатайствовать за страдальца. Извѣщенные о его приближеніи, императоръ и папа вышли къ нему на встрѣчу. Они взяли его подъ руки, покрывъ ихъ прежде благоговѣйными лобзаніями, ввели въ первосвященническія палаты и съ честію посадили промежъ себя. Такой пріемъ усугубилъ только смущеніе и горесть святаго старца. «Пощадите, пощадите меня, ради имени Божія!» говорилъ онъ имъ,

обливаясь слезами: «Я, бѣднѣйшій и презрѣннѣйшій изъ грѣшниковъ, полуживой, изувѣченный старикъ — я долженъ пресмыкаться у ногъ вашего величія! Не для того пришелъ я сюда, чтобъ принимать отъ васъ почести; но чтобы помочь несчастливцу, который обоихъ васъ просвѣтилъ свѣтомъ крещенія, и у котораго вы похитили свѣтъ очей; умоляю васъ, отдайте его мнѣ. Я схороню его во глубинѣ моей пустыни, и тамъ вмѣстѣ будемъ мы оплакивать наши грѣхи!»

Императоръ не могъ устоять противъ краснорѣчиваго вопля, исторгавшагося изъ глубины души скорбящаго праведника. Онъ самъ былъ тронутъ до слезъ, и обѣщалъ все святому старцу. Но папа остался неумолимъ. Не только не возвратилъ онъ свободы узнику, согласно съ обѣщаніемъ императора, но еще велѣлъ, къ усугубленію позора, возить его по городу на ослѣ, задомъ на передъ, въ гнусномъ, изорванномъ рубищѣ. Нилъ потрясенъ былъ до основаній души такой чрезмѣрностью безчеловѣчія. Сердце его возгорѣлось священнымъ негодованіемъ. «Когда они такъ безжалостны къ тому — воскликнулъ онъ —» кого Богъ предалъ въ ихъ руки; и Отецъ Небесный будетъ безжалостенъ къ ихъ грѣхамъ!» Тотчасъ же, не простясь ни съ кѣмъ, онъ оставилъ Римъ, и съ братіями, которые его прово-

жали, шелъ безостановочно цѣлую ночь, и на другой день прибылъ въ монастырь свой, отстоящій отъ Рима, на нашу мѣру больше ста верстъ. Съ отбытіемъ его измѣнилось и расположеніе легкомысленнаго Отона. Вскорѣ, послѣ праздника Пасхи, онъ выманилъ изъ неприступной твердыни С. Ангела и другую жертву Кресцентія, обезпечивъ ему безопасность торжественнымъ императорскимъ словомъ; и едва тотъ предался ему въ руки, велѣлъ казнить его смертью.

Современники приписывали скорую кончину обоихъ папы и императора, дѣйствію гнѣва Божія, призваннаго на главы ихъ святымъ мужемъ. Оба они умерли во цвѣтѣ лѣтъ. Григорій, возсѣдшій на папскій престолъ двадцати-пяти-лѣтнимъ юношею, не прожилъ и года послѣ свиданія съ Ниломъ, Отонъ, также юноша, жилъ еще года съ четыре. Провидѣніе даровало Нилу сладостное утѣшеніе въ этотъ краткій срокъ еще разъ видѣть императора, и видѣть облитаго благодатными слезами раскаянія. Игралище перемѣнчивыхъ волненій раздражительной души, Отонъ, обагренный кровію, погрязавшій въ сладострастіи, вдругъ предался горячей набожности, пустился ходить по монастырямъ Италіи, босоногій, нося власяницу подъ царскою порфирою, изнуряя себя всевозможными лишеніями. Изъ Монте-Гаргано въ Апу-

ліи, гдѣ онъ цѣлую четыредесятницу раздѣлялъ всѣ подвиги монаховъ, на обратномъ пути въ Римъ, пришедъ, онъ въ обитель Нила. Безъ сомнѣнія чувствуя свою вину предъ нимъ, онъ молилъ святаго старца требовать отъ него, чего только хочетъ, повелѣвать ему, какъ отецъ повелѣваетъ сыну. Невольно припоминается здѣсь подобный случай между языческимъ мудрецомъ и языческимъ монархомъ. Діогенъ, которому Александръ сдѣлалъ подобное предложеніе, попросилъ только, чтобы тотъ не заслонялъ ему лучей солнца. Какое безконечное разстояніе между надмѣнностью циника и нѣжнымъ, дышущимъ одною любовью чувствомъ христіанскаго героя?» Я не требую отъ тебя ничего, —сказалъ Нилъ, положивъ руку на сердце Отона—ничего, кромѣ спасенія этой души! Ты императоръ; но ты долженъ умереть, какъ и послѣдній изъ смертныхъ, долженъ послѣ смерти дать отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ!» Тогда-то Отонъ, обливаясь слезами умиленія, положилъ вѣнецъ свой къ ногамъ человѣка Божія, и какъ неоцѣненнаго дара, требовалъ у него отеческаго благословенія. По удаленіи императора монахи стали скорбѣть, что святый мужъ не испросилъ ничего покрайней мѣрѣ для обители. «Ахъ!» отвѣтствовалъ имъ старецъ. «Простите меня, Я такъ дряхлъ. Я не знаю, что я говорилъ.»

Нѣтъ! Онъ очень зналъ высокій, божественный смыслъ своихъ словъ! Онъ говорилъ, вдохновенный Тѣмъ, Кто весь—истинна и любовь!

Этѣ послѣднія черты, предпочтительно поражающія генiй художника, довершаютъ цѣлость величественной поэмы, представляемой жизнью Нила. Всякая полная христіанская жизнь, соотвѣтственно первообразной жизни самаго божественнаго Искупителя, слагается изъ двухъ періодовъ. За истязаніемъ слѣдуетъ прославленіе, за муками смерти торжество воскресенія. Послѣ скорбныхъ подвиговъ и тяжкихъ страданій добровольно подъятаго креста, побѣдитель, еще здѣсь на землѣ, осіявается небесною славою!

Но вотъ наконецъ приближилась и та вожделенная минута, когда, по окончательномъ совершеніи земнаго поприща, для героя-подвижника, тамъ, долженъ былъ загорѣться немерцающій день вѣчной, божественной славы. Нилу исполнялось уже почти столѣтіе. Въ прозорливомъ ясновидѣніи, онъ чувствовалъ, что ему не долго дожидаться ангела смерти, долженствовавшаго воззвать его въ безконечную жизнь. Между-тѣмъ онъ зналъ, что владѣтельный герцогъ Гаэты уже объявилъ свою волю: немедленно послѣ его кончины, перенесть тѣло его въ городъ, какъ святый залогъ благословенія небеснаго

для всей страны. Желая и во гробѣ остаться вѣрнымъ своему обѣту смиренія, онъ рѣшился умереть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы никто не зналъ его. По этому, какъ ни тяжко было ему разстаться съ братіею, такъ любимою имъ и такъ его любящею, онъ покинулъ тайно свою обитель и удалился въ тихій пріютъ Гроты-Ферраты, гдѣ въ то время находилась уже скромная пустынька, также греческихъ, одноязычныхъ и одно обрядныхъ съ нимъ, монаховъ, посвященная Св. Агаѳіи, по латынски Агатѣ. Но его узнали и здѣсь. Самъ владѣлецъ стороны, Григорій графъ Фраскатскій, ужасавшій современниковъ свирѣпостью нрава и необузданнымъ буйствомъ страстей, свѣдавъ о прибытіи человѣка Божія, явился къ нему немедленно и благоговѣйно палъ къ святымъ его стопамъ. «Я не заслужилъ» — взывалъ онъ въ умиленіи сокрушеннаго сердца — «я не заслужилъ такого высокаго счастія, чтобы столь великій угодникъ Божій сдѣлался моимъ гостемъ. Но когда ты, по примѣру божественнаго нашего Спасителя, уже предпочелъ праведникамъ меня оскверненнаго всѣми беззаконіями, то вотъ мои палаты и всѣ владѣнія: располагай ими по твоей волѣ!» Старецъ попросилъ дать ему какой-нибудь смиренный уголокъ, гдѣ-бы онъ могъ въ тишинѣ молиться и ждать своей кончины. Не смѣя при-

неволивать избранника Божія, гдѣ отвелъ ему небольшую развалину, принадлежавшую къ остаткамъ великолѣпной виллы Цицероновой; развалину, которая собственно и называлась Гротта-Феррата, или Желѣзистая-Пещера, безъ сомнѣнія по сосѣдству желѣзныхъ рудниковъ, которые не истощились до-сихъ-поръ: вѣроятно, здѣсь находился отдѣльный павильонъ, куда уединялся знаменитый Римлянинъ въ часы размышленія, гдѣ можетъ быть было обдумано и рѣшено нѣсколько славныхъ Тускуланскихъ Вопросовъ.» Вѣрные ученики Нила стеклись сюда, какъ скоро молва огласила его новое убѣжище: они превратили ветхую развалину въ монастырь, который поглотилъ въ себѣ дотолѣ существовавшую греческую пустынку С. Агаѳіи и сохраняется до нашихъ дней подъ именемъ Гротты-Ферраты. Здѣсь напослѣдокъ и окончался Нилъ, около 1005 года. Онъ жилъ девяносто-девять лѣтъ. Умирая онъ просилъ и молилъ братію, чтобы тѣло его не было схоронено внутрь церкви, чтобы надъ могилою его не ставили ни памятника, ни другаго какого либо украшенія. Воля святаго мужа была исполнена. Гротта-Феррата чествуетъ подвиги, хвалится славою, но не показываетъ ни мощей, ни гробницы Нила.

Н. НАДЕЖДИНЪ.

БОЖЕСТВЕННАЯ НОША.

Благоволи мнѣ, Боже, дать
Свою Цареву благодать,
И съ Высоты проливъ незримо
Ее въ душевный мой фіалъ —
Прими меня, какъ Ты пріялъ
Іосифа и Никодима.
И сотвори въ любви святой,
Чтобы духовной красотой
Блестя какъ ясною денницей —
Къ Тебѣ, мой Богъ и мой Христосъ!

Я душу мирную принесъ
Желанно - чистой плащаницей,
И тѣло здѣсь Твое одѣлъ
Благоуханьемъ добрыхъ дѣлъ;
И чуждый страсти, чуждый злобѣ —
Еще бунтующихъ во мнѣ,
Я - бы понесъ Тебя какъ въ гробѣ —
Въ своей сердечной глубинѣ,
И съ этой ношею ликуя —
Взошелъ-бы въ даль, въ Твои края,
И чтобъ всегда душа моя
Къ Тебѣ взывала: Аллилуя! . . .

В. СОКОЛОВСКІЙ.

РУССКАЯ ЖИВОПИСНАЯ ШКОЛА.

Статья вторая.

РУССКАЯ ЖИВОПИСНАЯ ШКОЛА.

—

Статья вторая.

═

Удовлетворяютъ ли произведенія Рафаэля требованіямъ современнаго вкуса? — Не думаю. Частенько мнѣ случалось слышать изъ устъ весьма дѣльныхъ и образованныхъ людей такія дикія сужденія объ отцѣ живописи, что я безъ шутокъ подозрѣвалъ, что почтенные цѣнители говорятъ о его трудахъ, какъ нѣкогда Оккенъ писалъ о рудокопняхъ, которыхъ не видѣлъ. Не разъ приписывали Рафаэлю достоинства именно тѣ, которыхъ онъ не имѣлъ; удивлялись знаніямъ, которыя въ его время еще и не существовали. Свойство каждаго изящнаго искуства именно не допускаетъ этого мечтательнаго со-

6*

вершенства въ одномъ человѣкѣ; природа какъ то уравновѣшиваетъ достоинства и недостатки; какъ тѣ, такъ и другіе принадлежатъ иногда существу искуства, а иногда только времени или современному вкусу, наконецъ специальнымъ условіямъ, которымъ искуство по необходимости должно было подчиниться. Искуство живописи заключаетъ въ себѣ четыре главныя части, изъ коихъ каждая можетъ имѣть свое особенное развитіе и достигаетъ совершенства, подвергается уклоненіямъ отъ прямаго пути, приходитъ въ совершенный упадокъ независимо отъ другихъ частей. Сочиненіе, рисунокъ, колоритъ и выраженіе, вотъ эти четыре части, которыя едвали не суть общія и музыкѣ, и поэзіи, и всѣмъ искуствамъ, украшеннымъ высокимъ именемъ изящныхъ.

На сочиненіе весьма много имѣютъ вліянія духъ времени и специальныя условія, о которыхъ мы упомянули. Выборъ предметовъ всегда стѣсненъ современнымъ вкусомъ. Во времена Рафаэля — Мадонна съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, Тайная Вечеря, Воскресеніе, Страсти Христовы и еще нѣсколько сюжетовъ религіознаго и миѳологическаго содержанія — составляли всю библіотеку темъ, на которыя писали всѣ живописцы безъ исключенія. Въ томъ же почти вѣкѣ мы видимъ Альберта Дюрера и Гольбейна, которые подъ другими специальными условія-

ми, въ другомъ народѣ, подъ вліяніемъ совершенно инаго современнаго вкуса, сочиняютъ картины на императорскіе тріумфы или на идеи, брошенныя уже на поле живописи реформою Лютера. Словомъ, всегда и вездѣ дань времени заплочена.

Въ распудренный и развращенный вѣкъ Людовика XIV и далѣе до революціи, когда любовныя интриги обуревали Франціею, любовницы управляли ею, герои вздыхали и писали идилліи, и сочиненіе въ живописи понесло отпечатокъ времени; сколько французскихъ красавицъ всякаго класса и разряда перешло въ потомство подъ именами Венеръ, Европъ, Аріаднъ, Еленъ, Клеопатръ и такъ далѣе... Между тѣмъ собирались на западѣ тучи, поднималась буря, и разразилась надъ взволнованной Европой . . . Политическій фанатизмъ питалъ личную храбрость. Героизмъ вошелъ въ моду; живопись ударилась въ римскую исторію. Суровые Регулы смѣнили роскошныхъ Клеопатръ. Стихла и буря, но волненіе продолжалось . . . Романтическая школа поэзіи и философія Канта волновали умы; первая неминуемо должна была по силѣ своей и горячности, впасть въ крайности и впала; вкусъ сдѣлался чудовищнымъ; чувства до того взволновались, что на нихъ можно было дѣйствовать только сильными, потрясающими эффек-

тами . . . Мало одной смерти, одного отравленія, убійства, бури обыкновенной; надо было выводить на сцену тысячу смертей, землетрясенія, изверженія огнедышащихъ горъ, явленія бичей небесныхъ, и живопись не могла не подчиниться современному вкусу. Поэзія Байрона, живопись К. Брюллова, музыка Бетховена, заплатили дань требованіямъ вѣка.

Колоритъ въ живописи то же, что языкъ въ поэзіи; онъ также подверженъ вліянію современности, но за то постоянно усовершается.

Рисунокъ, дѣло иное; онъ не можетъ усовершаться. Рисунокъ есть представленіе въ чертахъ видимой натуры. Тутъ уже нельзя сказать, по моему мнѣнію: хорошо нарисовано, дурно нарисовано. — Тутъ или нарисованъ предметъ, или вовсе нѣтъ; потому что рисунокъ есть перспективное отраженіе предмета какъ въ зеркалѣ. Степени хорошаго или дурнаго рисованія могутъ быть допущены только въ школахъ, когда еще можно возвысить остроту зрѣнія и твердость руки; но въ художникѣ, уже производящемъ, не можемъ ожидать усовершенія въ рисункѣ, если онъ его уже не пріобрѣлъ въ свое время. Тонкость очертанія предметовъ, едва уловимая, требуетъ рѣшительной точности въ художественномъ своемъ повтореніи; уклоненіе на

волосъ разрушаетъ рисунокъ; натура изчезаетъ, остается на бумагѣ мечта, воспоминаніе, а не представленіе дѣйствительнаго предмета. Какого бы рода и колорита ни было художественное произведеніе, правильный рисунокъ не помѣшаетъ, даже въ каррикатурѣ; и тамъ остроуміе изобрѣтенія, игривость шутки, можетъ быть обезображена неловкимъ, невѣжественнымъ преувеличеніемъ, которое также должно имѣть свои естественные законы, какъ преувеличеніе въ сатирѣ и комедіи.

Выраженіе или экспрессію можно назвать поэзіей живописи. Оно душа картины. Художественное произведеніе можетъ быть умно сочинено, правильно нарисовано, колоритно написано, но нѣтъ выраженія — и нѣтъ еще картины; нѣтъ жизни въ изображеніи живой природы. Вотъ въ короткихъ словахъ обзоръ четырехъ частей живописи. Никогда онѣ не могутъ быть и не были соединены въ произведеніи одного художника въ равной степени совершенства; историческое и техническое познаніе живописи можетъ только служить вѣрнымъ руководствомъ критику въ опредѣленіи основныхъ и случайныхъ достоинствъ школъ вообще и художниковъ въ частности. Безъ этихъ познаній не трудно обвинить Рафаэля и Дюрера, во многихъ случаяхъ, въ невѣжествѣ; обрызгать клеветою великое историческое произведеніе, изъ

за цвѣтка, написаннаго неудачно и помѣщеннаго въ картинѣ, противно правиламъ перспективы, не признать, да и не различить одной школы отъ другой, не найти ея начала, не видѣть направленія, не имѣть возможности предугадать дальнѣйшія судьбы ея. Въ Россіи, гигантскія усилія правительства, доставили государству неувядаемую художественную славу, рядъ превосходныхъ художниковъ, но, увы, до нашего времени немногіе пользовались извѣстностью, какой по талантамъ своимъ заслуживали. Ихъ умѣли отличать и взыскивали честію почти одни только вѣнценосные любители художествъ, немногіе вельможи и далѣе ихъ слава и искуство не проникали. Имена Лосенки, Боровиковскаго, Угрюмова, Левицкаго и многихъ, многихъ другихъ талантливыхъ живописцевъ, едва извѣстны въ наше время; современники объ нихъ и того не знали; а между тѣмъ они образовали, и съ дивнымъ самоотверженіемъ, съ истинною любовію къ искуству, продолжали вести школу, которая должна была произвести К. Брюллова. Произведенія ихъ, разбросанныя по всей имперіи, истлѣли на мѣстахъ, не дождавшись суда себѣ даже въ потомствѣ; немногія сохранилъ случай; еще не много времени, и слава ихъ, достоинства, заслуги показались бы потомству сказками, сложенными горделивымъ патріотизмомъ. Надо спѣ-

шить спасать ихъ отъ неминуемаго забвенія; и вотъ что послужило поводомъ къ изданію Картинъ Русской Живописи въ точныхъ и достойныхъ гравюрахъ. Не возможно было въ подобномъ предпріятіи сохранить хронологическую послѣдовательность; надо было рѣшиться избирать оригиналы и современниковъ и предшественниковъ, выдавать ихъ по мѣрѣ возможности и изготовленія, весьма затруднительнаго, потому что въ копіяхъ требуется величайшая точность. Картины, избранныя на первый разъ, всѣ нравственнаго содержанія, потому что наша школа почти исключительно до нашего времени посвящала труды свои Церкви. Исключенія малочисленны, и помѣщаются ежегодно въ другомъ изданіи, также въ точныхъ и достойныхъ гравюрахъ. Мы говоримъ объ Утренней Зарѣ. Конечно, гравюры въ Утренней Зарѣ не всѣ съ Русскихъ картинъ, но въ альманахѣ требуется разнообразіе, а мы еще не очень богаты свѣтскими произведеніями живописи; помѣщать гравюры съ большихъ историческихъ картинъ для альманаха было бы громоздко и не удобно. Съ другой стороны изданіе однѣхъ только картинъ, безъ текста, соотвѣтственнаго сколько нибудь содержанію, не представило бы, можетъ быть, особенной занимательности для публики; вотъ почему къ каждой картинѣ избираются статьи, которыя

нѣкоторымъ образомъ помогаютъ памяти запечатлѣть въ себѣ и утвердить на долго воспоминаніе о живописномъ произведеніи знаменитаго художника. Статьи чисто художественнаго содержанія, не могутъ имѣть еще у насъ повсемѣстнаго интереса. Говорю, убѣжденный горькимъ опытомъ. Но не желая вовсе лишить художественнаго изданія необходимыхъ объясненій, до избранныхъ картинъ относящихся, редакція рѣшилась соединить всѣ эти свѣденія въ одной статьѣ и въ одинъ пріемъ отдѣлаться отъ скучной технико-исторической части изданія.

Мы видѣли въ первой статьѣ о Русской Школѣ, что живопись появилась у насъ въ значеніи искуства, почти неожиданно, нимало, по наружности, не предуготованная предшествующими и послѣдовательными успѣхами. Никто и донынѣ не подозрѣвалъ, какой бы то ни было, внутренней связи между московскою иконописью и школою, которую основалъ и упрочилъ Лосенко; но при тщательномъ разсмотрѣніи историческихъ данныхъ, легко открыть, какимъ образомъ совершился этотъ переходъ отъ ремесла къ искуству. Сравнимъ нашу школу съ италіянскими; мы увидимъ, что и тамъ и здѣсь переходы отъ ремесла къ искуству совершились одинаково; и тамъ, какъ у насъ, византійскій стиль долго господство-

валъ и въ Венеціи и въ Римѣ. — Римъ возрасталъ на обломкахъ Византіи, поглощая послѣдніе остатки ея просвѣщенія. Ученые и художники переселялись въ Италію; у насъ господствовала монгольская тьма, и мракъ становился гуще и гуще. До временъ Джіото итальянская живопись ни малѣйше не разнствовала съ нашею иконописью; со временъ уже Джіото она получила значеніе искуства.

Петръ Великій, не могъ пропустить безъ вниманія и живопись. Не говоримъ уже о проэктѣ, котораго ближайшіе преемники не привели въ исполненіе относительно учрежденія при академіи наукъ особаго отдѣленія ремеслъ и художествъ; Петръ Великій, что можно, приводилъ тотчасъ въ дѣйствіе и осуществлялъ съ волшебнымъ могуществомъ, то, что современникамъ могло казаться несбыточною мечтою. Стремясь къ достиженію полезной цѣли, онъ не останавливался препятствіями. Никто изъ Царей земныхъ больше Петра не довѣрялъ способностямъ подданныхъ. Петръ захотѣлъ при жизни видѣть Русскихъ художниковъ, и для того съ вѣрностью избранные имъ молодые люди были отправлены за границу для обученія живописи, а чтобы въ самой Россіи возбудить охоту къ благородному художеству, вскрыть понятіе о вкусѣ, которое несомнѣн-

но лежитъ у каждаго человѣка въ сокровищницѣ способностей, для того Петръ Великій приглашалъ въ Россію нѣкоторыхъ достойныхъ художниковъ. Развитію вкуса преимущественно способствуютъ образцы, сами художники лично — трудами своими и умѣньемъ возбудить къ этимъ трудамъ общее вниманіе, наконецъ особенная дѣятельность по части зодчества. При Петрѣ Великомъ не было въ Россіи, во всѣхъ дворцахъ и публичныхъ зданіяхъ, ни одной картины, которую бы можно назвать образцевою. Вотъ почему Государь не пропускалъ въ Амстердамѣ ни одного художественнаго аукціона, садился всегда возлѣ одного изъ оцѣнщиковъ Петра Кселя, и пріобрѣталъ все, что только могъ купить хорошаго и достовѣрно подлиннаго. Этимъ аукціонамъ и любви къ художествамъ несравненнаго Петра мы обязаны приобрѣтеніемъ первой значительной коллекціи картинъ работы Рубенса, Вандика, Рембранта, Штейна, Лингельбаха, Вандеръ-Верфа, Бергема, Міэриса, Брейгеля, Остаде, Вань-Гузумовъ и другихъ. Вотъ уже первые образцы, которые могли оказать какое либо художественное вліяніе на публику; другихъ художественныхъ пріобрѣтеній, какъ то Лауфертово собраніе папскихъ медалей, минцъ кабинетъ Людера, мраморныя статуи изъ Саксонскаго сада въ Варшавѣ и

купленныя въ Италіи для Петербурга и Воронежа, морскія картины Адама Сило и т: п: относить сюда не слѣдуетъ; но нельзя не упомянутъ, что въ царствованіе Петра Великаго пріобрѣтена Венера, извѣстная у насъ подъ именемъ Таврической, рѣдкій образецъ художественнаго изящества.

Что касается до художниковъ, то Петръ Великій болѣе обращалъ вниманія на ближайшія нужды государства; но не пренебрегалъ и отдалѣннѣйшими. Живописцевъ еще было можно и пообождать, но искусные зодчіе были необходимы, такъ сказать, сегодня, сейчасъ и для того въ одно царствованіе Россія имѣла вдругъ нѣсколько знаменитѣйшихъ архитекторовъ и приняла юношу съ великимъ талантомъ, который долженъ былъ возвеличить столицу Петра дивными произведеніями, выдерживающими сравненіе съ знаменитѣйшими въ мірѣ зданіями. Петръ угадалъ геній Растрелли. Изъ живописцевъ Государь принялъ къ себѣ въ службу Петра Кселя; художникъ этотъ болѣе извѣстенъ по женѣ, а жена сама по матери Маріи Сибиллѣ Меріанъ, съ неподражаемымъ искуствомъ писавшей цвѣты, растѣнія, бабочекъ, насѣкомыхъ и т: д: Гофъ-Малеръ Петеръ Ксель былъ самъ порядочнымъ портретнымъ живописцемъ. Съ перваго взгляда покажетя удивительнымъ, почему Петръ Вели-

кій, признавъ уже государственную пользу живописи, не выписалъ болѣе живописцевъ. Но не должно забыть, что живопись уже нѣкоторымъ образомъ роскошь. Надо было прежде построить зданія необходимыя, требующія не пышнаго великолѣпія, а удобства и прочности; живопись свое бы взяла; для того и готовились въ чужихъ краяхъ Матвѣевъ и Никитинъ; потому сколь ни была огромна дѣятельность зодчества въ это время, Трезини, Микети, Леблондъ, Брандтъ, Гаманъ, Гербель, Швертфегеръ, Ферстеръ, Панови, Миннихъ, Растрелли, всѣ были заняты въ новой столицѣ, но всѣ труды ихъ не требовали живописи; строилось, какъ сказано, необходимое: крѣпость, небольшой дворецъ, сенатъ, коллегіи, верфи, казармы, гостинный дворъ и жилые дома. Даже загородныя царскія жилища въ Петергофѣ, Екатерингофѣ, Царскомъ селѣ, Стрѣлнѣ отличались простотою: китайскіе обои, шпалерныя картины и дубъ составляли всѣ украшенія; единственныя живописныя картины большею частію изображали морскія баталіи или принадлежали великимъ художникамъ, какъ драгоцѣнная рѣдкость. Наконецъ прибыли Матвѣевъ и Никитинъ въ Петербургъ. Живопись въ значеніи искуства, насаждена въ Россіи. Въ послѣдующія два царствованія, правда кратковременныя, не было

сдѣлано никакихъ художественныхъ пріобрѣтеній, не выписанъ ни одинъ иностранный, не посланъ за границу ни одинъ Русскій художникъ; архитектура не доставила ни одного значительнаго памятника, потому что пристройки къ Зимнему Дому и начало преображенскаго, оставленнаго потомъ дворца, не могутъ быть отнесены къ замѣчательнымъ произведеніямъ Зодчества. Что же въ это время дѣлали Матвѣевъ и Никитинъ? Вступили они въ борьбу съ византійскимъ стилемъ, или не пользуясь покровительствомъ и защитою Двора, поставленные на ряду съ ремесленниками, должны были покориться господству подлинниковъ и писать въ обще принятомъ родѣ. Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что не смотря на всѣ неблагопріятствующія обстоятельства, они начали реформу вкуса; эта реформа не могла сохраниться въ историческихъ свидѣтельствахъ, потому что вліяніе ея на высшіе классы не простиралось, а ограничивалось московскими списывателями иконъ, которые, по необходимости, находясь въ новой столицѣ, должны были по существу матеріальныхъ работъ, въ соприкосновенности съ художниками, преслѣдовать нововведеніе послѣднихъ, для защиты своего стиля, или перенять манеру Матвѣева и Никитина, или наконецъ нѣсколько измѣнить свою; случилось послѣднее. Многіе иконописцы, по требованіямъ

зодчихъ, должны были измѣнить древній свой стиль. Многіе достигли даже до нѣкотораго степени искуства какъ на пр. Вишняковъ и Бѣльскій. Что касается до произведеній сего періода, то утверждаютъ, якобы нѣкоторыя иконы церкви Симеона и Анны принадлежатъ Петровскимъ живописцамъ; есть и въ частныхъ домахъ картины, приписываемыя имъ же, но за достовѣрность подобныхъ показаній трудно поручиться. —

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны Іоанновны художества получили снова жизнь и пищу; построеніе дворцевъ въ Петербургѣ и за городомъ, равномѣрно храмовъ православныхъ и другихъ исповѣданій, требовало живописныхъ работъ, но особенное расположеніе ко всему италіянскому, въ большой силѣ господствовавшее тогда при нашемъ дворѣ, довѣріе къ Растрелли и дѣйствительный недостатокъ въ Русскихъ живописцахъ послужили первоначально поводомъ ко многочисленнымъ заказамъ, сдѣланнымъ италіянскимъ художникамъ, чрезъ посредство нашихъ дипломатическихъ миссій. — Произведенія не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Тогдашнее состояніе художествъ въ Италіи было причиною неуспѣха. Знаменитѣйшіе были весьма слабы, домашніе же Русскіе Вишняновъ, Бѣльскій и другіе не

не совсѣмъ могли согласоваться во вкусахъ съ Растрели; почему знаменитый зодчій выписалъ изъ Италіи лучшихъ, самъ сочинялъ плафоны и картины и заставлялъ живописцевъ писать по его рисункамъ. Растрелли выписывалъ и изъ Москвы живописцевъ; само собою разумѣется это были иконописцы; они поступали въ полное распоряженіе иностранцевъ, и служили имъ помощниками или лучше сказать работниками. Какъ бы то ни было, но и въ этомъ уничиженіи вкусъ русскихъ художникоремесленниковъ усовершался и со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны у Графа де Растрелли было довольно рукъ для всѣхъ мелкихъ живописныхъ работъ по построенію многихъ дворцевъ и церквей. Но въ тоже время многіе весьма порядочные италіянскіе живописцы, между прочими Фонтебассо, прибыли въ Россію; съ одной стороны это весьма много споспѣшествовало блистательному окончанію Зимняго Дворца, Смольнаго Монастыря, (коего соборная церковь не могла быть приведена къ концу:) церкви Преображенія и Андреевской, Спаса на Сѣнной и Николы Морскаго. Дворцевъ Зимняго деревяннаго, Лѣтняго, въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ, у трехъ рукъ, частныхъ домовъ Строганова, двухъ Воронцовскихъ и многихъ другихъ. Построеніе церквей, дворцевъ и частныхъ домовъ вельможескихъ требовало жи-

вописи, и въ тоже время возбудило мысль, что эта часть совершенно въ рукахъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ русскіе живописцы, составляя классъ такъ сказать простыхъ работниковъ, и въ уничиженіи своемъ обнаруживали довольно способностей, которыя ручались за возможность имѣть русскихъ живописцевъ и высшаго разряда. Еще въ 1746 году профессоръ Струбе де Пирмонти представилъ правительству записку о необходимости прочнаго водворенія художествъ въ Россіи, посредствомъ академическаго изученія. Подобный проэктъ, угрожавшій иностранцамъ уничтоженіемъ въ пользу ихъ образовавшейся монополіи, встрѣтилъ, какъ и ожидать слѣдовало, множество препятствій и вскорѣ преданъ забвенію. Проэктъ приписываемый Штелину, едвали существовалъ на самомъ дѣлѣ; но никакому сомнѣнію не подлежитъ, что академія художествъ, какъ и Московскій университетъ, основаніемъ своимъ обязана, генералъ-поручику Ивану Ивановичу Шувалову. Постановлено изъ Московскихъ студентовъ, которые обнаружатъ способности къ художествамъ, воспитывать въ новой академіи до сорока человѣкъ, для чего и нанять по контрактамъ способныхъ наставниковъ. По суммѣ, утвержденной къ отпуску Сенатомъ на содержаніе академіи, можно судить какъ незначительны были первоначальныя ея средства:

6 т. рублей отпускаемые на пять профессоровъ и сорокъ воспитанниковъ со всѣми пособіями, заставляютъ думать что профессоры не имѣли въ то время большой славы, а воспитанники принимались изъ нисшихъ классовъ народа: послѣднее подтверждается и самой привиллегіей Екатерины II, данной при преобразованіи академіи. Первые профессоры были: живописи Лорренъ (но не Клодъ а какой то вѣроятно также Лотарингскій уроженецъ) и Лагрене; скульптуры — Жиле, гравированія Шмидтъ, архитектуры де ла Моттъ. Изо всѣхъ послѣдній только имѣлъ нѣкоторую, весьма впрочемъ не важную, извѣстность. Удивительнымъ съ перваго взгляда покажется и то, что всѣ пять профессоровъ были Французы; изъ этого должно заключить, что Графъ де Растрелли въ образованіи первоначальной академіи не принималъ никакого участія, что италіянскіе живописцы вѣроятно не соглашались преподавать въ академіи за такую умѣренную плату; эту странность можно пояснить и быстрымъ распространеніемъ вліянія Франціи на всю Европу. Въ это почти самое время исполнился блистательный вѣкъ Людовика XIV. Не только въ литературномъ но и во всѣхъ отношеніяхъ, Франція получила первенство, добытое великими талантами. Оно поддерживалось старою славою. Школа Французская съ упрямствомъ

защищала полученное наслѣдство. Не прошло еще ста лѣтъ отъ смерти Пуссеня, Лессюера и Лебрена, Миньяра, Клодъ-Лорреня — Казъ, Парросель, Жувене, Сантерръ, де ла Фоссъ, Риго, Ватто, Ванло были еще въ свѣжей памяти. Ле Моанъ скончался почти въ это самое время; тогда какъ въ Италіи въ художествахъ сего періода было замѣтно истощеніе, усталость, недостатокъ энергіи и слѣдственно хорошихъ художниковъ. Множество талантовъ и произведеній заставляло вѣрить, что Франція вторая Греція Пизистрата, Римъ Августа, Италія Медицисовъ. Это могло и должно было соблазнить Шувалова. Словомъ первыми наставниками нашими въ художествахъ были Французы. Каково было ихъ ученіе — опредѣлить трудно. Что касается до Архитектуры, то нѣтъ сомнѣнія, что она въ Россіи обязана своимъ существованіемъ, развитіемъ и многими первокласными художниками — не де ла Мотту, а Графу Растрелли и Кокоринову, отъ котораго начинается и до нашего времени не прекращается рядъ отличныхъ зодчихъ . . . Но живопись? Какъ бы то ни было, Лосенко былъ ученикомъ Лагрене. Три года онъ обучался въ академіи и по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ, Русская Живописная Школа получила прочное начало, какъ Италіянская при Джіото. — Не упустимъ упомянуть, что

нѣкоторое время профессоромъ живописи вмѣстѣ съ Лагрене былъ Козловъ. Откуда могъ онъ явиться и занять каѳедру, для чего, безъ сомнѣнія, требовались знанія и художественныя достоинства? Со времени кончины Петра Великаго, за границу для обученія художествамъ никого не посылали. Первые были Лосенко и Баженовъ; по этому Козловъ въ чужихъ краяхъ не былъ; должно думать, что онъ былъ изъ числа иконописцевъ московскихъ или вольный охотникъ, обучавшійся живописи у Вишнякова и Бѣльскаго; оба имѣли свои мастерскія и учениковъ; оба достигли даже до чиновъ штабъ-офицерскихъ, въ то время не маловажныхъ. Такимъ образомъ возстановляется непрерывность Русскихъ художниковъ. Самый Лосенко не могъ пріобрѣсти главнаго своего достоинства, правильнаго рисунка за границей. Тамъ онъ могъ обогатить себя механическими свѣденіями въ живописи, очистить вкусъ, самому рисунку сообщить больше благородства; но всѣ эти вторичныя пріобрѣтенія суть проценты на огромный капиталъ, онъ же есть правильный рисунокъ. Трудно однако же думать, что бы этимъ достоинствомъ Лосенко обязанъ былъ Ререну и Лагрене, художникамъ мало извѣстнымъ, когда и знаменитѣйшіе во французской школѣ правильнымъ рисункомъ не отличались. Сочиненіе у нихъ было натя-

нуто, изыскано, приторно; рисунокъ безъ опредѣлительности, колоритъ тѣлесъ не дуренъ, принадлежностей или атрибутовъ — блестящій, лучше сказать лоснящійся. Атласы и бархаты исполнялись хорошо, но ужъ за то и все походило на атласъ и бархатъ. Недостатки Баттони были почти тѣже; Рафаель Менгсъ болѣе приближался къ древнимъ образцамъ относительно сочиненія и рисунка, и кажется одинъ только имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Лосенка. По крайней мѣрѣ съ достовѣрностью можно заключить, что труды и мысли Менгса открыли Лосенкѣ настоящій путь къ истинному искуству, по которому онъ могъ итти, имѣя опорой правильный и твердый рисунокъ. — Не менѣе того должно думать послужили Лосенкѣ помощью сочиненія ученыхъ того времени людей, направлявшихъ, хотя и безъ послѣдствій, художества въ Европѣ на стезю правды: я говорю о Винкельманнѣ и преимущественно о Лессингѣ. Можно съ достовѣрностью сказать, что образованіе Лосенки за границей было болѣе нравственнымъ, литературнымъ, нежели механико—художественнымъ; въ немъ созрѣвали начала, которыя должны оплодотворить каждую школу и онъ явился въ Россіи какъ истинный глава и отецъ новой школы; преданный своему искуству онъ не думалъ о произведеніяхъ, которыя бы могли его увѣковѣчить, а

радѣлъ о юношествѣ, которое должно было устремиться по слѣдамъ его къ той цѣли, которая никогда однимъ человѣкомъ не достигается; Лосенко составлялъ ученохудожественныя правила, писалъ натуру человѣка, безъ притязанія сдѣлать изъ нее эффектную картину; училъ— но небу не угодно было дозволить ему видѣть плоды высокихъ усилій.

Ради полноты статьи нашей, мы не должны пропустить безъ вниманія, что, до учрежденія академіи, кромѣ Козлова, Россія имѣла еще и другихъ художниковъ, которые въ своихъ родахъ пользовались доброю извѣстностью. Рокотовъ, портретный живописецъ и граверъ Чемезовъ заслужили себѣ мѣстечко въ Исторіи Русскихъ художествъ.

Русская живописная Школа, по смерти основателя, уже не сходила съ истиннаго пути даже до нашего времени. Вѣкъ Екатерины благопріятствовалъ покойному развитію всѣхъ отраслей наукъ и художествъ; многочисленныя постройки, выписные художники съ заслуженною славою, пріобрѣтеніе драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній въ большомъ числѣ, все это давало пищу домашнимъ художникамъ, порождало соревнованіе. Въ короткое время образовалась цѣлая семья достойнѣйшихъ художниковъ по всѣмъ частямъ. Угрюмовъ, Боровиков-

скій, Левицкій, Соколовъ, Щукинъ, Акимовъ, Ротчевъ, Алексѣевъ, С. Щедринъ, Мартыновъ, Матвѣевъ (живописцы) Гордѣевъ, Ѳ. Щедринъ, Прокофьевъ, Козловскій, Шубинъ, Мартосъ (скульпторы) Волковъ, Захаровъ, Демерцовъ, А. Михайловъ (архитекторы) и многіе, весьма многіе другіе обогатили Россію въ короткое время разнообразными и многочисленными произведеніями; но всѣмъ имъ путеводною звѣздою служилъ завѣтъ Лосенки. Правильный рисунокъ, какъ огонь Весты хранился, въ школѣ изъ поколенія въ поколеніе. Боровиковскій отличался нѣжностью колорита и мягкостью письма. Левицкій, превосходный портретный живописецъ, умѣлъ угождать современному вкусу и соединялъ съ хорошимъ рисункомъ блескъ и яркость колорита, нѣжность и мягкость въ письмѣ; его атласы и бархаты не уступаютъ Французскимъ; но замѣтимъ что оба, и Боровиковскій и Левицкій, не воспитывались въ академіи; если они въ колоритѣ и письмѣ нѣсколько и отличались отъ воспитанниковъ академіи и въ этомъ отношеніи болѣе нравились современникамъ, то за то въ рисункѣ уступали академіи. Что касается до другихъ исчисленныхъ нами художниковъ, то не смотря на замѣчательные ихъ таланты, они не могли произвести много; Екатерина II такъ сказать обстроилась; Потемкина, любителя и ревностнаго покро-

вителя русскихъ художествъ уже не было; другіе вельможи не принимали особеннаго участія въ этихъ искусствахъ, а публика едва ли вѣдала о существованіи такихъ талантовъ въ Россіи. Тѣмъ менѣе могли современники оцѣнить Угрюмова. Но со вступленіемъ на престолъ Павла I всѣ художники призваны были къ новой дѣятельности. Для исполненія требовавшихся въ это время работъ два поколенія художниковъ соединились; учители работали съ учениками. Угрюмовъ написалъ для Павла Петровича лучшія свои картины: покореніе Казани и возведеніе на царство Михаила Ѳедоровича; при отдѣлкѣ Михайловскаго замка употреблены были всѣ художники, какіе находились только въ Петербургѣ. Угрюмовъ, Акимовъ, Петровъ, Ивановъ, Шебуевъ, Кречетниковъ, Щедринъ, Мартыновъ, Алексѣевъ, Смуглевичъ, Миттенлейтеръ, Скотти, Виги, вотъ общій списокъ живописцевъ, писавшихъ для Михайловскаго Замка. Въ это собственно время Павелъ и Андрей Ивановы, Шебуевъ и Егоровъ стали обращать на себя вниманіе. Вслѣдъ за тѣмъ появились Варнекъ, Кипренскій и Воробьевъ. Продолжительны и достохвальны были труды художниковъ сего третьяго періода Русской школы, какъ относительно самыхъ произведеній, такъ и академическаго руководства. Согласно съ первыми эстетическими вы-

водами, въ началѣ статьи изложенными, постараемся вывести общую характеристику Русской Школы до Брюллова.

Сочиненіе какъ извѣстно раздѣляется на двѣ составныя части, на изобрѣтеніе и расположеніе предмета. Художники Русской Школы отъ Лосенка до Брюллова избирали большею частію для картинъ своихъ предметы духовнаго содержанія, рѣдко миѳологическіе, еще рѣже чисто историческіе; а предметы изъ обыкновенной жизни до нашего времени почти вовсе не были обработываемы русскими художниками; по сему, Русская Школа и преимуществуетъ въ сочиненіи картинъ духовныхъ. Многія условія и требованія налагаютъ оковы на фантазію художника; не смотря на то Русская Школа въ этомъ отношеніи достигла труднѣйшаго: чудной простоты и священнаго спокойствія въ расположеніи сюжетовъ. Въ этомъ отношеніи всѣ двѣнадцать картинъ, избранныхъ для настоящаго изданія могутъ назваться образцевыми. Напомнимъ, что было сказано въ Galerie des Arts et de l'Histoire о картинѣ Егорова: Истязаніе Спасителя, съ которой гравюра приложена ко второму выпуску нашему. «Предметъ старый» такъ пишутъ Французы» обработанный многократно, но *на сей разъ* сочиненіе *просто, естественно, величественно.* Художникъ обладаетъ

чистѣйшими правилами искусства.» Нѣтъ, не на сей разъ а это принадлежность всѣхъ лучшихъ художниковъ нашей школы. Въ меньшей или большей степени не видимъ ли мы въ сочиненіи всѣхъ лучшихъ произведеній нашей школы простоту, естественность, величіе и священное спокойствіе? . . . О рисункѣ и говорить нечего. Отъ Лосенки до нашихъ временъ, всѣ наши лучшіе художники обладали твердымъ и правильномъ рисункомъ, а это должно отнести къ заслугамъ нашей академіи. Что касается до колорита, то и наши художники въ этомъ отнощеніи не принимали какого либо опредѣленнаго колорита, общаго всѣмъ живописцамъ одной школы, какъ на примѣръ въ венеціанской и фламандской. У насъ не только два современные живописца имѣютъ два различные колорита, но въ одномъ и томъ же художникѣ замѣчается по временамъ разница; это происходитъ отъ перемѣны мѣста, гдѣ они пишутъ и отъ возраста. Впрочемъ есть въ каждомъ и особенности, которыя отъ времени нѣсколько измѣняются, но въ существѣ остаются. Такимъ образомъ, колоритъ Егорова всегда былъ нѣсколько красноватъ, безъ художественнаго сліянія тѣней и свѣта, отъ чего всегда и казался нѣсколько страннымъ. Колоритъ Угрюмова и Шебуева приближался къ правдѣ, которой примѣт-

но искали художники; но это частное разнообразіе ни мало не вредитъ общимъ достоинствамъ школы. Примѣръ Брюллова съ одной стороны соблазнилъ многихъ и увлекъ къ насильственному освѣщенію, отъ чего предметы въ колоритѣ должны измѣняться, но Молеръ доказалъ, что онъ иначе понимаетъ Брюллова и примѣръ послѣдняго послужилъ первому въ великую пользу. Изо всего такимъ образомъ можно вывести заключеніе, что Русская Школа отличается простотою, естественностію, величіемъ сочиненія и твердымъ, правильнымъ рисункомъ. Поэтому кромѣ Римской старой, едва ли, кажется, какая либо въ свѣтѣ Школа, изъ старыхъ и новыхъ вмѣстѣ, можетъ получить предъ нею преимущество. Здѣсь бы слѣдовало поговорить о настоящемъ и помечтать о будущемъ; но объемъ статьи и такъ уже слишкомъ великъ. Заключимъ лучше нашъ обзоръ нѣкоторыми частными свѣденіями, относящимися собственно до картинъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи.

Благовѣщеніе съ картины Боровиковскаго. Подлинникъ находится въ главныхъ вратахъ иконостаса въ казанскомъ соборѣ. Написанъ на двухъ кругахъ. Отличается воздушностью, можно сказать прозрачностью письма и простотою сочиненія.

Истязаніе Спасителя съ картины Егорова. Подлин-

никъ находится въ академіи художествъ, въ залѣ называемой многими по этой картинѣ, залою Егорова и пріобрѣтенъ отъ художника за 10-ть тысячь рублей. Фигуры въ ростъ; эта картина во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названа образцевою, какъ по сочиненію и рисунку, такъ и по колориту весьма правдивому и выраженію соотвѣтственному. Другая картина того же художника, съ коей гравюра помѣщена будетъ въ 11 выпускѣ находится въ зимнемъ Дворцѣ.

Явленіе Христа Магдалинѣ, въ Иванова въ Императорскомъ эрмитажѣ; фигуры писаны въ ростъ. Отличается необычайною экспрессіей лица Магдалины; чувство горькой печали борется съ живою радостью при видѣ воскресшаго Спасителя, котораго смерть она за мгновеніе еще оплакивала. Эта картина возбудила живѣйшій восторгъ въ публикѣ на предпослѣдней выставкѣ въ Императорской академіи художествъ. Написана въ Италіи, гдѣ художникъ до нынѣ находится и занимается исполненіемъ новой большой картины. Прошло 6 лѣтъ и Россія въ правѣ пожелать видѣть новую картину того же художника въ настоящую выставку.

Причащеніе умирающей съ Венеціанова. Подлинникъ находится въ драгоцѣннѣйшемъ собраніи картинъ Русской Школы, принадлежащей Ѳ. И. Прянишникову. Произведенія

Венеціанова принадлежатъ къ роду называемому у Французовъ de genre; сюда относятся предметы заимствуемые изъ обыкновеннаго быта. Живопись Венеціанова отличается правдою мѣстною, національною, характерностью лицъ и поворотовъ тѣла; въ избранномъ произведеніи и сочиненіе и выраженіе высокаго достоинства. Кажется, изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ картинъ сего художника эта можетъ быть признана лучшею. Венеціановъ въ Русской Школѣ заслуживаетъ особенное вниманіе не только какъ живописецъ, но какъ человѣкъ, которому многіе художники обязаны началами въ искуствѣ и благодѣтельною помощію. Исторія вдвойнѣ сохранитъ его имя.

Іерусалимъ, *Гробъ Господень*, *и Пещера*— Воробьева. Три вида трудовъ знаменитѣйшаго изъ Русскихъ пейзажистовъ. — Во всѣхъ произведеніяхъ сего художника царствуетъ какое то величіе, котораго не достаетъ многимъ первокласнымъ видописцамъ. Сверхъ того мѣстная правда доведена въ его картинахъ до высокой степени совершенства; особенно въ воздухѣ Воробьевъ не подражаемъ. Воздухъ надъ Іерусалимомъ, надъ Мертвымъ Моремъ, надъ Константинополемъ и на берегахъ нашей Невы переноситъ въ край, подъ другое небо и заставляетъ слѣпо вѣрить художнику. Всѣ три картины пріобрѣтены для Высочайшаго Двора. М. Н.

Воробьевъ справедливо почитается отцемъ Русской пейзажной живописи. Конечно и до него мы имѣли по сей части достойныхъ художниковъ, какъ то Семена Щедрина, Матвѣева, Алексѣева и Мартынова, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ выдержать сравненія ни съ професоромъ Воробьевымъ, ни съ учениками его изъ коихъ двухъ, знаменитѣйшихъ, унесла преждевременно смерть. Сильвестръ Щедринъ и Лебедевъ извѣстны каждому; большія надежды увезли съ собою въ Италію Штернбергъ, Фрикке и Воробьевъ, сынъ професcора. Эта часть живописи процвѣла, возвысилась въ Россіи въ наше время и рѣшительно примѣромъ и стараніями достойнаго наставника.

Св. Дѣва съ предвѣчнымъ Младенцемъ съ карт. Бруни. Подлинникъ находится въ собраніи картинъ Русской Школы Ѳ. И. Прянишникова. Стиль и другія достоинства картинъ Бруни всякому извѣстны. Недавно еще петербургская публика имѣла случай видѣть огромную картину Бруни: Воздвиженіе мѣднаго змія въ Пустынѣ.

Св. Василій Великій съ картины Шебуева. Подлинникъ въ Казанскомъ Соборѣ; принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ образцевыхъ произведеній церковной живописи и вполнѣ оправдываетъ мысли наши о русской школѣ, въ этой статьи изложенныя. Въ томъ же собо-

рѣ есть двѣ, соотвѣтственныя избранной, картины того же художника и почти того же достоинства. Простота, естественность и величіе въ сочиненіи; твердый правильный рисунокъ, приличный колоритъ и высокое соотвѣтственное выраженіе лицъ ставятъ эту картину на высокую степень. Тайная вечеря того же художника, написанная для Сіонскаго Монастыря въ Тифлисѣ, хотя и принадлежитъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Шебуева, но сохраняетъ многія достоинства лучшаго періода его художественной дѣятельности.

Наконецъ взятіе Божіей Матери на Небо съ Брюллова. Картина написана за престолъ Казанскаге Собора, но еще на мѣсто не поставлена. Этой картиной слѣдовало бы начать особую статью, ей одной посвященную, или заключить настоящую. Избираемъ послѣднее.

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

СТАРОСТА МЕЛАНЬЯ.

СТАРОСТА МЕЛАНЬЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ 1839 году поздно осенью возвратился я изъ небольшаго вояжа, сдѣланнаго въ западныя наши провинціи. Во всю дорогу крѣпко грустилъ я, что не достанется мнѣ увидѣть выставку и придется еще три года ждать этого художественнаго праздника. Но видно выставка знала о моей печали. Картины сдружились и долго, долго не могли разстаться, такъ что я, на другой же день по возвращеніи въ Петербургъ, посѣтилъ галлереи Императорской Академіи Художествъ. Не стану описывать, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня выставка

1839 года. Это было бы и не своевременно и не интересно. Скажу только о картинѣ Венеціанова, потому что она послужила поводомъ къ настоящему разсказу. Долго, долго смотрѣлъ я на эту правдивую живопись. Въ лицѣ умирающей казалось я видѣлъ мою Меланью; въ другихъ лицахъ я находилъ сходство съ людьми, изъ коихъ я видѣлъ собственными глазами только одного; это Прохора, что стоитъ за кроватью. Можетъ быть онъ у Венеціанова и не Прохоръ, а Лука, но у меня онъ былъ Прохоръ. Я преспокойно такъ называлъ его въ моемъ воображеніи, и былъ весьма благодаренъ художнику, что онъ заставилъ меня вспомнить объ этихъ почтенныхъ людяхъ. Возвратясь домой, я усѣлся за столъ и призвалъ на помощь всѣ силы моей памяти. Но, увы, многое улетѣло невозвратно, я не могъ себѣ припомнить даже названія села, гдѣ происходило дѣйствіе; а оно лежало на проселочной, не подалеку отъ большой Смоленской дороги, весьма близко отъ Москвы. Черезъ это село проходилъ путь къ одному моему доброму знакомому, къ которому я ѣздилъ изъ Москвы на долгихъ и на короткое время.

«Эй вы добрые» крикнулъ ямщикъ, завидя церковь села, мелькавшую въ просѣкахъ рѣдкаго лѣса. «Видишь люди валятъ съ сѣнокоса; солнышко спать хочетъ, по-

ра и вамъ и мнѣ вздремнуть; а дѣло извѣстное: конь вздремнетъ, на сто верстъ бодрости захватитъ, а вздремнетъ ямщикъ, три ноченьки со счетовъ долой . . . . Эй вы!»

И добрые кони, какъ будто поняли краснорѣчиваго ямщика, помчались; дорога была, извѣстно, русская, проселочная; будто оспа какая по ней прошла; то и дѣло выбой да яма, а ужъ гдѣ ровная колея, такъ и за то спасибо; покривилась дорога, будто богатырь какой по ней проходилъ, да хмѣленъ былъ; куда пошатнется, и дорога за нимъ; то на одну, то на другую сторону косилась дорога, а какъ подъѣхали къ рѣчкѣ, косогоромъ такъ и покатились, подъ самое село, а село на горкѣ за рѣчкой.

На прекрасномъ мѣстѣ расположено было село; внизу рѣчка, съ обрывистыми крутыми берегами; по луговой сторонѣ зеленымъ бархатомъ стлалась высокая трава, кое гдѣ кучи вѣтвистыхъ деревъ уничтожали пустынный видъ нашихъ луговъ; вдали можно было явственно разсмотрѣть другое, также обширное село. Дома всѣ были весьма хорошо обстроены; на темени пригорка красовалась сельская церковь и дворъ священника. Сельская улица съ переулками тянулась около церкви длиннымъ полукругомъ. Прелесть вида умножалъ и прекрасный весен-

ній вечеръ, какихъ я мало запомню. Вдоль по улицѣ, почти у каждыхъ воротъ, сидѣли красиво и опрятно одѣтыя молодицы и дѣвушки; мужчинъ почти не было, потому что семи или осьми дряхлыхъ стариковъ считать нечего. Ямщикъ мой, проѣхавъ пять или шесть домовъ, остановился на бревенчатой мостовой и кликнулъ: «Эй вы, красныя, а гдѣ тутъ у васъ господа останавливаются. . ?»

«Гдѣ хочешь, вездѣ примутъ!» отвѣчала истинно красивая молодица, привставъ и скромно сложивъ на груди руки. Въ это время все общество женщинъ, сидѣвшихъ у этихъ воротъ, встало за разъ, какъ будто по условію, и поклонилось кому-то. Я оглянулся; потому что этого поклона я никакъ не могъ принять на свой счетъ, и не ошибся: по правую сторону улицы проходила пожилая женщина, также весьма чисто и опрятно одѣтая. У всѣхъ воротъ, мимо которыхъ ни проходила, женщины и даже старики подымались съ мѣстъ и почтительно ей кланялись; меня это крайне поразило, но на Павлушку не сдѣлало ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ все допытывался, гдѣ бы получше пристать.

«Да сказано тебѣ» отвѣчала молодица: «у насъ всѣ хозяева гостю рады, а у кого изба попросторнѣе, такъ у Прохора.»

—«А гдѣ же вашъ Прохоръ?»

«Да вонъ видишь ли, куда староста Меланья повернула, такъ за ея дворомъ, первыя ворота.»

—«Да что у васъ старостой баба, что-ли?»

«Не замай нашу Меланью, ступай съ Богомъ, куда указано.» Съ этимъ молодица отвернулась отъ насъ и усѣлась на прежнее мѣсто, а мы остановились у воротъ Прохора. Хозяинъ сидѣлъ у своего двора на прилавкѣ, и беззаботно глядѣлъ на двухъ красивыхъ мальчиковъ, игравшихъ на мостовой. Примѣтивъ насъ, Прохоръ всталъ, поклонился и спросилъ, что намъ угодно. Узнавъ о чемъ дѣло, Прохоръ молча отворилъ ворота, коляска въѣхала на темный крытый дворъ: а я остался на улицѣ.

«Ну, слава тебѣ Господи!» сказалъ Прохоръ: «вотъ и наши!»

«Долгенько сегодня» замѣтила Меланья, которая въ тоже время вышла на улицу. «Чай докосили!»

«Нѣтъ, Меланьюшка, знаю я вашу долину. Вѣдь она до нашего села доходитъ. Недобрый видно по ней камышки раскинулъ. Не разъ коса зазубрится . . .»

—«Вотъ ужъ и недобрый; наше мѣсто свято; что ему до насъ за дѣло?»

«Вѣстимо, Меланьюшка! Про то ты лучше знаешь.»

Во время этого краткаго разгора, я съ любопытствомъ

разсматривалъ собесѣдниковъ. Меланья была женщина лѣтъ сорока пяти, шести, сухощавая, рослая, но годы или другія какія житейскія невзгоды ее погнули: лице, несмотря на худобу, было выразительно и пріятно очертано. Прохору по всѣмъ признакамъ было за пятьдесятъ, но онъ сохранялъ въ лицѣ и движеніяхъ молодецкую бодрость. Лице по наружности было простовато; не было въ немъ русскаго дородства; поджарый старикъ умильно поглядывалъ на щедушную сосѣдку, а та смотрѣла въ оба на улицу; въ концѣ села показалась толпа крестьянъ съ косами; они шли съ пѣснею; но завидя Меланью, всѣ остановились и перестали пѣть.

«Здравствуй, ненаглядная» сказалъ косарь, повидимому старшій.

—Спасибо за привѣтъ, добрые молодцы. Богъ помощь, а завтра поблагодаримъ Его за наше довольство и всякую милость.»

«А завтра праздникъ, Меланьюшка?»

—«Церковный! Рождество Предтечи! будетъ служба, да молитва работѣ не помѣха.»

«Такъ приходить въ церковь?»

«Какъ же, родимый, до обѣдень успѣешь поработать!»

«Такъ прощай же, Меланьюшка, храни тебя Господи!»

—«И васъ также, дѣти мои; простите!»

Косари молча разбрелись по домамъ; изъ нихъ двое ушли въ домъ Меланьи, вмѣстѣ съ хозяйкой, а одинъ подошелъ къ Прохору.

«Что сынокъ» спросилъ Прохоръ: «много накосили?»

—Таки довольно, родимый, да гдѣ же Авдотья? Что она дѣтей не смотритъ. Видишь, одни на улицѣ возятся. —

«Полно, Сеня! Богъ за ними пуще нашего смотритъ, да и я присматриваю, а она у больной Аѳонасьихи; такъ Меланья наказала; очередь на нее пришла. Ужъ мнѣ и самому безъ Дуни сгрустнулось; да вотъ и гостя Богъ послалъ, а что будешь дѣлать; у Аѳонасьихи детей нѣтъ; а вдовье дѣло не лучше сиротскаго, тутъ толковать нечего. Ступай-ко, Сеня, самоваръ поставь а я ребятишекъ самъ то спать уложу.»

Семенъ повиновался безпрекословно, а старикъ сталъ внуковъ загонять на палати. Загналъ, да и меня съ ними. Я уже не могъ разстаться съ Прохоромъ; и разговоры, и чинность, и Меланья, и все приводило меня въ удивленіе; мнѣ хотѣлось узнать подробнѣе про Меланью, про самого Прохора; про бытъ крестьянъ, но какъ приступить къ этому. Прохоръ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ коротко, и какъ то не охотно. Чье село? Государево. Сколько душъ? — Семь сотень съ небольшимъ.

Кто священникъ? — Отецъ Иванъ. Кто управляющій? — Міръ правитъ, есть и начальство. — И вопросы мои истощались; я какъ то не смѣлъ начинать про Меланью. Наконецъ подали самоваръ. Я и спросилъ: давно ли ты, Прохоръ, чай пьешь?

«Не пью, кормилецъ! Не наше питье, а держу про господъ; черезъ наше село не мало проѣзжихъ. А пуще въ зимнее время, лучше вина господское тѣло грѣетъ. Я на Москвѣ узналъ про чай, да и завелъ, а самъ я, батюшка, мелкой торговецъ; торговля моя на три села; на Москвѣ бываю не по разу въ годъ, такъ и этого зѣлья искуплю; фунтъ на годъ.»

— Такъ ты не крестьянинъ?

«Былъ, батюшка, изъ Дмитровки, вонъ что съ улицы видно; да Богъ помогъ, вышелъ на волю; тутъ себѣ домишко построилъ, да и вѣку доживаю съ сынкомъ да съ Дуней, да съ внуками.»

— За чѣмъ же твой сынъ сѣно косилъ?

« А что ему дѣлать? Пусть сосѣдямъ помогаетъ, да помнитъ, что и онъ не изъ какихъ иныхъ, а простой человѣкъ.»

— Отъ чего же ты поселился здѣсь, а не гдѣ индѣ?

«Отъ чего?» Старикъ печально улыбнулся и пока-

чалъ головою.—«Молодъ ты баринъ, такъ и не диво, что про все хочешь знать.»

— Да развѣ грѣхъ, Прохоръ?» спросилъ я желая примаровиться и къ его понятіямъ, и къ языку. «Видишь, мнѣ ваше житье бытье крѣпко по сердцу пришлось. На вашемъ селѣ видимо — божья благодать!»

« Тото и есть . . » перебилъ меня старикъ значительно и глаза его сверкнули радостно.

—Должны же быть въ вашемъ селѣ люди, продолжалъ я, которые угодны Богу . . .

«Тото и есть!» перебилъ меня Прохоръ. «Право баринъ, ты умно говоришь; то то и есть, что въ нашемъ селѣ живетъ Меланья!»

— Вотъ эта, что ты разговаривалъ?

«Она сама, батюшка! Ну, да что объ этомъ говорить. Все село знаетъ.»

—Да я то ничего незнаю, подумалъ я и предложилъ старику выкушать со мною чашку чаю; отнекивался Прохоръ да не долго; удалось мнѣ его и усадить и другую чашку подставить и разговорился старикъ . . . . «Видно ужъ такъ было Богу угодно,» говорилъ Прохоръ: «Чай ты , баринъ, про Бородино и про Француза слышалъ? Годовъ будетъ за пять до супостата, провожалъ я брата на службу царскую; а у насъ въ Дмитровкѣ

церковь на ту пору погорѣла, такъ и отмолиться за брата было негдѣ. Пришли мы оба съ братомъ, да съ матерью, въ здѣшнюю церковь. Пришли мы, а въ церкви священникъ съ дьячкомъ молебенъ служитъ, а у молебна люди стоятъ, покойный Андрей, да сынъ его Василій, да дочь Меланья, да другая дочь Василиса, да еще сынъ Онисимъ, да сноха Лукерья, да деверь Луппъ, да кумъ Трифонъ, что на Москвѣ въ огородникахъ, да Савва, что по зимѣ въ Москву извозничать ѣздитъ, да еще двое трое изъ родни, теперь не припомню. Всѣ стоятъ да плачутъ, окромя Андрея старика, да Меланьи. Андрея Крутоярова и мы всѣ знали. Заѣзжалъ старикъ въ Дмитровку иноразъ. — Какъ посмотрѣла матушка Ирина на Андрея, да на Василья тотчасъ смѣкнула, что и у нихъ та-же бѣда; постояли мы, пока Крутояровы отмолились, тамъ давай и сами молиться; Крутояровы стоятъ, не уходятъ; поглядѣли и на насъ за то что мы на нихъ смотрѣли; какъ отошли молебны, Андрей и говоритъ Иринѣ: Что голубка, отняли и у тебя ясна сокола; а Ирина Андрею: Царю въ людяхъ больше нашего нужда. Рече хныкать. Пусть идетъ, пусть служитъ; съ молоду еще отецъ ему говорилъ: Лаврентій, быть тебя въ службѣ царской; такъ ужъ коли отецъ говорилъ, такъ дѣло извѣстное, ему было про то вѣдомо. — Слышь, Василей, сказалъ Ан-

дрей, не кручинься. Съ кавалеріей вернешься, а мы за тебя Бога молить будемъ. А когда, Власьевна, въ городъ? или сборщиковъ поджидать будешь? — Что ты это, Лукичъ, будто Лаврентій неволей въ некруты идетъ. Сами сходимъ, вотъ только поотдохнемъ маленько. — Да гдѣ же тебѣ, Власьевна, отдыхать? я твою хлѣбъ соль помню, и старика твоего, Царство ему небесное; щецъ хлѣбнемъ вмѣстѣ, да дѣтей нашихъ благословимъ, пусть идутъ, страму на насъ не положатъ, а можетъ въ одномъ полку придетъ быть, такъ и насъ чаще поминать будутъ. — Пожалуй, Лукичъ, отъ хлѣба соли не бѣгаютъ.— Пошли мы къ Андрею. Вотъ въ тотъ самый домъ, гдѣ Меланью твоя милость видѣлъ. На проводы еще гости подошли; отмолились мы у Андреевыхъ иконъ, да молодцевъ добрымъ словомъ, кто копѣйкой, а кто и рублемъ, въ городъ отпустили. Воротились и мы домой въ Дмитровку съ матерью; тутъ со мной такое чудное приключилось: пойду ли на работу, али на палати уберусь, али въ городъ съ живностью поѣду, все Меланья въ глазахъ. Что за диво, подумалъ я, да и давай молиться. Куда! Все пуще, да пуще; смѣкнулъ и я, что Меланья мнѣ больно приглянулась, сказалъ матери; родная меня благословила, да и говоритъ: Видишь Прохоръ, немочь и старость одолѣли. Сходи-ко ты самъ къ

Андрею, поклонись отъ меня, да и попроси невѣсту. Пошелъ я къ Андрею, дорогой меня будто немочь какая изломала; еле ноги донесли; а у Андрея миръ горой. «Добро пожаловать, кричитъ старикъ, видно и вы про нашу радость провѣдали. Далъ Богъ Меланьѣ женишка, на все село молодца; сирота бездомный, да парень добрый. Прохоръ, полюби ты Онисима и Сергѣя; въ любви миръ, въ ссорѣ— грѣхъ! . . .

Не взвидѣлъ я свѣта Божьяго; будто нечистымъ зѣльемъ глаза засыпало! Срамъ такой; на кого ни гляжу, все сдается, что тотъ про мою причину знаетъ; и веселье чужое будто надо мной злой смѣхъ; красное слово гостя только въ жаръ меня кидаетъ; а Василиса, другая дочь Андрея, подростокъ такой, будетъ не съ большимъ пятнадцать лѣтъ, знай, мнѣ то того, то другаго подноситъ: ѣмъ, пью черезъ силу; не досидѣлъ на сговорѣ, да въ тихомолку домой, безъ шапки, баринъ, право, безъ шапки . . . . Охъ, было худо, надо быть лѣтъ тридцать безъ малаго прошло, да и теперь не лучше ! . .»

Я вздрогнулъ. Какъ, подумалъ я, неужели въ этихъ полузвѣряхъ страсть любви можетъ имѣть такое байроновское развитіе; на краю могилы онъ тяжко любитъ женщину, которую полюбилъ не онъ, а юноша свѣжій, полный силы, способный и въ дикости своей къ нѣ-

жнымъ ощущеніямъ только по возрасту. Неужели любовь его — привычка сердца, усвоенная его натурѣ болѣзнь... Но я насильно прервалъ мои размышленія, потому что старикъ, отдохнувъ, сталъ дальше разсказывать. —

«Видно такъ Богу угодно» продолжалъ Прохоръ: «матушка Ирина больно опечалилась, да и говоритъ: Эхъ Прохоръ, я твоему горю помогу; погоди годикъ другой, да и женись на Василисѣ. Даромъ что родная, а я чуть не плюнулъ ей въ глаза, прости Господи грѣхъ такой, да и сталъ видимо западать. Тоска меня чуть со свѣта не извела, диво за дивомъ со мной творилось. Пойду съ косарями сѣно косить, а гляжу, у Андреева дому стою; разъ, два, а по третьему разу пошелъ я въ церковь, да батькѣ все и разсказалъ. Отецъ Иванъ похвалилъ меня за правду, да и говоритъ: чего ты кручинишься, вѣдь за тебя Меланьи и отдать нельзя; ты господскій, а она Государева крестьянка. Хоть ты и не моего приходу, да я отъ добраго совѣта не прочь: ищи себѣ невѣсты въ Дмитровкѣ. — Эхъ ты, отецъ Иванъ, подумалъ я, и безъ тебя я это знаю, да отъ того не легче. Плохо приходилось мнѣ; отецъ Иванъ не помогъ, да Богъ сжалился. Матушка Ирина разрывалась, глядя на меня, просила, молила не кручиниться, невѣстъ мнѣ разныхъ называла, грозила что не

дасть благословенія, грозила покойнымъ отцемъ; ничто не помагало. Истерзалась моя голубушка и слегла въ постельку. Меня будто что укололо; будто міромъ мнѣ укоръ сказанъ. Показалось мнѣ, будто я пьяница, лѣнтяй, отъ Бога отступился. Сталъ я горько плакать. Съ утра кладу поклоны передъ иконами, а такъ отъ больной матери не отхожу; все охаю, да ужъ не про Меланью, а про матушку Ирину: вижу у Бога на меня гнѣвъ великъ: нѣтъ матушкѣ лучше. Подъ вечеръ одного дня кончаться стала: я бухъ ей въ ноги, а душенкой моей дрянной къ Отцу небесному. Куда тутъ пересказать, что въ моей душѣ творилось; и Божію Матерь и всѣхъ святыхъ заступниковъ, кого зналъ, всѣхъ помянулъ; то была не молитва, а будто сонъ какой; вспотѣлъ, батюшка, а потъ такой холодной; еле всталъ. Гляжу; спитъ моя родная, спитъ моя ненаглядная и къ утру только слаба стала, а немочь Господь Богъ отогналъ. И моему горю пришелъ добрый годъ; чтобы матушка Ирина не серчала, да съ сердцовъ чтобы опять въ постельку не слегла, такъ я къ Андрею ни ногой, всегда у нея на глазахъ; прошло не мало времени, глядимъ гости: и Андрей съ Василисой, и Сергѣй съ молодой женой Меланьей, и Онисимъ, откуда ни возьмись, также женатый; полна изба стала гостей; матушка Ирина да-

вай пироги печь, а у меня старую немочь будто изъ сундука вынуло. Только ужъ и я былъ не тотъ. Не балуй, говорю самъ себѣ, грѣхъ по чужой женѣ тосковать; надо своей бабой завестись, да бухъ Андрею въ ноги; отдай Василису. А старикъ говоритъ: Охъ, Прохоръ, радъ бы радехонекъ, да не въ обычаѣ. Ты самъ знаешь. — Да съ тѣмъ и уѣхалъ. Уѣхалъ Андрей. Оно такъ было по зимѣ. Морозы богатырскіе. Душѣ весело, какъ иной разъ утромъ прихватитъ. На диво зима стояла. Уѣхалъ Андрей послѣ вечерень; проводили мы его да еще на сани смотрѣли; и сани изъ виду пропали. Матушка въ избу ушла, а я стою на морозѣ да гляжу на небо чистое, а тамъ будто праздникъ какой, будто свѣчи передъ иконами, звѣздочки горятъ святымъ полымемъ. Задумалъ я думу, да и думаю такъ себѣ что то пустое, ни то, ни се, будто орѣхъ безъ зерна; продумалъ, да и опять глянулъ на небо; а тамъ диво небесное: звѣздище большое съ косматымъ хвостомъ, будто метлой изъ огня, небо мететъ. Тьфу ты нечистая сила! молвилъ я, отплюнулся, перекрестился, гляжу, диво ни съ мѣста, я сосѣдей кликнулъ, не мнѣ одному чудилось, всѣ видятъ, и пошли толки: кто войну, кто голодъ, а всѣ недоброе гадаютъ. Знаете вы много! подумалъ я, это про меня знаменье. То-то глупая молодость! Про весь міръ

православный, про всю Русь была та звѣзда и по веснѣ вся Дмитровка въ поле не идетъ. Старики и ребятишки, молодые парни и красныя дѣвицы, всѣ на улицѣ до поздней поры стоятъ, да кто бы ни былъ проѣзжій, стой, выспрашиваютъ: далеко ли Французъ, гдѣ Государь, скоро ли въ Дмитровку будетъ, гдѣ Французу ноги подшибутъ?—«Подъ самой Москвой» сказалъ какой то кавалеръ. Онъ въ Москву отъ самаго Царя съ письмомъ ѣхалъ. Пошолъ по всей улицѣ большой толкъ. Коли подъ Москвой, такъ путь Французу черезъ Дмитровку, потому что она на большой смоленской дорогѣ стоитъ. Тутъ другой кавалеръ проскакалъ, только отъ него и слышали: завтра Французы къ вамъ будутъ. Вотъ мы ужъ тутъ безо всякихъ толковъ за иконы, что у кого было, въ телѣги нагрузили, да къ сосѣдямъ за рѣчку, въ Государево село, перебрались. Мосты на рѣчкѣ поломали. Ждемъ день, другой, нѣтъ супостата; мы ужъ было думали, что наши его въ штыки приняли, да искололи. На третій день по утру гулъ пошелъ такой, будто земля гдѣ то ломится; пуще да пуще, небо ясное, а громъ идетъ безъ устали... Подъ вечеръ стихло, только по смоленской дорогѣ, стоятъ зарева словно цѣлыя лѣса горятъ. Мы всѣ на улицѣ и заночевали. «Ну, пришло времячко» говоритъ Меланья: «прости Господи, а

если Москву возьмутъ.»— «Что ты дура» говоритъ Сергѣй (такой грубый !) «не говори такого; языкъ окоченѣетъ.» — «Эй возьмутъ, Сергѣй, и какъ не взять, коли добрые молодцы по избамъ сидятъ, на войну, будто на горѣлки, засматриваются; поди-ка, колибъ наши, да Дмитровскіе на супостата пошли; вотъ ужъ, какъ хочешь, а перышекъ бы у Француза много повыдернули. А такихъ селъ у Государя, да у господъ, мало ли? Подыми какъ всѣхъ, такъ сколько ни есть на землѣ народовъ, и Французскихъ, и Нѣмецкихъ, и Татарскихъ, всѣхъ со свѣта егонятъ; будь я не баба, на улицѣ-бъ сложа руки не сидѣла . . .»

«Я иду!» крикнулъ я. Русскому народу только добрый кличь надо; на всякую удаль самимъ Богомъ сдѣланъ. Всѣ встали, всѣ за мной; сами не знаемъ куда идти, а Меланья тоже встала, будто выросла, да и указываетъ. «Добрыя дубинки, братцы, да топоры за поясъ. Ступайте на огонь: тамъ Французы воруютъ....» Право, баринъ, смѣхъ какъ вспомнишь, а тогда было не до смѣху; все за правду творилось. Безъ начала нигдѣ порядку. Я поклонился въ ноги Меланьи, да и говорю: матушка Меланья, видно твоими устами Богъ говоритъ; будь же нашимъ старостой... Видно рѣчь моя пришлась ей по сердцу, а больше, видно было такъ Богу угодно. Меланья и говоритъ: «Коли я у васъ староста, такъ слушаться, и муж-

ской и женской народъ! Вы ступайте, на промыселъ противу супостата, а наше дѣло женское, мы въ церковь: пусть отецъ Иванъ Богу служитъ, а мы молиться станемъ. Никто въ печи не моги огня раскладывать; постъ, пока Божій гнѣвъ не минуетъ!»

«Слушаемъ, матушка Меланья, крикнулъ я, слушаемъ твоего святаго слова! Богъ помощь, пойдемъ! . . .

Право, баринъ, у Бога въ чудесахъ нѣтъ недостачи. Пошли мы на огонь, да и наткнулись на пушки. Насъ окликнули, свои! Тутъ съ пушками былъ какой то полковникъ; видно у него была большая власть; другіе генералы и полковники всякую честь ему отдавали. Онъ и спрашиваетъ: «Куда вы, ребята?» «Идемъ Француза бить. . . .» «Доброе дѣло, говоритъ царскій богатырь, доброе дѣло; только васъ такъ задаромъ супостатъ изведетъ. Вы большой дороги не держитесь, а гдѣ темный лѣсъ или рѣчка безмостая, вонъ тамъ вашей удали пожива. А хотите, я вамъ дамъ и командира, онъ съ военнымъ дѣломъ больше вашего знакомъ.»

«За совѣтъ спасибо» отвѣчалъ я: «а царскихъ людей для себя прибереги, у насъ есть свой староста—Меланья. На томъ и прости. Страхъ Француза хочется.»

«Дай Богъ успѣха, добрые молодцы!»

Только мы и слышали, да въ темный лѣсъ; засѣли;

сидимъ, глядимъ, то и дѣло наши проходятъ. Господи Боже мой, подумалъ я, сколько у русскаго Царя людей. Чай со всѣхъ концевъ согнали; а они проходятъ, да и ругаются; не приведи Богъ какъ осерчали; горланятъ: зачѣмъ мы съ поля сошли, коли поле наше; сломалъ супостатъ зубы объ наши пушки, что его жалѣть; надо было докалачивать, что змѣю подколодную, а мы его только порохомъ обкурили. И знаешь, баринъ, кто ни идетъ, пѣшій, конный, всѣ такой толкъ ведутъ, на княжую мудрость сумленіе взводятъ; а мы себѣ сидимъ; къ утру и обозъ царскій мимо насъ протащился, а Француза нѣтъ какъ нѣтъ. Сергѣй и давай корить меня: видишь, говоритъ, баба тебя опростоволосила. И безъ насъ сколько у царя людей, а отъ Француза улепетываютъ; видишь, какіе у насъ дмитровскіе богатыри, въ лѣсу до того досидимся, что медвѣдь или другой какой ни есть звѣрь косточки наши сгложетъ.— Эхъ, Сергѣй, Сергѣй, гляди, чтобы за такія рѣчи Богу не поплатиться. Только я это вымолвилъ, солдаты на коняхъ мимо насъ проскакали. Кричатъ не по человѣчьи, да и по одеждѣ Нѣмцы. Проскакали да и опять назадъ. Къ вечеру и повалила нечистая сила. Право не лгу, баринъ; всю ночь и весь другой день, все разношерстые полки шли, такъ, что Онисимъ сначала считалъ, а по-

томъ и счетъ потерялъ. Прошли, потомъ обозы потащились. Куда! Намъ и приступу нѣтъ; видимъ, что не подъ силу; дождались мы вечера, да въ старую долину и потянули. Сергѣй во всю дорогу трунитъ надо мной, а потомъ и надъ старостой нашимъ; пока надо мной, мнѣ и горя мало; а ужъ какъ старосту обидѣлъ, я осерчалъ и говорю: «эй, Сергѣй, уймись, не то худо будетъ,» а онъ на драку лезетъ. Я ему говорю; побереги себя для Француза, а я тебя пальцемъ не трону, ты Меланьинъ мужъ. — Такъ чтожъ, что я Меланьинъ мужъ? — Такъ то, что мнѣ тебя бить не приходится.— Да чтожъ тебѣ Меланья, сестра, что ли?— Про то я знаю, бодрясь, сказалъ я, а у самого кошки по сердцу заходили. Прости Господи, не доброе на умъ взбрело, да гляжу: на право Дмитровка горитъ. Ахъ, баринъ, мнѣ почудилось будто я самъ загорѣлся; вырвалъ я изъ за пояса сѣкиру, да очертя голову—въ Дмитровку побѣжалъ; гляжу, а на старой долинѣ люди чернѣютъ; по шерсти узналъ супостата; вижу, что въ Государево село путь держатъ . . . И Дмитровка горитъ, и Меланью нехристи обидѣть могутъ, а правду тебѣ сказать, баринъ, Меланья тогда была что наливное яблочко, что на лѣтнемъ солнышкѣ подрумянилось. Я назадъ; догналъ товарищей; сказалъ про бѣду; мы скорѣе цѣликомъ къ рѣч-

кѣ; набѣжали Французы, да ни одинъ въ Дмитровку не воротился; чай и теперь въ землѣ ихъ невѣдомо, гдѣ лежатъ ихъ косточки, а тѣхъ косточекъ и тутъ нѣтъ; далече ихъ рѣчка унесла. Сталъ сговорчивѣе Сергѣй, какъ съ бѣдою лицемъ къ лицу повидался. Разсказали мы Меланьѣ про нашу удаль. Напугала она насъ порядкомъ. И не обрадовалась, а въ придачу, давай за души супостатовъ молиться. Этакого промежъ насъ и старики не слыхивали. Стали корить Меланью. А она посмотрѣла на всѣхъ и на стариковъ, что на глупыхъ подростковъ, да и говоритъ: «Всѣ мы во христѣ братья. Война—только ссора. Кто напалъ, тотъ и поплотится, а людей все таки жаль; не гады же, а люди!» Старички прикусили язычки; а меня будто рублемъ подарили. Что ни скажетъ Меланья, такъ мнѣ весело, будто я самъ умное слово сказалъ; кто ни похвалитъ Меланью, будто меня хвалитъ. Ну, баринъ, сгорѣла и Дмитровка и тихо стало; Французъ подъ Москву пошелъ, а къ намъ въ село кумъ Трифонъ, что въ огородникахъ, изъ Москвы пришелъ да и баитъ, что князь велѣлъ Москву Французу отдать. Не успѣлъ онъ этого вымолвить, Меланья бухъ на земь, глаза закатились, всѣ ахнули, а я. . . Охъ, баринъ, и теперь больно, какъ вспомню. Я только руки къ ней протянулъ, только и кричу, будто меня чѣмъ

пришибло: «Меланьюшка, свѣтъ ты нашъ, радость-Меланьюшка, не покидай насъ, всѣ мы безъ тебя сиротами будемъ.» Тутъ и другіе за мной пристали къ Меланьѣ, и Андрей, и матушка Ирина, и жена Онисима, и другое бабье, какое тутъ прилучилось; подняли мы ее, уложили на постельку, а Сергѣй съ перепугу, али съ доброй догадки, за отцемъ Иваномъ побѣжалъ. Все не впрокъ. Не открываетъ глазъ Меланья, да и полно. Всю ноченьку промаялись; къ утру будто пріуснула, да не ладно, сонъ не сонъ, а будто она въ огнѣ горитъ, да вздрагиваетъ; девять сутокъ, батюшка, девять сутокъ продержала ее немочь въ огнѣ; и потомъ и сонъ пропалъ, и ѣсть ничего не можетъ, ни руки не подниметъ; лежитъ, да на всѣхъ такими глазами глядитъ, что не приведи Господи. Вотъ ужъ тутъ нечего дѣлать, не стану грѣха таить, полюбилъ я Василису, не за то, что она Василиса, а за Меланью. Я не сплю, Сергѣй не спитъ, и Василиса глазка не прижмуритъ. Такъ возлѣ больной сестры и сидитъ. — За большимъ горемъ и радость большая. Слышимъ, что наши полки опять на Смоленскую дорогу потянули; что за диво? знаемъ, слышимъ, что Французъ давно уже въ Москвѣ пробавляется; уже и осень на дворѣ; по всему царству плакать перестали, слезъ не хватило, а наши полки

опять на Смоленскую! Сидимъ мы подъ вечеръ у больной Меланьи, да и думаемъ каждый про себя: «что за диво? Не умираетъ Меланья, а нѣтъ лучше.» А она голову къ окну повернула, да и глядитъ на солнышко; правда ни словечка не обронила, да у меня сердце екнуло; у Меланьюшки на глазахъ слезинка, у меня другая, давай и я смотрѣть на солнышко и право, не повѣришь баринъ, и самъ бы я другому не повѣрилъ, а чудилось ли мнѣ или за правду, мимо меня Меланьина молитва слышно проходила . . . Охъ баринъ, рай на землѣ, да и полно.»

Желалъ бы я отыскать въ свѣтѣ актера, который бы могъ сказать послѣднія слова Прохора со всею полнотою и силою чувства, съ какими ихъ произнесъ мой старикъ . . . Конечно и съ актеромъ случилось бы тоже, что и съ Прохоромъ . . . Онъ не могъ продолжать разсказа; прошло болѣе десяти минутъ, пока Прохоръ вышелъ изъ глубокой задумчивости, въ которую впалъ послѣ этой фразы . . .

«Такъ что же Прохоръ?» спросилъ я.» Наши вышли на Смоленскую дорогу; Кутузовъ ждалъ врага и готовилъ ему проводы . . .»

«Проводы!» сказалъ старикъ съ усмѣшкой: «хороши проводы . . . Да еще и до проводовъ поплатился Фран-

цузъ и людьми и казною. И къ намъ въ село зашли было за живностью, да живые не воротились; а еще у нихъ и пушка была. Да не о томъ рѣчь, а о томъ, что послѣ той благодатной молитвы слышимъ барабанъ бьетъ; всѣ мы на улицу; полкъ не полкъ; а людей не мало; наши; стоимъ мы съ Онисимомъ и на ратныхъ людей любуемся; а они пришли гурьбой, старшій кличетъ старосту; вышелъ Андрей; развели ихъ по фатерамъ; анъ тутъ Андрею кто то изъ служивыхъ въ ноги повалился. Василей! Не успѣлъ Андрей крикнуть Василей, а уже я кричу: братъ Лаврентій! Право, на горяхъ, да радость такая, кажетъ втрое; потащили мы нашихъ служивыхъ къ Меланьѣ: та, какъ увидѣла брата, закричала, да и давай кончаться . . . Батюшки свѣты; ужъ мы и радости своей рады не были; вывели служивыхъ вонъ изъ избы: послали за отцемъ Иваномъ; тотъ со Святыми Дарами спѣшно пришелъ. Запѣлъ дьячекъ; я у самой кроватки стою да какъ заслышалъ дьячка, такъ и одурѣлъ; только и говорю: Вотъ тебѣ разъ, пропала моя головушка . . . Ахъ ты, Меланьюшка, будто молитва наша до Господа не дошла? . . А Меланьюшкѣ будто легче стало, приподнялась на постелькѣ, диво, прежде руки поднять не могла, а теперь сама крестъ сложила, причастилась и уснула. Простояли мы надъ

нею не долго; опять въ деревнѣ забарабанили. Я и покалякать съ братомъ не успѣлъ; только его и видѣлъ; мимо оконъ прошли наши солдатики, а Меланья проснулась; откуда усмѣшка взялась; Господь Богъ языкъ ей разрѣшилъ, да на новое диво. «Благодарите Господа» сказала Меланья, не то чтобъ громко, не то чтобы и тихо: «гонитъ Онъ супостата изъ Москвы бѣлокаменной; пришелъ конецъ гнѣву Божію. Молитесь!» Матушка Ирина первая на земь, да стала поклоны класть; мы за нею а тутъ кумъ Трифонъ въ двери. «А знаете» говоритъ, «зачѣмъ солдаты ушли? — Пошли Француза ловить; хотѣлъ изъ Москвы убѣжать.» Съ той поры всѣ повѣрили что на Меланьѣ Божья благодать. Самъ отецъ Иванъ пришелъ на другое утро да и давай распрашивать: «Скажи, Меланьюшка, откуда ты объ Москвѣ вчера провѣдала; вѣдь заправду Французъ отъ насъ уходитъ.»

«Э не то еще будетъ» говоритъ моя голубушка, да такая веселая, будто совсѣмъ и больна не была. «Немочь моя отъ Господа; слава Ему и честной Богородицѣ и святымъ заступникамъ; хорошо мнѣ было; я мой обѣтъ сотворила, слова не вымолвила, пока Французъ въ Москвѣ былъ; правду сказать тяжело мнѣ было; я и смерть видѣла; темно душѣ становилось, да призвала я Его, и смерть отошла, и во снѣ увидала я, какъ Французъ изъ

Москвы тронулся. Слава тебѣ Господи! Укрѣпилъ ты меня на трудное дѣло; а теперь намъ еще много работы, пока землю православную отъ заморскихъ гостей очистимъ. Богъ вмѣстѣ съ нами; и морозы и стужи издалеча идутъ; и на поляхъ лягутъ; и на рѣкахъ потонутъ; и въ городахъ, словно тараканы вымерзнутъ, на то воля Божія!»

И сбылось все по словамъ Меланьи. Начались проводы, какихъ земля Русская не запомнитъ; и пришли морозы и стужи; словно дрова везли, да растеряли по дорогѣ, столько мертвецовъ; слышали мы опять пушки, да ужъ не страхомъ сердце билось; пусто стало въ околицѣ. Схожу ка я на пепелище, въ мою родимую Дмитровку; сказалъ и пошелъ; иду; за старой долиной, есть овражекъ, черезъ овражекъ — также есть дорога; ближе, да зимой небережно поѣдешь, такъ въ снѣгу и завязнешь; ну, а для насъ Дмитровскихъ вездѣ дорога, каждый кустъ знаю на память. Пошелъ я на этотъ овражекъ; хотѣлъ по косогору обойти, да гляжу изъ сугробовъ что то зеленое торчитъ; ящикъ не ящикъ, телѣга не тѣлега, окована, словно сундукъ церковный, подошелъ я, гляжу: точно сундукъ, только на колесахъ; я кое какъ снѣгъ разгребъ; замокъ виситъ; съ пудовикъ будетъ; сталъ я подальше снѣгъ раскапывать, да чуть и

самъ не провалился; вотъ я себѣ длинный шестъ вырубилъ, да и давай издали снѣгъ бороздить; что же, баринъ; мерзлыхъ людей человѣкъ шесть открылъ, да лошадь. Видишь съ дороги сбились, не могли изъ сугроба лошадь вытащить, изъ силъ выбились, примерзли, а ихъ снѣгомъ и занесло. — Пошелъ я въ Гусадарево село, да заложилъ свою лошадку въ сани; никому про находку ни гугу; съ большимъ трудомъ ящикъ тотъ вытащилъ и съ кобылой, что издохла; людей тѣхъ на сани, а сундукъ сзади прицѣпилъ, да и пріѣхалъ въ село. Всѣ сбѣжались диво смотрѣть, хотѣли сундукъ ломать. Я говорю: Не замай! не наше! Государево; такъ какъ есть на Москву отвезу, али въ нашъ городъ, да начальству и отдамъ; а у мерзлыхъ отберу, что мертвому не пригодно, ружье, саблю, да и хороните себѣ ихъ тѣла, а это государева добыча; такъ ли, Меланьюшка?»

«Такъ Прохоръ!« молвила Меланья и міръ за нею говоритъ: такъ, Прохоръ! Нарядилъ Андрей мнѣ въ помощь Онисима и поѣхали мы съ нимъ въ уѣздъ. Пріѣхали, а тамъ никакого начальства. Горожане всѣ разбрелись отъ Француза, да еще и не вернулись; только козаки, да пушки, да полковникъ, да солдаты; Козаки насъ тотчасъ захватили, да къ тому полковнику. Онъ тогда уже не былъ полковникомъ, а енераломъ; какъ

посмотрѣлъ на меня, такъ и обрадовался. «Ба!» говоритъ: «старый знакомый! Что много ли извелъ сувостата?» Я ему все и разсказалъ, да и про находку прикинулъ. Ну, баринъ, стыдно разсказывать, а полковникъ, право не лгу, взялъ да и поцѣловалъ меня, а онъ тогда уже не былъ полковникъ, а енералъ; пушками правилъ. Поцѣловалъ, да и говоритъ офицерику съ усиками, такому знатному парню, что просто кровь съ молокомъ: «Ну, говоритъ, вотъ, мой другъ, мужикъ, а не корыстуется чужимъ добромъ; а знаешь ли, пріятель, что это твое добро по закону. «Не знаю, кормилецъ!» Такъ знай же. Не хочу и смотрѣть что тамо у тебя въ сундукѣ. Ступай съ Богомъ, а за то, да се. . .» пошелъ хвалить меня, да и свелъ на спасибо; да и прикинулъ: «колибъ ты былъ мой, я тебя за такое дѣло подарилъ бы волей. . .»

—«А чей ты?» спросилъ офицерикъ съ усиками.

Я сказалъ. «Такъ ты мой!» крикнулъ офицерикъ. «Не знаю; можетъ статься и твой; мы своего молодаго барина въ глаза не видали, слыхали только, что онъ въ Питерѣ своимъ доходомъ пробавляется.» «Ну, Прохоръ,» сказалъ молодой баринъ; (то онъ и былъ заправду) «ну, Прохоръ, видно Богъ тебя жалуетъ.» Я вспомнилъ про Меланью и охнулъ про себя, а баринъ говоритъ: «Я твоему счастью не помѣха; дарю тебѣ волю, а отпу-

скую изъ [illegible] приказъ: а чтобы ты былъ покоенъ, вотъ тебѣ моей руки письмо . . » Сѣлъ онъ къ столу, написалъ, сверхъ отъ себя приписалъ доброе слово... И я вернулся въ Государево село и съ волей и съ богатствомъ; въ томъ сундукѣ, какъ мы его вскрыли, золота столько что хоть пригоршнями бери, да разбрасывай; на всю Москву хватитъ . . . Что съ нимъ дѣлать? Повезли мы то золото къ отцу Ивану, да въ церковь и поставили. Вернулись домой. Всѣ мнѣ въ ноги кланяются. Всѣ за меня дочерей сватаютъ. Каждый на расспросъ идетъ, что я съ такимъ богатствомъ творить буду . . » Ничего, говорю я, то добро Божіе. Мы люди погорѣлые. Раздѣлимся по братски, да обстроимся. Добрую скотину невзначай припасемъ; да на новую церковь въ Дмитровкѣ, да на здѣшнюю церковь, да на бѣдныхъ, а бѣднымъ пусть Меланья раздаетъ. А у меня [illegible] ба, Андрей. Я теперь вольный; [illegible] усадьбу заведу... «Знаю, знаю...» [illegible] велъ ко мнѣ Василису . . . [illegible] расказывать. Какъ сегодня, [illegible] ли, дай Богъ и умереть [illegible] врозь съ Меланьей; [illegible] лись: Меланья, да я, а [illegible] видѣть. Точно, [illegible]

ланья отъ Него послана; вотъ уже тридцать годовъ безъ малаго, а чай за Меланьей ни одного грѣха и отецъ Иванъ не знаетъ. Она у насъ и казначей, и совѣтъ, и сваха, все. Безъ нея ни крестинъ, ни сватьбы. Въ городъ парень идетъ, Меланьѣ скажется, а она той власти не искала; Богъ ее нашимъ старостой поставилъ... Охъ, Меланья, Меланья, только мнѣ одному пришлось отъ тебя печаль знать и тоску нести, и не замретъ моя тоска до послѣднихъ проводовъ... И тамъ...»

Старикъ остановился и устремилъ сверкающіе слезой глаза на икону Спасителя. Долго стоялъ онъ такъ; наконецъ вздохнулъ и сказалъ тихо:

«Нѣтъ! Тамъ мы будемъ вмѣстѣ!»

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

ІЕРУСАЛИМЪ.

Hess pinx.

DIE PILGERINNEN VOR ROM.

ІЕРУСАЛИМЪ.

Одно лѣто я провелъ въ Петербургѣ — и никогда не забуду этого лѣта. Мои знакомые разъѣхались: кто за границу, кто въ Гельсингфорсъ, кто въ Ревель; самые тяжелые на подъёмъ выѣхали на дачи. Скука смертная. А между тѣмъ лѣтнее солнце немилосердно раскаляло мощенныя камнемъ улицы и тротуары. Нестерпимо душно, подумаетъ человѣкъ, хоть бы вѣтерокъ дохнулъ. И вотъ онъ, легокъ на поминѣ, летитъ прямо вамъ въ глаза и засыпаетъ ихъ самою тонкою, рѣзкою каменною пылью. Поневолѣ попросишь дождя. Странное существо человѣкъ, ему ничѣмъ не угодишь! Пошелъ дождикъ; не много стало веселѣе; три березки въ саду мо-

его сосѣда перемѣнили прежній сѣропѣгій цвѣтъ на блѣднозеленый, разныя незнакомыя лица начали выносить на дождикъ разные горшки съ цвѣтами; на улицахъ появились зонтики, мокрыя бороды, мокрыя дрожки, слегка подобранныя платья, вывороченные плащи, шляпы покрытыя носовыми платками, подъ воротами составились небольшія общества. Городъ пріятно перемѣнился.

Вы сидите у окна часъ, другой, все таже панорама: все идетъ дождикъ; однообразными косыми нитями снуетъ онъ передъ вашими глазами, однообразно шумитъ вода съ кровельнаго жолоба, а тутъ, на бѣду, прямо противъ васъ черезъ улицу, какой то мастеровой, въ красной рубахѣ, взобравшись на крышу пятаго этажа, заколачиваетъ гвоздь и тянетъ, не приведи Господи, какую заунывную пѣсню. — Пора бы и перестать, думаете вы. Какъ бы не такъ; мастеровой пожалуй перестанетъ, когда пойдетъ обѣдать, а дождь въ Петербургѣ скоро не унимается... Туча кажется прошла, вздохнешь свободнѣе, а отъ Коломны подымается другая еще синѣе прежней. Эта пройдетъ, отъ Васильевскаго острова пожалуетъ третья, за ней четвертая и такъ далѣе, одна за другою вспрыскиваетъ добрый Петербургъ — черезъ часъ по ложкѣ какъ говоритъ одинъ аллопатъ. И дождь скученъ! . . .

Поѣхалъ къ одному знакомому на дачу — тамъ тотъ же городъ: стриженыя деревья, люди разодѣтые какъ на балъ, чай съ дурными сливками и, въ заключеніе, французская кадриль подъ фортепьяно.

На другой дачѣ все народонаселеніе играло въ преферансъ. Вы кажется не играете, сказалъ мнѣ хозяинъ.

«Не играю.»

— Такъ гуляйте, будьте какъ дома, у насъ сущая деревня, безъ церемоніи! . . .

Я ушелъ въ рощу и отъ нечего дѣлать выстрѣлилъ по воробью. Минутъ черезъ пять прибѣжалъ хозяинъ, блѣдный, встревоженный, съ пиковымъ тузомъ въ рукахъ.

— Ахъ, батюшка, что вы надѣлали!... кричалъ онъ издали задыхаясь, здѣсь дача Его Сіятельства, вотъ смѣжная съ нашею, а у нихъ мамзель англичанка такая нѣжная, дверью хлопнешь, уже въ обморокѣ, а вы стрѣляете! . . . . . Тутъ мой знакомой сдѣлалъ рожу, на которой весьма легко можно было прочитать: и невѣжа и грубіянъ, и нелегкая тебя носитъ, и ты меня разсоришь съ Его Сіятельствомъ.

Я извинился передъ хозяиномъ и уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ не посѣщать дачи человѣка безъ церемоніи.

По дѣломъ, думалъ я, какъ искать удовольствія на дачѣ у людей, занятыхъ службою, у людей съ чинами и орденами, у которыхъ и житье на дачѣ есть своего рода служба. . . Они и дачу выбираютъ не по мѣстоположенію, а по сосѣдству съ чѣмъ нибудь полезнымъ, если не въ настоящимъ то въ будущемъ.

Завтра поѣду къ своему старому лицейскому товарищу. Кстати же онъ меня извѣстилъ великолѣпнымъ письмомъ о своемъ переѣздѣ на дачу и прислалъ адресъ. Правда, онъ и въ Лицеѣ считался просто добрымъ малымъ, съ нимъ пороху не выдумаешь, а все таки проведешъ время; человѣкъ рожденъ для общества.

На карточкѣ моего лицейскаго товарища значилось: *На Петербургской сторонѣ въ Разношорстной улицѣ, домъ купца жены Иванова.*

Извощикъ никакъ не соглашался везть меня въ Разношорстную улицу, а предлагалъ доставить на большой проспектъ. «Отъ большаго проспекта, дескать, рукой подать, пройтись пріятно, баринъ.»

— Отъ чего же ты не хочешь свезти въ Разношорстную?

«Тамъ для нашего брата не ладно,» отвѣчалъ извощикъ почесываясь.

— Почему?

«Грязновато маленько, другой разъ лошадь станетъ, другой разъ дрожки оставишь, а для вашего благородія широкой путь, деревянныя панели на удивленіе.»

— Хороша должна быть дача! Пошолъ! . . —

Не стану описывать моего путешествія изъ улицы въ улицу по тротуарамъ сдѣланнымъ *на удивленіе*, ни удивленія, съ какимъ посмотрѣли на меня три утки, плававшія на улицѣ передъ домомъ *купца жены Иванова*, ни радости моего стараго товарища, который, въ халатѣ и пестрой шапочкѣ, встрѣтилъ меня въ воротахъ и привелъ въ свою квартиру, состоящую изъ комнаты съ однимъ окномъ на мезонинѣ, состроенномъ, должно полагать, изъ старой барки. Вѣтеръ свободно входилъ въ щели, гулялъ по комнатѣ и шевелилъ на стѣнахъ старыя бумажныя обои.

— Не великолѣпна твоя квартира.

«Чѣмъ же она худа для дачи? Впрочемъ если что и не такъ, можно потерпѣть лѣто для чистаго воздуха. Тутъ мой товарищъ чихнулъ — и я чихнулъ — вѣроятно отъ чистаго воздуха.

На другой день у меня болѣла голова. —

Если вы любите природу, чистую, дѣвственную природу, какъ она вышла изъ рукъ Великаго Мастера, не

искаженную приторнымъ искуствомъ человѣка, — вамъ не понравится Петербургъ лѣтомъ.

Если вы проводили весну на плодоносныхъ равнинахъ Украйны, если вамъ полюбились пестрые ковры степей, когда съ востока тихо подымается солнце и утренній вѣтерокъ, свѣвая легкій паръ благовоній, пронесется по степи, и заволнуется она въ разноцвѣтныхъ отливахъ, и засверкаетъ росистая милліонами алмазовъ... а надъ нею высоко поютъ, звенятъ, заливаются степные жаворонки; — и если въ эту минуту, тихо, безсознательно подгибались ваши колѣни, слеза навертывалась на рѣсницѣ, и вы безмолвно молились Богу. . . тогда. . . тогда вамъ не полюбится петербургское лѣто.

Если вы скакали по этой степи на рѣзвомъ бѣгунѣ, такъ-безъ цѣли, безъ намѣренія, отъ разгула воли, и вѣтеръ дулъ вамъ въ лицо, шумѣлъ за ушами, а ретивый конь, вытянувъ шею, распустя гриву, фыркая и раздувая широкія ноздри, летѣлъ все шибче и шибче, по сторонамъ мелькали кусты ракиты, сливаясь въ желтыя струйки, воздухъ болѣзненно-пріятно спирался въ груди вашей и волоса на головѣ поднимались отъ какого-то поэтическаго восторга; — или если вы проводили теплую украинскую ночь въ саду, подъ тѣнью цвѣтущихъ черешень, сквозь вѣтви которыхъ виднѣлось вдали темно

синее небо, двѣ три звѣздочки, да прокрадывался золотистый лучъ луны . . . кругомъ льется полный нѣги запахъ каприфолій и ночныхъ фіалокъ... Вездѣ тихо... тихо. . . Только надъ вами поетъ соловей свои неподражаемыя пѣсни, да порой шевелнетъ крылышкомъ, тронетъ вѣтку и осыпетъ васъ бѣлыми душистыми лепестками черешневыхъ цвѣтовъ; — если вы сочувствовали этой ночи, если въ груди вашей толпились неизвѣданныя, необъясненныя спокойно-сладостныя чувствованія, — тогда вы будете скучать лѣтомъ въ Петербургѣ.

О милая моя родина! Прекрасная Украйна! . . . Я вспомнилъ тебя, и мнѣ стало скучно, душно въ пыльномъ городѣ. . . .

«Человѣкъ! . . .»

— Чего изволите?

«Подай мнѣ ружье и позови легавую собаку.»

— Слушаю-съ.

«Если меня кто будетъ спрашивать, скажи: уѣхалъ на охоту.»

— Слушаюсь. Когда прикажете дожидать васъ?

«Разумѣется не сегодня.»

— Завтра?

«Ни завтра, ни послѣ завтра.»

— Слушаюсь. Стало быть за послѣ завтра.

«Можетъ быть черезъ недѣлю, черезъ двѣ . . . какъ придется. . .»

— Какъ придется? Слушаюсь.

Долго смотрѣлъ мнѣ въ слѣдъ мой человѣкъ, стоя на крыльцѣ; его брови были подняты отъ удивленія, правая рука за жилетомъ, лѣвая нога впередъ, какъ на портретѣ Колокотрони.

Часа черезъ два я уже плылъ въ большой крытой лодкѣ въ Шлиссельбургъ, а оттуда въ Ладогу. Рыжая борода за рубль или за два серебромъ взялась доставить меня въ Ладогу очень скоро. Въ лодкѣ было порядочное общество: два офицера, два чиновника и старуха помѣщица съ племянницею, не давно выпущенною изъ какого-то института. У насъ завелся общій разговоръ, точно въ Петербургѣ: офицеры говорили о парадахъ, чиновники о наградахъ, помѣщица совѣтовала всѣмъ пить побольше чаю, потому что въ ладожскомъ каналѣ не позволятъ ставить самоваръ, а институтка со слезами вспоминала объ институтѣ и безпрестанно спрашивала: не знаете ли вы m-elle А?

«Не знаю.»

— А. m-elle Б. не встрѣчали?

«Нѣтъ.»

— А m-elle. В. не знаете?

«Кажется видѣлъ гдѣ то.»

— Ахъ какъ я рада! Не правда ли она прелесть!...

«Да! . . .»

— Вѣрно вы слышали, какъ она отвѣчала изъ Исторіи на послѣднемъ экзаменѣ. . . .?

«Не помню.»

— Вспомните! Вѣрно вы объ этомъ слышали въ городѣ. Она такая блондинка! А вы знакомы съ m. Дорошевскій?

«Кто это?»

— Нашъ учитель чистописанія! Вы развѣ не у него учились писать?

«Кажется не у него.»

— Быть не можетъ, онъ весь свѣтъ учитъ писать...

Въ подобныхъ разговорахъ мы пріѣхали въ Шлисельбургъ или въ Шлюшинь, по выраженію лодочника. Здѣсь нашъ лодочникъ побранился мимоѣздомъ со встрѣчными лодочниками, принялъ нѣсколькихъ пасажировъ, изъ *простаго званія*, усадилъ ихъ на палубѣ, и наша лодка, оставя красивую Неву съ ея живописными берегами, потянулась по длинному узкому Ладожскому каналу, прорытому между лѣсистыхъ болотъ.

— Вотъ здѣсь ужъ, батюшки, попоститесь безъ чаю, сказала помѣщица. . . .

Вечерѣло. Два офицера и чиновникъ сѣли играть въ преферансъ, другой чиновникъ кормилъ институтку мятными лепешками, помѣщица варила на конфоркѣ кофей и радовалась, что на зло всѣмъ приказаніямъ водянаго начальства, она будетъ пить горячее въ каналѣ. Лодка шла тихо; изрѣдка лодочникъ покрикивалъ: правѣй, лѣвѣй! да посылалъ какое нибудь крупное слово дровяной баркѣ. . . .

И вдругъ ровный чистый теноръ протяжно запѣлъ на палубѣ.

Офицеръ, собиравшій взятку, на минуту остановился. Институтка перестала сосать мятную лепешку.

«Кто-то поетъ» глубокомысленно замѣтилъ чиновникъ.

— Какой нибудь мужикъ, отвѣчала помѣщица, мѣшая ложечкой въ кофейникѣ.

Я вышелъ на палубу.

Около мачты нѣсколько человѣкъ *изъ простаго званія* кушали какую то зелень, далѣе сидѣлъ старикъ и пѣлъ вечернюю молитву; онъ былъ одѣтъ въ простой сѣрой кафтанъ, возлѣ лежала котомка и палка, къ палкѣ былъ приколоченъ маленькими гвоздами какой-то

сухой листокъ. Заходящее солнце послѣдними лучами освѣщало окрестныя пустынныя мѣста, золотило верхушки темныхъ елей, сверкало въ струйкахъ канала, горѣло на рыжей бородѣ нашего лодочника и наводило кроткій свѣтъ на спокойныя черты лица старика, на его сѣдую бороду и длинныя пряди бѣлыхъ волосъ, разсыпанныхъ по плечамъ.

Пѣсни старика, дышавшія благоговѣніемъ, кротостію и преданностію къ Всемогущему, сильно отозвались въ глубинѣ души моей; его физіономія такъ рѣзко отличалась отъ физіономій крестьянъ, ѣвшихъ спокойно зелень, что я рѣшился непремѣнно съ нимъ познакомиться.

Предчувствіе меня не обмануло: подъ сѣрымъ кафтаномъ старика я нашелъ человѣка умнаго, видѣвшаго свѣтъ, много читавшаго, образованнаго. . . но лучше я вамъ передамъ сколько могу его разсказъ его же словами:

И я когда-то былъ молодъ, говорилъ мнѣ старикъ, былъ богатъ, вѣровалъ въ дружбу, въ любовь, въ постоянство земнаго счастія — и былъ гордъ, какъ человѣкъ, пока удары судьбы не смирили меня . . . Къ чему вамъ знать мои житейскія отношенія? ... Родные и близкіе оклеветали меня . . . друзья ограбили, сильные не узнали меня въ несчастіи и, Боже прости имъ, на-

смѣялись надо мной... Но *она* — вы поймете меня, если когда нибудь любили, — она взяла меня за руку и съ ангельскою улыбкою сказала мнѣ: не грусти! я люблю тебя и въ несчастіи... И я забылъ всѣ потери и, гордо поднявъ голову, улыбался на встрѣчу людямъ... Безумецъ! ... Сколько разъ я видѣлъ розу въ полномъ цвѣтѣ утромъ, а вечеромъ, вѣтеръ разносилъ уже ея поблекшіе листья... Я отлучился изъ Петербурга на полгода и она вышла замужъ за моего роднаго брата — единственнаго человѣка, которому я еще вѣрилъ на свѣтѣ. ... Вы счастливы, если не испытали сильныхъ страстей. Жалкое существо человѣкъ, обуреваемый страстью. ... Когда я услышалъ мое несчастіе... всѣ силы меня оставили, какая-то мертвящая тишь налегла на сердце и вдругъ эта тишина превратилась въ бурю: быстро заволновалась горячая кровь. — Темная жажда звѣрскаго мщенія наполнила мою душу, и въ тѣлѣ разлилась исполинская сила, внутренній жаръ сожигалъ меня... Я чувствовалъ, какъ трещала отъ него голова и волоса сохли и бѣлѣли... Тысячи плановъ безъ начала и конца роились въ головѣ моей. Я не зналъ на что рѣшиться.

Былъ праздникъ. Братъ мой съ женою пошелъ въ церковь, Я видѣлъ это и кинулся въ слѣдъ за ними. И

теперь не знаю, за чѣмъ я это сдѣлалъ; но что то недоброе таилось въ душѣ моей . . . Вхожу . . . церковь полна народа, толпа притаила дыханіе . . . . При трепетномъ блескѣ свѣчей таинственно смотрятъ образа изъ облаковъ куреній. Слова святаго Евангелія звучатъ подъ сводами церкви! . . . Чудное творилось со мною въ эту минуту, .. каждое слово Богочеловѣка цѣлительнымъ бальзамомъ падало на раны моего сердца, успокоивало душу; казалось для меня было написано святое Евангеліе. . . и я плакалъ слезами раскаянія. слушая: *любите враговъ вашихъ, добро творите ненавидящимъ васъ.*

Изъ церкви я вышелъ совершенно другимъ человѣкомъ, я понялъ, что кромѣ земныхъ благъ есть еще высокія радости, не здѣшнія, не доступныя для утопающихъ въ чувственности, и рѣшился посвятить себя Богу. На другой день я былъ далеко за Петербургомъ, прошелъ пѣшкомъ всю Россію, жилъ во многихъ монастыряхъ, посѣтилъ Грецію, Іерусалимъ, былъ въ пустынѣ заіорданской, гдѣ спасалась Марія египетская; я хотѣлъ было кончить жизнь въ скалахъ изсохшаго русла Кедрона, освященныя жизнію св. Саввы и другихъ отшельниковъ; но видно я былъ слишкомъ недостоинъ сложить тамъ свои кости: безотчетная тоска по родинѣ налегла

па сердце. Напрасно я проводилъ почи въ молитвахъ подъ знойнымъ небомъ Іудеи, въ пустынныхъ скалахъ; чуть закрывалъ глаза и сновидѣнія несли меня на далекій сѣверъ: стлались передо мною снѣжныя поляны, по нимъ несется тройка, колокольчикъ заливается, изъ кибитки мнѣ кланяется братъ, ямщикъ поетъ пѣсню. . . Проснешься: темно въ пещерѣ, луна высоко плыветъ надъ Элеонской горою, освящая вдали скалы и туманную равнину Мертваго моря. . . Молишся, а въ ушахъ еще отдается заунывный напѣвъ пѣсни ямщика, и молитва отлетаетъ отъ мірскихъ помысловъ. . . воскресаютъ давно забытыя картины дѣтства и тамъ слышится этотъ напѣвъ. Намъ съ братомъ пѣвала эту пѣсню старушка няня, когда мы были малы... очень малы...

Меня мучило, что я покинулъ брата не простясь съ нимъ. Я оставилъ святыя мѣста и, вотъ съ этимъ посохомъ изъ сіонской пальмы, пришелъ въ Петербургъ, и вѣрите ли, съ трудомъ узнавалъ улицы, тамъ измѣнился этотъ городъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.—Я былъ въ городѣ, какъ чужой; братъ мой давно умеръ, я отправилъ на его гробѣ понаѳиду и оставилъ городъ на всегда. Теперь посѣщу монастыри сѣверные, дастъ Богъ доберусъ на Соловки... Можетъ быть тамъ и успокоюсь. . Старикъ набожно перекрестился.

«Я вамъ завидую, сказалъ я, вы видѣли прекрасную Палестину, Іерусалимъ, поклонились гробу Спасителя.»

— Послѣднее согласенъ; но Іерусалимъ и Палестину вѣрно вы знаете изъ описаній Ламартина. . . Нѣтъ, страшно проклятіе Бога! пустъ Іерусалимъ и печальна сторона его. . . не смотря на то, что люди трехъ религій стекаются туда на поклоненіе: христіане гробу Господню, іудеи развалинамъ храма Соломонова, а магометане камню, съ котораго будто бы улетѣлъ пророкъ ихъ на седьмое небо. Чѣмъ болѣе мы приближались къ Іерусалиму, тѣмъ страна дѣлалась безплоднѣе: вездѣ голые красноватые камни, песокъ, кое-гдѣ уродливая маслина, почти безъ листьевъ, индѣ колючій кустъ алое: все безжизненно, уныло, въ какой-то мертвящей торжественной неподвижности, свидѣтельствуетъ о гнѣвѣ Божіемъ, простертомъ надъ мѣстомъ страданія и смерти Спасителя.

Такъ вотъ библейская земля, кипящая медомъ и млекомъ. Гдѣ же, великолѣпный Сіонъ, твои тѣнистые лѣса, многоводные потоки, обширные виноградники, ароматныя рощи, которыхъ бальзамъ цѣнился вдвое дороже золота? Гдѣ твоя слава, которою гордилась ты передъ народами? умолкли пѣсни дѣвъ твоихъ, изсякли потоки, изсохли виногра-

дники и пальмовыя рощи. . . даже вольныя птицы облетаютъ тебя, земля запустѣнія. . . Такъ думалъ я, проѣзжая каменистымъ ущельемъ и вдругъ очутился почти передъ Вифлеемскими воротами, украшенными двумя зубчатыми готическими башнями.

Былъ полдень. Іерусалимъ, раскинутый на двухъ горахъ, окруженный четыреугольною стѣною, лежалъ въ знойномъ красно-фіолетовомъ туманѣ, небо было чисто, безъ облачка, безъ пятнышка. . . ни малѣйшаго вѣтра . . . Молча остановился нашъ караванъ передъ чуднымъ городомъ.

Внутри города тоже уныніе, таже пустота, вездѣ обломки, развалины, пруды Соломона сухи, домы жителей, небольшіе четыреугольные, безъ оконъ на улицу, съ плоскими кровлями, точно груды камней складенныхъ для постройки. . .

Поучительна Исторія Іерусалима: я мысленно перенесся въ давно минувшія библейскія времена, когда царь-поэтъ, вдохновенный Давидъ, укрѣпивъ свою власть завоеваніями, положилъ основаніе славѣ и величію Іерусалима, выстроилъ великолѣпный дворецъ изъ драгоцѣннаго дерева, присланнаго тирскимъ царемъ Хирамомъ, перенесъ въ новую столицу ковчегъ при громѣ музыки и восклицаніяхъ народа и самъ, полонъ

священнаго восторга, скакалъ передъ ковчегомъ. Вскорѣ царь открылся пророку Наѳану, что ему совѣстно жить въ кедровомъ домѣ, когда кивотъ Божій стоитъ подъ кожанымъ кровомъ. Тебѣ не пристало строить храмъ Богу кротости и любви, отвѣчалъ Наѳанъ; ты много пролилъ крови, а твое желаніе исполнится въ мирное царствованіе твоего сына. Давидъ съ вѣрою началъ приготовленія къ постройкѣ, купилъ гору Моріагъ, гдѣ на гумнѣ Орны, внявъ молитвамъ царя, остановился Ангелъ истребитель съ мечемъ уже простертымъ на Іерусалимъ, назначилъ это мѣсто для сооруженія храма и умирая оставилъ на украшенія и сосуды храма 108,000 талантовъ золота, болѣе милліона талантовъ серебра и множество драгоцѣнныхъ камней.

Наконецъ мудрый Соломонъ, выписавъ изъ Тира художниковъ и дерево, въ четвертое лѣто своего царствованія приступилъ къ постройкѣ. 30,000 Іудеевъ и 150,000 иноплеменниковъ въ семь лѣтъ съ половиною окончили зданіе. Храмъ будто выросъ, съ такимъ благоговѣніемъ складывали его, даже не слышно было обычнаго стука молотковъ: всѣ камни обдѣлывали въ Ливанѣ, а металлическія работы производились на Іорданѣ. . . 22 тысячи воловъ и 120,000 овецъ было принесено въ жертву при освященіи храма и народъ пировалъ семь дней. Великолѣпенъ уже былъ Іеру-

салимъ при Соломонѣ. Этотъ царъ украсилъ его многими зданіями, возсѣдалъ на престолѣ изъ золота и слоновой кости и употреблялъ золотую посуду; флотъ его посѣщалъ, какъ полагаютъ, восточную Индію.

Но впослѣдствіи Іудеи начали забывать истиннаго Бога, ударились въ идолопоклонство, въ развратъ. Напрасно гремѣли пророки противъ всеобщаго растлѣнія нравовъ, вотще Іеремія предрекалъ плачевную будущность Іерусалиму.

Увы, говорилъ онъ, въ какомъ одиночествѣ сидитъ матерь градовъ! многолюдная осталась вдовою; владычица сдѣлалась данницею. Дороги Сіона скучаютъ, не видя идущихъ на праздникъ, всѣ ворота ея пусты, священники воздыхаютъ, дѣвицы печальны. . . дѣти идутъ въ плѣнъ впереди враговъ, князи идутъ безъ силъ впереди гонящаго. . . Враги смотрятъ на него и радуются разоренію его.

Подобными словами плакалъ Іеремія о близкомъ разореніи Іерусалима, о плѣненіи своего народа, и терпѣлъ за это отъ народа, вельможъ и даже царей. . .

При жизни его сбылось пророчество: пришелъ Навуходоносоръ, разорилъ, сжегъ Іерусалимъ и полонилъ народъ Іудейскій. Царь Седекія бѣжалъ постыдно и поиманный былъ свидѣтелемъ казни своихъ сыновей,

потомъ лишенъ зрѣнія и заключенъ въ тюрьму въ Вавилонѣ.

Народъ Божій покаялся въ плѣну и, черезъ 70 лѣтъ рабства, опять былъ возвращенъ въ Іерусалимъ Киромъ. Храмъ возобновленъ вторично; опять Іудеи стали сильны и крѣпки подъ защитою Бога. Они даже дерзнули отказать въ помощи Александру Македонскому, осаждавшему Тиръ. И когда этотъ завоеватель, разоривъ Тиръ и Газу, сталъ съ войскомъ подъ стѣнами Іерусалима, первосвященникъ Адуй принесъ Богу жертву, надѣлъ ефоръ и ризы гіацинтоваго цвѣта, украсилъ грудь наперсникомъ, на которомъ сверкали 12 драгоцѣнныхъ камней съ именами 12 колѣнъ Израиля, на голову возложилъ кидаръ — родъ митры — гдѣ на золотой доскѣ было вырѣзано имя Іеговы, и въ сопровожденіи священниковъ и народа, въ бѣлыхъ одеждахъ, вышелъ на встрѣчу Александру. Гордый завоеватель смирился передъ первосвященникомъ, благоговѣйно поклонился имени Іеговы блиставшему на челѣ его, принесъ жертву въ храмѣ іерусалимскомъ и даровалъ Евреямъ многія привиллегіи.

Между тѣмъ время великаго искупленія приближалось, и видимо дряхлѣло царство іудейское. Двѣ секты Фарисѣевъ и Саддукеевъ безпрестанно волновали народъ. Первые были строгіе *буквальные* исполнители закона, а

послѣдніе отличались вольнодумствомъ; даже священники ихъ секты украшали во время служенія свои головы лавровыми вѣнками по примѣру сирійскихъ жрецовъ Венеры. Фарисеи были обожаемы народомъ, напротивъ вельможи и цари поддерживали Саддукеевъ. Сначала Іудеи только просили покровительства Рима, далѣе мы видимъ, какъ цари іудейскіе, Гирканъ съ Фарисеями и Аристовулъ, окруженный Саддукеями, спорятъ передъ Помпеемъ, какъ передъ судіею своимъ, о правахъ на престолъ, и ликторы заставляютъ ихъ замолчать въ спорѣ. Помпей, а послѣ Красъ, входятъ въ храмъ іерусалимскій; послѣдній даже беретъ изъ храма священные сосуды.

Іудея терпитъ, внутренніе раздоры потрясаютъ ее, она накликаетъ на себя иноплеменниковъ, которымъ платитъ постыдныя дани. Въ это время восходитъ на престолъ Иродъ, внукъ языческаго жреца храма Аппо-лонова.

Иродъ распинаетъ царя іудейскаго Антигона, женится на Маріамнѣ, послѣдней отрасли изъ династіи Маккавеевъ. Стараясь угождать Римлянамъ, онъ разорялъ страну, тратилъ деньги на пиршества и игры въ честь Рима и даже подарилъ бальзамовыя рощи Антонію, который отдалъ ихъ египетской царицѣ Клеопатрѣ. На-

родъ роптал, что благовонія, назначенныя для жертвенныхъ куреній Богу, дымятся на роскошныхъ пиршествахъ, услаждая чувства сластолюбивой языческой царицы.

Иродъ трепеталъ за свою корону, казнилъ по пустому подозрѣнію жену свою и двухъ сыновей своихъ и опозорилъ свое царствованіе избіеніемъ младенцевъ въ Виолеемѣ, когда родился Спаситель. Послѣ смерти Ирода Іудея сдѣлались римскою провинціею. Іерусалимъ бѣдствуетъ подъ игомъ Римлянъ. Спаситель міра проповѣдуетъ слово спасенія, съ горы Елеонской возвѣщаетъ ученикамъ странныя знаменія, долженствующія предшествовать разоренію храма, и плачетъ о бѣдствіяхъ Іерусалима. Ослѣпленный народъ предаетъ мученіямъ и позорной казни своего Искупителя и всякая благодать убѣгаетъ Іерусалима, какъ мѣста отмѣченнаго невинною смертію Богочеловѣка.

Презрѣніе Римлянъ къ религіи малодушныхъ Іудеевъ увеличивалось болѣе и болѣе. Слабоумный Калигула, возмечтавъ, что онъ богъ, приказалъ поставить въ іерусалимскомъ храмѣ свою статую. Іудеи, до того нетерпѣвшіе изображеній человѣческихъ, что отворачивались отъ монетъ съ портретомъ Римскихъ Кесарей от-

правили въ Римъ пословъ упросить Калигулу, чтобъ избавилъ ихъ храмъ отъ своей статуи. Послы возвратились ни съ чѣмъ, вытерпѣвъ разныя униженія при развратномъ дворѣ юродиваго Калигуны, — а онъ, пожалѣвъ о глупомъ народѣ, который не понимаетъ его божественности, приказалъ разорить Іерусалимъ. Гибель висѣла надъ городомъ — смерть Калигулы остановила её на время.

Но самъ Іерусалимъ быстро стремился къ своему паденію: его раздирали междоусобія; Евреи сражались другъ съ другомъ въ оградѣ храма, земля обагрялась кровью мучениковъ. Между тѣмъ Римъ готовилъ неспокойному городу тяжкую кару. Титъ собиралъ въ Александріи легіоны, и слыша о безпорядкахъ Іерусалима, не спѣшилъ походомъ, выжидая, что Іудеи, ослабивъ сами себя, подготовятъ для него побѣду . . . Страшныя знаменія наполняли народъ мрачными опасеніями; преддверіе храма колебалось, тяжелыя мѣдныя врата храма, которыя съ трудомъ могли отворить двадцать человѣкъ, разстворились въ полночь сами собою, по улицамъ Іерусалима ходилъ левитъ, опоясанный власяницею, покрывъ главу пепломъ, предвѣщалъ погибель Іерусалиму.

Наконецъ въ 70 году по Р. Х. Титъ осадилъ Іерусалимъ, когда во время Пасхи стеклось въ него множество

народу изо всей Іудеи. Римскіе военачальники вырубили іерусалимскіе лѣса и сады, выжгли и опустошили всѣ окрестности. Кипарисы и пальмы, доставлявшіе прежде прохладную тѣнь Іудеямъ, были употреблены на стѣнобитныя машины, которыя съ трехъ сторонъ сильно громили городъ. «Глухой шумъ, говорятъ современные историки, отъ ударовъ въ стѣну сливался со свистомъ стрѣлъ и камней; мрачными тучами подымались пыль и песокъ, такъ что солнечные лучи едва пробивались сквозь нихъ, и въ этихъ черныхъ облакахъ сверкали, подобно молніямъ, фитили и зажженныя стрѣлы Евреевъ, хотѣвшихъ сжечь стѣнобитныя машины.

Евреи, усиленные множествомъ богомольцевъ, храбро отражали приступы, но необходимость кормить пришельцевъ, скоро была причиною ужаснаго голода. Матери ѣли дѣтей своихъ, говоритъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій. Городъ изнемогалъ и послѣ пятимѣсячной осады былъ взятъ, разграбленъ, выжженъ, и Титъ приказалъ проѣхать плугомъ по развалинамъ его.

Такъ исполнились слова Спасителя...

Самъ Титъ, проѣздомъ къ Антонію въ Египетъ, еще разъ посѣтилъ развалины разореннаго имъ Іерусалима, плакалъ, глядя на кучи золы и камней, и предалъ проклятію народъ іудейскій, доведшій велико-

лѣнный городъ до такаго запустѣнія... Въ послѣдствіи Адріанъ приказалъ выстроить городъ на мѣстѣ Іерусалима и назвалъ его Элій Капитолійскій; на развалинахъ Соломонова храма воздвигъ храмъ Юпитеру, и на воротахъ Эліи приказалъ поставить изображеніе свиньи ненавистной для Іудеевъ. Евреямъ запрещенъ былъ даже входъ въ городъ; они, собираясь на Масличной горѣ, глядѣли на родной городъ, заселенный Греками и Сиріянами, и горько плакали о несчастіяхъ, которыхъ были сами причиною.

Іисусъ Христосъ предсказалъ, и совершилось разореніе Іерусалима. Отцы Церкви непрестанно указывали на разсѣяніе Іудеевъ, какъ на живое доказательство истины Его ученія и Его предсказаній. Императоръ Юліанъ, хотя мало уважалъ іудейскую религію, однако, понимая какъ важно для язычниковъ опроверженіе этого пророчества, пожелалъ возобновить Іерусалимъ и храмъ его, чтобъ этимъ нанести рѣшительный ударъ христіанству.

Императоръ повелѣлъ воздвигнуть храмъ іудейскій противъ самой церкви Воскресенія, и ввѣрить управленіе Іерусалима Іудеямъ, которые бы начальствовали надъ Христіанами. Радостно узнали Евреи вѣсть о возстановленіи народа, мущины, женщи-

ны, дѣти, въ праздничныхъ одеждахъ, толпами стекались съ востока и запада въ св. градъ.

«Огромныя кучи матеріяловъ громоздятся, какъ горы, — говоритъ св. Григорій, — съ величайшимъ тщаніемъ расчищаютъ мѣсто, гдѣ былъ построенъ храмъ. . . одни раскапываютъ землю серебряными лопатами и заступами, другіе переносятъ въ богатыхъ корзинахъ цементъ и плиты; женщины и дѣти, одѣтыя въ шелковыя матеріи, носятъ щебень и соръ; всѣ поютъ гимны признательности Богу, который освободилъ ихъ нѣкогда изъ египетскаго и вавилонскаго плѣна и теперь снимаетъ съ нихъ поношеніе. . . Между тѣмъ, вечеромъ этого шумнаго дня, подымается сильный вѣтеръ и съ трескомъ разбрасываетъ камни и цементъ.

Съ усиліями вырытый фундаментъ опять засыпается пескомъ; земля колеблется, производя страшный гулъ; портикъ, подъ которымъ нѣсколько тысячъ Евреевъ искали спасенія, обрушивается и погребаетъ ихъ подъ своими развалинами; другіе бѣгутъ подъ кровъ церкви; волны пламени преслѣдуютъ ихъ, какъ бы для того чтобъ поглотить. Атмосфера дышетъ пламенемъ; безпрестанно гремитъ громъ, блещутъ молніи, поражая людей, раздробляя камни, и сплавляя желѣзные и серебряные инструменты, которыми былъ наполненъ фундаментъ. Ка-

кой страшный видъ предоставляло это обширное поле, усѣянное трупами и кучами обломковъ! . . . .

Но ревность Іудеевъ не охлаждается; на другой день они опять приступаютъ къ работѣ. Ужасное землетрясеніе возобновляется; земля разверзается, извергаетъ огненные вихри, которые опять разбрасываютъ камни фундамента. Сколько разъ человѣческая рука пытается воздвигнуть свое слабое зданіе, столько же разъ рука Божія разрушаетъ его.

Древній библейскій Іерусалимъ палъ со всѣми ветхозавѣтными интересами, и развалины чуднаго города опять сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе новаго христіанскаго міра; обновленные возрожденные народы свято чтутъ его, какъ мѣсто страданій и смерти великаго Искупителя! . . .

Язычники, чтобъ отвлечь Христіанъ отъ поклоненія святымъ мѣстамъ, поставили на Голгоѳѣ идолъ Венеры, Юпитера надъ скалою гроба, Андониса въ Виѳлеемѣ и своими языческими признаками сохранили память истиннаго Бога! . . .

Императрица Елена, въ преклонныхъ лѣтахъ, сама пріѣхала въ Палестину, свергла идоловъ, стоявшихъ со временъ Адріана, отыскала животворящій крестъ, открыла утесъ гроба Господня, гдѣ нашла терновый ве-

нецъ и гвозди, и основала надъ нимъ великолѣпный храмъ Воскресенія.

Храмъ существуетъ до сихъ поръ, хотя Іерусалимъ, до покоренія его Солиманомъ (въ 1716 году), много разъ переходилъ изъ рукъ въ руки побѣдителей. . . Когда-то цѣлыя полчища шли съ запада, чтобъ умереть у святаго гроба, владыки вѣнчали себя терновымъ вѣнцомъ, и оставляя полныя благъ земныхъ свои владѣнія, гордились титломъ королей іерусалимскихъ. И теперь пол-міра ежедневно въ теплыхъ молитвахъ обращается къ тебѣ, чудный городъ, къ святому гробу, заключенному въ твоихъ пустынныхъ стѣнахъ. . . .

Я былъ въ храмѣ Воскресенія, видѣлъ скалу Голгоѳы, треснувшую въ страшную минуту, когда завѣса церковная разодралась, и солнце померкло, — видѣлъ пещеру гроба, даже самый камень, на которомъ, по обычаю Іудеевъ, лежало мертвое тѣло Спасителя. . . И долго лежалъ я во прахѣ на мѣстѣ, гдѣ Богочеловѣкъ смертію попралъ смерть и далъ источникъ жизни цѣлому міру. Подобныя минуты не выразимы; душа моя ликовала въ тихомъ морѣ нездѣшнихъ радостей, теплыя слезы струились изъ глазъ. . . Если смертный можетъ понимать радости и блаженство рая, то я предвкушалъ ихъ у св. гроба. . . .

Старикъ задумчиво склонялъ голову и казалось внутренно молился. На небѣ давно была ночь свѣтлая, сѣверная, звѣзды блѣдно трепетали на перломутровомъ небѣ, на право и на лѣво темными конусами и фестонами рисовался еловый лѣсъ... Вода канала съ ропотомъ обѣгала вокругъ лодки и причудливою змѣйкою вилась за кормою. . . .

Я сошелъ въ лодку.

Дамы давно уже ушли спать въ свою каюту. Офицеры и чиновникъ доигравали послѣднiй ремизъ.

— Мы думали, что вы до свѣта просидите съ этимъ бродягой, сказалъ мнѣ на встрѣчу одинъ офицеръ, вотъ, я полагаю, пустилъ онъ вамъ турусы на колесахъ.

— Долженъ быть продувная штука, прибавилъ другой.

— И охота вамъ тратить золотое время съ такими людьми, важно замѣтилъ чиновникъ.

Поѣздка мнѣ была очень прiятна; объ ней я разскажу когда нибудь на досугѣ, я нашелъ умныхъ, добрыхъ людей, нашелъ истинно русское гостепрiимство, красоты во все незнакомой мнѣ природы, и возвратился въ Петербургъ, утѣшенный на много дней прiятными воспоминанiями. А тутъ и Сентябрь на дворѣ.

Румянцовская площадь загромождена экипажами, коридоры и галлереи Академіи художествъ кипятъ народомъ; вездѣ лорнетки, французскія фразы и запахъ пачули. Академія задала пиръ изящному, открыла городу свою выставку. Много людей идетъ смотрѣть изящныя произведенія, еще больше убить время, а самое большее число посѣтителей для того, чтобъ сказать: *я былъ на выставкѣ*. А я люблю ходить и слушать сужденія объ одной и той же вещи и человѣка въ перчаткахъ цвѣта свѣжаго масла и человѣка въ синемъ кафтанѣ — сличать ихъ и послѣ. . . но къ чему вамъ знать это? . . . Я забавляюсь какъ умѣю. Играютъ же нѣкоторые для забавы въ дураки!

Я прошелъ нѣсколько комнатъ выставки въ полномъ удовольствіи: сверхъ моего ожиданія люди въ этотъ день были особенно тароваты на сужденія; рѣзко, громко, важно дѣлали приговоры и воздуху, и землѣ, и деревьямъ, и злакамъ земнымъ, и волнамъ морскимъ, и птицамъ летающимъ по воздуху: словомъ всему свѣту Божьему и даже богамъ древняго язычества. . . Я слушалъ въ тихомолку, удивляясь мудрости нашего православнаго народа! . . . И вдругъ передо мною Іерусалимъ, стоитъ затопленный знойнымъ воздухомъ Палестины, со своими стѣнами, съ башнями, съ безмолвіемъ улицъ. . . Неда-

вній разсказъ стараго паломника воскресъ въ моей памяти, я будто очарованный долго стоялъ передъ картиной и молитва затеплилась въ душѣ моей. Шумя шла мимо меня праздная толпа; ея рѣчи, какъ мухи, безсмысленно жужжали мимо ушей моихъ. Чистое сердечное спасибо творцу картины, Воробьеву, сорвалось съ языка, когда я долженъ былъ ее оставить.

Е. ГРЕБѢНКА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ
БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

—

... Мы пріѣхали наконецъ въ Местре, маленькое мѣстечко, лежащее почти у сліянія Бренты съ Лагунами. Дождь не переставалъ лить ливмя: италіянское небо ничѣмъ не отличалось отъ финскаго; природа была также черна и безобразна, какъ вездѣ во время ненастья.

Карета остановилась противъ пристани. Въ одно мгновеніе прихлынула къ ней толпа чудовищныхъ дикарей, босоногихъ, полуодѣтыхъ, съ растрепанными волосами, небритыми бородами, лицами испачканными до совершенной утраты образа и подобія Божія. Точно

бѣшеные, они закричали всѣ вдругъ, окруживъ нашего бѣднаго веттурино: глаза их сверкали звѣрскимъ блескомъ; движенія были чисто разбойничьи. Это были — гондольеры!

Какое жестокое разочарованіе! Благодаря издѣтства втверженнымъ внушеніямъ поэтовъ и романистовъ, я привыкъ соединять съ именемъ «гондольеровъ» что-то изящно-оригинальное, фантастически-живописное; тяжкій житейскій трудъ, весь проникнутый поэзіею; игру въ весла подъ октавы Тасса и мелодіи Россини. И что-жъ я теперь увидѣлъ! . . .

Дѣло состояло въ томъ, что веттурино взялся насъ доставить до Венеціи, и потому долженъ былъ здѣсь на свой счетъ нанять гондольера. Видя, что развязка могла оттянуться надолго, и притомъ желая переждать по-крайней-мѣрѣ ожесточеніе дождя, мы вышли изъ кареты и укрылись въ возлѣ стоявшій трактиръ.

Прошло около четверти часа, какъ явился къ намъ веттурино. Онъ объявилъ, что гондола готова и что дождь прекратился.

Вѣтеръ, правда, силенъ, прибавилъ онъ: да гондола о шести гребцахъ, и все такіе лихачи! Благополучно доѣдете!

Мы тотчасъ-же вышли. Толпа еще не разсѣялась и не

укротилась: она продолжала волноваться и ревѣть. Многіе все еще приставали къ веттурино, расхваливая свои гондолы, браня ту, которую онъ нанялъ, и предлагая уступку въ цѣнѣ. Но большая часть обратилась къ счастливцу, одержавшему надъ всѣми верхъ, который уже стоялъ торжественно въ пристани на своей гондолѣ, готовый къ отъѣзду. Со всѣхъ сторонъ сыпались на него ругательства, или насмѣшки: одни дѣлали ему всякія гримасы, другіе не въ шутку грозили кулаками. Шумъ и гамъ едва-ли былъ не сильнѣе прежняго.

Уже носильщики взяли наши чемоданы и дорожные мѣшки, чтобы перенесть въ гондолу. Веттурино, ублаготворенный нашей щедростью при расчетѣ, простился съ нами, призывая на насъ благословенія и покровительство всѣхъ Святыхъ. Мы подошли къ пристани. Вдругъ новая, нежданая сцена, разыгралась передъ нами.

Откуда ни возьмись крошечная лодочка, съ однимъ только мущиной на кормѣ, и еще одной женщиной при единственной парѣ веселъ, которыя на ней находились. Съ быстротою стрѣлы, она подлетѣла къ пристани и оттолкнула ожидавшую насъ гондолу, прежде нежели кормщикъ и шестеро гребцовъ, бывшіе въ ней, успѣли оглянуться. Мущина, управлявшій лодочкой, та-

кой-же дикарь по пріемамъ и костюму, но съ физіономіей, рѣзко отличавшейся отъ прочихъ высшей степенью физическаго и нравственнаго ожесточенія, схватился крюкомъ своего правила за одно изъ колецъ, ввинченныхъ въ каменную обшивку пристани, и закричалъ повелительно носильщикамъ:

— Сюда, сюда кладите вещи. Я везу путешественниковъ . . .

Между-тѣмъ оттолкнутая гондола снова придвинулась, и упорно, но безплодно, силилась отбить дерзкую соперницу, такъ нагло воспользовавшуюся ея расплохомъ. Завязалась новая суматоха, угрожавшая гораздо важнѣйшими слѣдствіями. Съ обѣихъ сторонъ уже подняты были весла, съ тѣмъ чтобъ опуститься не въ волны, но на плеча и головы . . .

Къ счастію, явилось новое лицо на сценѣ. Это былъ мѣстный полицейскій чиновникъ, опредѣленный именно для наблюденія за порядкомъ при переправѣ путешественниковъ черезъ Лагуны. Толпа не охотно, но безпрекословно разступилась передъ нимъ, ворча тихо про-себя, точно-какъ стадо лихихъ разозлившихся псовъ при видѣ знакомаго арапника.

— Ну такъ, вскричалъ офицеръ, подойдя къ пристани: я зналъ почти напередъ. Это ты, Джіакомо, опять

буянишь и безчинничаешь? Ты опять, вопреки закону, суешься съ своей негодной раковиной везти столько пассажировъ, и еще въ такую погоду? Прочь, сію минуту прочь! Или я велю схватить тебя и засадить туда, гдѣ припомянутся и твои старые грѣхи! —

Дрожа всѣмъ тѣломъ и скрежеща зубами, хозяинъ крошечной лодочки медленно отцѣпился отъ пристани, и уступилъ поле битвы безъ боя. Мы сѣли въ гондолу, которая была для насъ приготовлена. Строгій блюститель закона и порядка, не возгнушавшійся впрочемъ принять отъ насъ «малую-толику» въ благодарность, пожелалъ намъ счастливаго пути, махнулъ рукою кормщику. и гондола заиграла во всѣ свои шесть веселъ.

Скоро выѣхали мы изъ устья Бренты на широкое раздолье Лагунъ, и вмѣсто прекраснаго зрѣлища великолѣпнаго города, плавающаго среди волнъ, которымъ такъ жаждалъ я насладиться, увидѣли себя подъ навѣсомъ мрачной, непроницаемой мглы, распростертой со всѣхъ сторонъ надъ бурно кипѣвшимъ, мутнымъ котломъ. Вѣтеръ бушевалъ ужасно. Гребцы бились изъ всѣхъ силъ, ободряя другъ-друга неистовыми ругательствами и проклятіями противъ свирѣпствовавшихъ стихій. Мною овладѣло грустное, томительное чувство. Я поспѣшилъ укрыться въ маленькую каютку, устроенную

на гондолѣ, чтобы не видѣть и не слышать этого несчастнаго заговора природы съ людьми, какъ-будто нарочно согласившихся убить лучшія мечты моего путешествія.

Прошло нѣсколько времени, въ продолженіе котораго вниманіе мое не развлекалось ничѣмъ, кромѣ свиста вѣтра, плеска волнъ и шума отрывочныхъ восклицаній, произносимыхъ гребцами. Вдругъ грубая занавѣсь, закрывавшая снаружи входъ въ каюту, распахнулась, и раздался голосъ кормщика, обращенный къ намъ:

— Madonna del mare! . . .

Я высунулся изъ каюты. Гондола стояла передъ каменнымъ столбомъ, возвышавшимся величаво изъ среды бушующихъ волнъ. На немъ находилось, также каменное изваяніе Богоматери, древней, грубой работы, предъ которымъ теплилась лампадка, озарявшая святый ликъ тусклымъ, дрожащимъ блескомъ.

Въ этомъ видѣ священнаго символа вѣры и упованія, поставленнаго среди бурной, разрушительной стихіи, было нѣчто особенное, краснорѣчивое для воображенія и сердца. Но меня преимущественно поразилъ тотъ благоговѣйный восторгъ, въ которомъ увидѣлъ я гребцовъ и кормщика. Этѣ грубыя, дикія нату-

ры, внезапно укротились; на лицахъ, выражавшихъ дотолѣ одинъ буйный, необузданный разгулъ животной природы, изобразилось глубочайшее смиреніе, безусловная преданность и безпредѣльная довѣренность, признаки высшаго развитія истинной человѣческой жизни. Съ обнаженными головами, они поверглись на колѣна предъ священнымъ изображеніемъ, и дружно-нестройнымъ, по тѣмъ не менѣе трогательнымъ хоромъ, запѣли молитвенную пѣснь: «Ave stella maris! Радуйся звѣзда моря!»

Сначала я только удивился, но потомъ принялъ самое сердечное участіе въ этой новой сценѣ. Молитва кончилась, и гондола пустилась снова въ борьбу съ волнами и съ вѣтромъ. Я опять укрылся въ каюту; но мысли мои приняли совершенно другое, болѣе отрадное направленіе . . .

Искусство, посвятивъ себя служенію христіанскаго благочестія, первое разгадало всю божественную высокость священнаго лица Богоматери. Ея изображенія были первыми предметами, на которые обратилась живописующая кисть христіанскихъ художниковъ. Умащенныя вѣками и окруженныя сіяніемъ чудесъ иконы, при

писываемыя преданіемъ Св. Евангелисту Лукѣ, всѣ представляютъ таинственный ликъ Матери-Дѣвы.

Когда христіанская живопись, довольствовавшаяся прежде одною символическою изобразительностью, увлеклась къ высшему идеалу художественнаго совершенства и подъ свѣтлымъ, прекраснымъ небомъ Италіи, вступила на путь безконечнаго развитія; она сохранила туже самую любовь, тоже благовѣйное предпочтеніе къ священному лику Приснодѣвы. Зарю возрожденія современнаго искуства, во мракѣ среднихъ вѣковъ, возвѣстили Мадонны Джіотто и Чимабуэ.

И вотъ наконецъ творческая сила кисти вступила въ зенитъ свой. Явился Рафаэль, высказавшій послѣднее слово искусства, котораго до-сихъ-поръ никто не умѣлъ повторить, тѣмъ меньше разъяснить или дополнить. Чтоже составляетъ вѣнецъ творческой славы христіанской живописи? Дивны знаменитыя ложи Ватикана. Изумителенъ образъ неизобразимой сцены Преображенія. Но во всей полнотѣ своего безсмертнаго блеска, геній Рафаэля сіяетъ въ Мадоннахъ — въ однѣхъ только Мадоннахъ!

Мадонны Рафаэлевы до-сихъ-поръ остаются высочайшими проявленіями христіанскаго искусства. Рафаэль въ свою преждевременную могилу унесъ тайну ихъ созда-

нія. Никто не наслѣдовалъ генія великаго художника. Но идея, вдохновлявшая этотъ геній, была общее наслѣдіе. Неисчислимы изящныя формы, въ которыхъ, со временъ возрожденія искусства, творческая кисть воспроизводила завѣтный ликъ Богоматери. Блистательнѣйшія имена, украшающія исторію живописи, соединены съ изображеніями Мадонны, наполняющими храмы и галлереи Италіи. И одной-ли только Италіи? Вся обновленная Европа принесла свою дань божественному идеалу Матери-Дѣвы. Ей посвящали свои чистѣйшія вдохновенія: и огненная фантазія Веласкезовъ и Мурилль, и суровый геній Дюреровъ и Гольбейновъ, и блестящее воображеніе Миньяровъ и Лебрёней.

Полная и подробная исторія художественныхъ изображеній Пресвятой Дѣвы была-бы въ высшей степени занимательна и поучительна. Она доставила-бы любопытнѣйшую главу общей исторіи искусства, и съ-тѣмъ вмѣстѣ дала-бы столько пищи благочестивому размышленію, столько наслажденія благоговѣйному чувству. Въ ней изобразилась-бы четкими, краснорѣчными буквами, внутренняя исторія развитія христіанскихъ идей и проявленія христіанской жизни, во всѣ эпохи, у всѣхъ народовъ Европейскаго Запада.

Кто-то изъ современныхъ мыслителей сдѣлалъ уже

весьма справедливое замѣчаніе, что Западная Европа какъ бы раздѣляется между двумя основными символами христіанства: Распятіемъ и Мадонною. Это раздѣленіе соотвѣтствуетъ двумъ главнымъ народностямъ, изъ которыхъ составляется населеніе Европейскаго Запада. Суровый геній Тевтонскій, сильный болѣе мыслію, нежели чувствомъ, расположенный преимущественнѣе къ высокимъ потрясеніямъ, чѣмъ къ впечатлѣніямъ тихо, сладостно изящнымъ, есть по превосходству чтитель Креста. Напротивъ, свѣтлое воображеніе народовъ происхожденія Романскаго, предпочтительнѣе услаждается ликомъ Мадонны. Различіе, имѣющее глубокій смыслъ и неисчислимыя во всѣхъ отношеніяхъ послѣдствія! Ограничиваясь однимъ только искусствомъ, нельзя не замѣтить, что тамъ, гдѣ господствуетъ знаменіе Креста, и всѣ прочія явленія художественнаго творчества отличаются преобладаніемъ идеи надъ формой, отпечатлѣваютъ на себѣ предпочтительно характеръ высокаго: тамъ архитектура возводитъ колоссальныя готическія громады, вонзающіяся въ небеса гигантскими шпицами, оставляющія землѣ только мрачныя, таинственныя святилища, изъ глубины которыхъ душа, смятенная благоговѣйнымъ трепетомъ, невольно сама рвется выспрь, забывая все дольнее; тамъ и поэзія изли-

вается преимущественно въ мистическихъ гимнахъ, звучащихъ неуловимыми тонами воздушной эоловой арфы, уносящимися и уносящими въ безпредѣльность. Напротивъ, гдѣ царствуетъ Мадонна, все дышитъ кроткимъ, мирнымъ очарованіемъ, запечатлѣно плѣнительною граціею, свѣтлымъ, отраднымъ, упоительнымъ изяществомъ. Возьмите Кельнскій Минстеръ и Миланскій Домо! Сравните «Мессіаду» Клопштока и «Божественную Комедію» Данта! Здѣсь еще можно видѣть и черты сходства; но - съ какими разительно противоположными оттѣнками! За-то «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, или древній классическій Пантеонъ, наброшенный на рамена Ватиканскаго-Святилища исполинскимъ геніемъ Микель-Анджело! . . .

Нельзя также не замѣтить, что Италія, страна, предпочтительно изъ всѣхъ Романскихъ странъ, посвятившая себя Мадоннѣ, отличается на всемъ пространствѣ Европейскаго Запада постоянствомъ и обиліемъ религіознаго чувства. Въ нее не проникаютъ бури и мраки, возмущающіе мирный покой вѣры въ другихъ частяхъ Западной Европы. Ликъ Божественнаго Младенца, покоющагося въ объятіяхъ Пресвятой Дѣвы, точно служитъ для ней завѣтнымъ палладіумомъ, обезпечивающимъ ей непоколебимую безмятежность младенческаго

довѣрія и дѣвственной преданности таинственному, животворному водительству христіанства.

На Востокѣ, къ которому принадлежимъ мы по праву духовнаго рожденія, искусство не приняло участія въ движеніи Запада. Тамъ священная живопись осталась непоколебимо вѣрна своему древнему символическому характеру. Но благоговѣніе къ Пресвятой Дѣвѣ нашло себѣ другіе неистощимые способы достойнаго выраженія. Вмѣсто палитры и красокъ, призвано было къ служенію живое слово, живописное конечно не меньше, если не больше кисти.

Вслушайтесь въ наши церковныя пѣсни, которыхъ богатствомъ и звучностію можемъ мы справедливо гордиться предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Ихъ высокая, божественная поэзія, нигдѣ не выражается съ такимъ блескомъ, съ такою силою, какъ въ молитвенно-хвалебныхъ гимнахъ Богоматери.

Впрочемъ, и священная живопись Востока дозволяетъ себѣ особенное разнообразіе именно при изображеніи таинственнаго лика Пресвятой Дѣвы. Въ особенности у насъ, на святой, благочестивой Руси, образъ Богоматери имѣетъ множество особыхъ формъ, освященныхъ издревле благословеніемъ Церкви.

Не возможно исчислить всѣхъ наименованій, которыми ласкающееся дитя осыпаетъ любимую мать. Точно также неисчислимы и тѣ изображенія, въ которыхъ Православная Церковь представляетъ взорамъ и сердцу младенчествующихъ во Христѣ образъ Той, въ Которой всѣ, прибѣгающіе съ дѣтскою любовію, обрѣтають нѣжнѣйшую, попечительнѣйшую Матерь. Эти изображенія, въ которыхъ, собственно говоря, переводятся на полотно восторги благочестиваго чувства, такъ краснорѣчиво выражающіеся въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ, можно назвать «лирическими». Каждое изъ нихъ есть не что иное, какъ воплощенное въ чертахъ и краскахъ привѣтствіе любви, преданности, молитвы. Сверхъ того нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ отличаются характеромъ нѣжнаго, растроганнаго чувства, ищущаго потопить свои земныя скорби и печали въ лучахъ небеснаго идеала, представляемаго благодатнымъ ликомъ Святой Пренепорочной Дѣвы. Это доказываютъ самыя наименованія, принятыя Церковію для разныхъ изображеній Богоматери; какъ-то: Всѣхъ Скорбящихъ, Радость, Утоленіе Печалей, Взысканіе Погибшихъ, и т. п. На днѣ морей, раздираемыхъ свирѣпыми бурями, зараждается драгоцѣнный перлъ. Въ тайникахъ души, истерзанныхъ пытками скорбей, воспитывается

молитва и упованіе, вѣра и любовь, поэзія и искусство . . .

Въ наше время, искусство, поэзія, геній, вдохновеніе, если не на душѣ, то на языкѣ у каждаго, кто только имѣетъ притязанія на образованность, кто принимаетъ или хочетъ казаться принимающимъ участіе въ успѣхахъ вѣка. Странно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что современное общество, единогласно обвиняемое въ грубой положительности, въ сухомъ и холодномъ эгоизмѣ, въ отсутствіи всѣхъ чистыхъ, безкорыстныхъ, святыхъ помысловъ и порывовъ, что оно, въ тоже время, столь-же основательно можетъ подвергнуться укоризнѣ въ чрезмѣрномъ пристрастіи и предпочтеніи, въ привязанности безотчетной и часто безразсудной, почти фантастической, къ тому, что относится прямо къ сердцу, чуждо по существу своему всѣхъ расчетовъ и видовъ, имѣетъ корень и питаніе непосредственно въ чувствѣ: къ творчеству, къ искусству, къ поэзіи! Въ самомъ дѣлѣ, въ нынѣшнемъ мірѣ, нѣтъ по видимому другаго увлеченія, другой страсти, другаго энтузіазма, кромѣ какъ къ созданіямъ, ознаменованнымъ печатію изящества, облитымъ сіяніемъ художественнаго, единственнаго въ наше время, вдохновенія. Счастливый стихъ, поэтическій аккордъ, свое-

образный ударъ рѣзца или кисти, возбуждаютъ всеобщій восторгъ. Оригинальное произведеніе искусства — будетъ ли то поэма илиораторія, статуя или картина — составляетъ эпоху! Герой, предъ которымъ все преклоняется съ благоговѣніемъ, на котораго отвсюду сыплются вѣнки и рукоплесканія — есть художникъ! —

Самая строгая мораль ничего не можетъ сказать противъ этого направленія, разсматриваемаго въ своей сущности, въ своихъ основныхъ началахъ, въ своемъ внутреннемъ значеніи. Чувство эстетическое, симпатія къ прекрасному и высокому, есть одна изъ высшихъ, благороднѣйшихъ стихій нашей природы. Развитіе ея всегда болѣе или менѣе знаменуетъ торжество духовнаго элемента жизни человѣческой. Красота есть подруга истины и добродѣтели. Въ ея свѣтломъ образѣ, истина становится привлекательнѣе, добродѣтель любезнѣе.

Но всему должны быть границы; все должно имѣть свою мѣру. Всякое излишество есть уклоненіе отъ законнаго порядка; ибо нарушаетъ гармонію, которая составляетъ основу бытія, есть душа жизни. Въ области чувства, котораго характеръ есть безпредѣльность, законность выражается строгою разборчивостью относительно предметовъ. Расточать чувство на пред-

меты недостойные, значитъ употреблять во зло его святыню. Горе, если божественный огонь возжигается на алтарѣ кумировъ, вылепленныхъ изъ земной грязи и пыли, обольщающихъ только слѣпую, плотскую чувственность! Горе, если, въ лучшія минуты одушевленія, сердце, вмѣсто истинной красоты, обнимаетъ пустой, лживый, безсущный призракъ!

Итакъ, пусть любовь къ прекрасному, сочувствіе къ геніальнымъ вдохновеніямъ, страсть къ искусству, горитъ и согрѣваетъ наше холодное, равнодушное, безчувственное время! Но разливаемая имъ теплота должна имѣть свой источникъ въ животворномъ солнцѣ истинной красоты; не въ темныхъ горнилахъ мірской, лживой прелести! И здѣсь-то искусству предлежитъ показать всю высокость своего смысла, оправдать всю важность своего назначенія. Оно должно своими созданіями направлять порывы чувства къ святой, единственно достойной ихъ, цѣли. Оно должно служить красотѣ, въ тѣсной непосредственной связи съ истиною и благомъ.

Въ религіи, истина и благо достигаютъ высшей степени своего проявленія на землѣ, своего приближенія къ человѣчеству. Сюда слѣдовательно должно стремить-

ся искусство. Здѣсь единственно достойный храмъ для высокихъ священнодѣйствій творящаго генія.

Такъ дѣйствительно и было въ тѣ счастливыя времена, которыя остались въ воспоминаніяхъ исторіи съ блистательнымъ именемъ «золотыхъ вѣковъ» искусства. Въ эти золотые вѣки, поэзія, музыка, зодчество, скульптура, живопись, были непрерывнымъ славословіемъ Божества. Древнія языческія Музы, въ вѣкъ Эсхиловъ и Софокловъ, Фидіасовъ и Праксителей, Апеллесовъ и Зевксисовъ, жили на священныхъ высотахъ Олимпа. Христіанское искусство, при Дантахъ и Тассахъ, при Рафаэляхъ и Микель-Анджелахъ, было если не исключительно священно-служебное, то, по-крайней-мѣрѣ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, глубоко религіозное.

Съ благородной патріотической гордостью, мы Русскіе можемъ сказать, что у насъ искусство, при всей своей юности, не совратилось съ пути, который одинъ вполнѣ его достоинъ. Это особенно замѣчательно въ живописи, которой лучшія, блистательнѣйшія созданія, освящены религіознымъ, благочестивымъ вдохновеніемъ. Кто хочетъ видѣть торжество кисти Русской, тотъ долженъ итти въ храмы, которые сами по себѣ составляютъ великолѣпнѣйшее украшеніе нашей сѣверной Пальмиры, и, здѣсь склонясь въ восторженной молитвѣ предъ

святыми иконами, уносятъ потомъ признательное благоговѣніе къ могучей рукѣ Брюлова, Шебуева, Басина и Бруни . . .

Конечно, могущество вѣры такъ полно, такъ всесильно, такъ живо и дѣйственно въ самомъ себѣ, что ему нѣтъ нужды ни въ какихъ стороннихъ пособіяхъ, ни въ какихъ внѣшнихъ украшеніяхъ. У насъ, еще больше, чѣмъ гдѣ-либо, молитва не требуетъ художественныхъ усилій кисти, чтобы изливаться со всей искренностью, со всѣмъ жаромъ, предъ святою иконою. Сердцу, издѣтства напоенному благочестіемъ, достаточно всякаго символа, лишь-бы онъ изображалъ точно и вѣрно свою идею, лишь-бы онъ былъ принятъ и освященъ материнскимъ благословеніемъ Церкви.

Даже, говоря искренно и безпристрастно: не больше-ли примѣровъ истинной вѣры и истиннаго одушевленія встрѣчается въ мирныхъ сельскихъ храмахъ, или подъ скромной крышей бѣдной деревенской хижины, передъ домашней кіотой, наполненной простыми, безхитростными изображеніями христіанской святыни? И одно-ли кроткое, патріархальное чувство простаго поселянина, такъ не притязательно? Кто изъ насъ, какъ-бы глубоко ни отвѣдалъ отъ чаши современнаго просвѣщенія и образованности, кто въ свою очередь не испытывалъ

сладкаго умиленія, преклоняясь предъ завѣтнымъ благословеніемъ отца, или лобызая крестъ, повѣшенный рукой любящей матери? . . .

Благословенна сила вѣры, преклоняющая во прахъ нашу суетную гордыню предъ однимъ могуществомъ нагой, неукрашенной ничѣмъ мысли; разливающая тусклымъ блескомъ лампадии, теплющейся предъ простымъ образомъ Святой Дѣвы, божественный свѣтъ и небесную тишину въ душахъ, для которыхъ темно и тревожно при яркомъ пламени мірской мудрости, при потѣшныхъ огняхъ земнаго соблазна! . . .

Но благословенно и искусство, когда оно другими, ему одному извѣстными путями, достигаетъ той-же цѣли, производитъ тѣже благотворныя, спасительныя впечатлѣнія! Въ суетахъ и тревогахъ свѣтской жизни, къ несчастію такъ тѣсно связанныхъ съ современною образованностью общества, когда-то еще выпадутъ свѣтлыя минуты, доступныя торжеству нагой мысли надъ огрубѣлымъ, развращеннымъ, или, по крайней-мѣрѣ разсѣяннымъ, безразсудно истощеннымъ и изможденнымъ, чувствомъ? Но вотъ слухъ проходитъ о ликѣ Святой Дѣвы, воспроизведенномъ кистью знаменитаго художника... Толпа стекается вокругъ чуднаго полотна: однихъ влечетъ любопытство, другихъ избытокъ празд-

наго времени; третьихъ просто раболѣпство общественному мнѣнію, требованія приличія, капризъ моды. Никто нейдетъ съ тѣмъ, чтобы молиться; мало даже ищущихъ прямаго эстетическаго наслажденія. Вотъ собрались они, эти представители и представительницы вѣка, эти львы и львицы высшаго, образованнаго общества, съ воспоминаніями о вчерашнемъ балѣ, съ надеждой на сегоднешній концертъ или спектакль . . . . Минута вниманія . . и волшебное могущество искусства начинаетъ дѣйствовать. . . Нѣтъ силъ противиться. Въ тусклыхъ, полусонныхъ глазахъ, загарается живое, яркое пламя. Сердце расширяется, объемлется благоговѣйнымъ волненіемъ, проникается сладостнымъ трепетомъ. Священный образъ невольно внѣдряется въ потрясенную душу, наполняетъ ее собой, овладѣваетъ ею безусловно и безгранично . . . . Новые чистѣйшіе помыслы возникаютъ, новыя возвышеннѣйшія чувства воздымаютъ грудь; и уста невольно шепчутъ тайную, святую, благоухающую молитву

. Вотъ истинная цѣль, вотъ истинное значеніе и торжество искусства!

Я продолжалъ-бы долго и долго носиться мыслью въ неизмѣримыхъ пространствахъ, открывающихся душѣ въ минуты невольнаго увлеченія . . . . . Но раздались голоса: «Venezia! Ecco Venezia! Venezia» bella! . . . .

Я выскочилъ изъ каюты . . . Тучи разорвались . . . Блеснули лучи солнца . . .

Передо мной плавала развѣнчанная царица Адріатики . . .

. . . . . Наконецъ я насладился вполнѣ очарованіями волшебнаго города, который, по выраженію поэта, «строили феи.» Я изъѣздилъ вдоль и поперекъ его широкіе каналы, исходилъ взадъ и впередъ узенькіе корридоры, замѣняющіе въ немъ улицы. Вся Венеція есть великолѣпная, дивная картина: это живое воплощеніе древняго миѳическаго образа богини, раждающейся изъ серебренной пѣны моря. Но сколько и художественныхъ «живописныхъ картинъ,» высокаго, самобытнаго достоинства, сохраняется еще въ ея запустѣвшихъ палаццахъ и храмахъ, которые въ свою очередь сами собой представляютъ столько-же чудныхъ «картинъ зодчества!» . . .

Было время, когда Венеція имѣла свою блистательную школу живописи, извѣстную въ исторіи искусства подъ именемъ «школы Венеціянской.» Она произвела

столько образцовыхъ созданій, которыхъ большая часть осталась на ихъ родинѣ. Здѣсь каждая церковь есть музеумъ, каждый палаццо имѣетъ свою галлерею. Но главнѣйшее богатство художественныхъ сокровищъ все еще сосредоточено въ громадномъ, фантастическомъ зданіи «Дожескаго-Дворца», этой великолѣпной муміи, которая пережила свое державное бытіе, но сохраняетъ еще слѣды невозвратно минувшаго блеска. Тамъ самыя стѣны дышатъ жизнію, разлитою могучимъ геніемъ Тинторетто въ колоссальныхъ фрескахъ. Въ дорогихъ, раззолоченныхъ рамахъ, красуются дивныя полотна, одушевленныя кистью Павла-Веронеза и Тиціана. Какія имена! Какія созданія! . . .

Но, признаюсь, перебирая неисчислимое богатство разнообразнѣйшихъ воспоминаній, уносимыхъ мною изъ Венеціи, я не нахожу между ними ни одного, котораго впечатлѣнія были-бы могущественнѣе, вдохновительнѣе, святѣе, какъ запечатлѣвшійся навсегда въ душѣ моей образъ безсмертной страницы Тиціана, изображающей «Вознесеніе Божіей Матери.»

Н. НАДЕЖДИНЪ.

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ.

Св. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ,

Архіепископъ Кесаріи Каппадокійскія.

Посреди сильныхъ гоненій Аріанскихъ, которымъ въ теченіи полувѣка противоборствовалъ великій архіепископъ Александріи, Аѳанасій, явились два новые подвижника, столпы Церкви и сокрушители Аріанства, Василій и Григорій, оба изъ Каппадокіи, связанные узами нѣжной дружбы. Григорій, сынъ добродѣтельнаго старца Григорія, избраннаго въ послѣдствіи епископомъ Назіанза, былъ одаренъ отъ природы чрезвычайными способностями къ наукамъ словеснымъ, и получивъ начальное образованіе въ обѣихъ Кесаріяхъ и Александріи, отплылъ въ Аѳины; и основался временно въ столицѣ просвѣщенія Греческаго. Тамъ засталъ въ числѣ учащихся будущаго своего противника и гонителя Іуліана, скоро измѣнившаго мантію филосо-

фовъ на порфиру, когда Константій, испуганный смятеніями Галліи, нарекъ его Кесаремъ, чтобы управлять Западомъ. Видя его отвратительную наружность и явное отступленіе отъ Христіанства, Григорій предчувствовалъ въ немъ будущаго врага Церкви, и часто восклицалъ: «какое зло питаетъ въ нѣдрахъ своихъ имперія Римская! — о если бы я былъ ложнымъ пророкомъ!»

Не много спустя послѣ друга, приплылъ въ Аѳины и Василій, начавшій свое образованіе въ родственной ему Кесаріи и потомъ въ Царьградѣ. — Онъ происходилъ отъ благородныхъ родителей, области Кесарійской, бывшихъ исповѣдниками во дни гоненій; благочестивая бабка его Макрина, воспитавшая отрока при себѣ, сама научилась истинной вѣрѣ отъ учениковъ чудотворца Неокесарійскаго Григорія, и передала во всей чистотѣ вѣру сію внукамъ: Василію, Григорію, Петру, которые всѣ заняли каѳедры епископскія, и Макринѣ, старшей сестрѣ ихъ, посвятившей дѣвство свое Богу. — Степенный умъ Василія, который казался старцемъ въ годахъ юношескихъ, направлялъ всѣ его занятія къ предметамъ болѣе важнымъ, нежели суетныя распри софистовъ Аѳинскихъ, и онъ скоро бы оставилъ сей городъ, для него непріязненный, если бы не удерживала его искрен-

ная дружба Григорія, до окончанія положеннаго круга наукъ.

Василій возвратился однако въ Кесарію прежде друга, и тамъ, отъ философіи человѣческой, перешелъ къ Божественной, отвергнувъ почести мірскія и обративъ всѣ силы духа на усовершенствованіе внутреннее, въ тихомъ уединеніи и вольной нищетѣ. Первою наставницею служила ему старшая сестра, потомъ великіе отшельники Египетскіе и Палестинскіе, которыхъ посѣтилъ съ жаждою внутренняго образованія, когда пробудился отъ сна житейскаго къ свѣту Евангельскому, и болѣе постигъ всю суету временнаго. Отъ нихъ научился онъ побѣждать свою природу воздержаніемъ, бдѣніемъ и молитвою, препебрегать тѣло для освобожденія духа, и жить какъ бы въ чуждой плоти, являя міру, что значитъ быть здѣсь истиннымъ странникомъ и гражданиномъ неба. Возвратясь изъ Египта, онъ искалъ въ своемъ краю ближайшихъ руководителей, и прилѣпился сперва къ Евстаѳію, епископу Севастійскому, не подозрѣвая въ немъ заблужденій Аріанскихъ, потому что видѣлъ только строгое житіе сего мужа и учениковъ его. Потомъ избралъ себѣ скромное уединеніе на берегахъ рѣки Ириса, въ области Понтійской, куда удалилась сестра его Макрина, по смерти бабки, чтобы ус-

покоить старость матери своей Эммеліи, и основала у себя въ домѣ малую женскую обитель, по сосѣдству церкви сорока мучениковъ.

И Григорій поспѣшилъ оставить Аѳины, чтобы насладиться въ отечествѣ обществомъ своего друга, и оставилъ вмѣстѣ съ тьмою язычества, блага житейскія, для занятій духовныхъ. Изъ пріобрѣтенныхъ имъ наукъ, онъ цѣнилъ только одно краснорѣчіе, обращая оное къ назиданію Церкви, и жаждалъ, подобно Василію, посвятить себя житію иноческому: но дряхлость родителей принудила его оставаться еще въ мірѣ, чтобы облегчать имъ заботы домашнія. Однако же, изъ глубины уединенія, непрестанно призывалъ его къ себѣ Василій, и ихъ дружеская переписка, исполненная веселія душевнаго, осталась вѣрнымъ изображеніемъ ихъ образа мыслей и жизни. — Очаровательно описаніе пустыни Василіевой.

«Богъ открылъ мнѣ жилище по сердцу, писалъ онъ, такое, о какомъ мы нѣкогда мечтали на свободѣ: это высокая гора, покрытая темнымъ, густымъ лѣсомъ, орошаемая, съ сѣверной стороны, свѣтлымъ потокомъ; у подошвы ея пространная долина, изобильная ручьями, лѣсъ ограждаетъ ее отовсюду, какъ крѣпость, и дѣлаетъ изъ нее почти островъ; два глубокіе оврага раз-

дѣлятъ ее на двѣ части; съ одного края низвергается водопадомъ рѣка, съ другой непроходимая гора заграждаетъ путь; одинъ только есть исходъ, и мы имъ владѣемъ. Обитель наша на высотѣ, такъ, что вся долина и рѣка, по ней текущая,—предъ глазами, и отраденъ видъ сей, какъ видъ береговъ Стримона; я не встрѣчалъ ничего прекраснѣе; рѣка питаетъ въ себѣ множество рыбъ, и благодатныя ея испаренія освѣжаютъ воздухъ сего очаровательнаго мѣста. Иной, можетъ быть, восхищался бы разнообразіемъ цвѣтовъ и пѣніемъ птицъ, мнѣ же нѣкогда увлекаться сими временными наслажденіями. Счастливое положеніе края дѣлаетъ его обильнымъ всякими плодами; а для меня самые сладостные— миръ и тишина, по совершенному отдаленію отъ городскаго шума: здѣсь не встрѣтишь даже путника, развѣ иногда какой либо ловчій заглянетъ въ нашу пустыню; но намъ не страшны хищные звѣри, одни только зайцы, козы и олени рѣзвятся по нашей долинѣ. — Могу ли предпочесть иное мѣсто сему очаровательному жилищу? прости мнѣ желаніе мое здѣсь основаться.»

Но въ другомъ письмѣ, болѣе важномъ по своему предмету, Василій описывалъ другу пользу уединенія, для усмиренія страстей и утвержденія помысловъ: «выд-

ти изъ міра, писалъ онъ, не то значитъ, чтобы удалиться отъ него тѣломъ, но освободить душу отъ рабства, не имѣть ни дома, ни семьи, ни близкихъ, ни заботъ, ни имѣній, забыть все, чему научился отъ человѣковъ, чтобы приготовить себя къ принятію познаній божественныхъ. Занятіе отшельника есть подражаніе Ангеламъ, въ непрестанной молитвѣ и славословіи: восходитъ ли солнце, и онъ встаетъ для труда, не прерывая умственной молитвы; онъ размышляетъ надъ чтеніемъ святыхъ писаній, чтобы пріобрѣсть добродѣтель и направить жизнь свою по примѣру святыхъ; потомъ молитва слѣдуетъ за чтеніемъ, чтобы сдѣлать оное дѣйствительнѣе. Разговоры инока должны быть чужды всякаго суесловія и спора, скромны, тихи и привѣтливы, смиреніе же обнаруживается въ осанкѣ, поступи, потупленномъ взорѣ, самой простой одеждѣ, едва достаточной, чтобы прикрыться отъ холода и жара; въ пищѣ надлежитъ искать только удовлетвореніе голода: довольно хлѣба и воды съ немногими овощами но и вкушая ее безъ жадности, надобно размышлять духовно, начиная и оканчивая трапезу молитвою. Изъ двадцати четырехъ часовъ дня, одинъ только пусть опредѣлится для заботъ тѣлесныхъ, сонъ же да будетъ кротокъ, легокъ, и полночь отшельнику должна быть какъ утро для прочихъ,

чтобы въ безмолвіи природы, съ большимъ вниманіемъ, размышлялъ онъ, о средствахъ къ очищенію грѣховъ своихъ и усовершенствованію въ добродѣтели.»

Письмо сіе служитъ какъ бы сокращеніемъ всѣхъ правилъ иноческихъ, которыя самъ Василій соблюдалъ въ точности, изнуряя тѣло постомъ и бдѣніемъ до такой степени, что въ немъ, казалось, не оставалось болѣе жизни; онъ спалъ на голой землѣ, не варилъ себѣ пищи, употреблялъ сухой хлѣбъ и овощи, и отъ чрезвычайнаго воздержанія разстроилъ свое слабое здоровье. Наконецъ присоединился къ нему и другъ его Григорій; тамъ наслаждались они непрестанными лишеніями, молились вмѣстѣ, читали св. писаніе, работали, садили деревья, изсѣкали камни, удобряли землю, и слѣды ихъ тяжкихъ работъ оставались на ихъ нѣжныхъ рукахъ. Домъ ихъ не имѣлъ крыши и дверей, и никогда не подымался изъ него дымъ; оставивъ всѣ свѣтскія книги, какими утѣшались въ молодости, они занялись исключительно истолкователями св. писанія и сами составили книгу подъ именемъ добротолюбія. Жители Неокесарійскіе просили Василія заняться воспитаніемъ ихъ дѣтей, но онъ отказался и не похвалилъ младшаго своего брата Григорія, за то, что принялъ на себя обязанность, отвлекающую отъ созерцанія въ пустынѣ. — Такъ про-

текла, въ духовныхъ наслажденіяхъ возвышенной дружбы, жизнь великихъ отшельниковъ.

Скоро собралось къ нимъ множество учениковъ, и Василій написалъ для нихъ многія правоученія о благочестіи, называемыя аскетическими, которыя и донынѣ служатъ зерцаломъ житія иноческаго, для всего Востока; онъ составилъ ихъ, большею частію, изъ назидательныхъ отрывковъ священнаго писанія. Потомъ изложилъ еще, въ такъ называемыхъ пространныхъ и краткихъ правилахъ, по вопросамъ и отвѣтамъ, полный уставъ иноческій, который, по своему совершенству духовному, можетъ быть приспособленъ къ жизни каждаго благочестиваго Христіанина.

Іуліанъ отступникъ, преслѣдуя Христіанъ въ двухлѣтнее правленіе, не смѣлъ однако коснуться бывшихъ своихъ товарищей, помня ихъ обличенія. Оба уже были, противъ своей воли, посвящены въ пресвитеры, но Григорій оставался при дряхломъ отцѣ, а Василій, избѣгая молвы житейской и зависти своего епископа, укрывался въ своей любимой пустынѣ. Ему предстояло просіять во дни новыхъ Аріанскихъ гоненій Валента, и заступить мѣсто великаго Аѳанасія. Григорій, другъ его и собесѣдникъ въ пустынѣ, услышавъ о приближеніи Валента къ Кесаріи, вызвалъ отшель-

шина изъ лѣсовъ Понтійскихъ, примирилъ съ нимъ епископа Евсевія, прямодушнаго, хотя слабаго сердцемъ, и о твердый оплотъ вѣры Василіевой, разбились всѣ льстивыя покушенія Валента, искавшаго склонить знаменитаго мужа на свою сторону. Аріане бѣжали изъ Кесаріи; пресвитеръ Василій сдѣлался правою рукою и единственнымъ совѣтникомъ своего архипастыря и, подобно Іову, окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, ибо всѣ странные и убогіе притекали къ его покрову, и въ тяжкую годину голода онъ самъ разносилъ пищу по стогнамъ и устроилъ богадѣльни для призрѣнія болящихъ. Отецъ иночествующихъ, которыхъ назидалъ своими правилами, онъ сдѣлался свѣтильникомъ и для всего клира, изложивъ на хартіи чинъ божественной литургіи, изустно передаваемый отъ временъ Апостольскихъ, потому что чинъ сей не могъ болѣе оставаться въ одномъ преданіи устномъ, ради крайняго умноженія пресвитеровъ и для соблюденія онаго отъ неправильныхъ приложеній. Такимъ образомъ, Іерусалимская литургія Іакова, брата Господня, съ нѣкоторыми сокращеніями и съ изложеніемъ молитвъ, въ болѣе догматическомъ духѣ, по нуждамъ времени, сохранилась въ чинѣ богослуженія великаго Василія, который донынѣ неизмѣнно совершается во всѣхъ православныхъ церквахъ Востока.

Григорій дружески раздѣлялъ благочестивыя заботы сотрудника своей юности и служилъ ему утѣшеніемъ въ скорьби, когда кончина нѣжно любимой матери повергла Василія на одръ болѣзни, хотя и самъ Григорій посѣщенъ былъ смертію брата Кесарія и сестры Горгоніи; онъ оплакалъ ихъ въ надгробныхъ словахъ, которыя сохранили потомству домашнія добродѣтели его семейства. Но, укрѣпляя Василія, ревностно содѣйствовалъ Григорій и престарѣлому отцу, примиривъ его съ иноками, озлобленными противъ своего пастыря за то, что нѣкогда подписалъ съ прочими исповѣданіе Риминійское. Провидѣніе соблюдало святаго старца, удрученнаго годами и болѣзнію, на великій подвигъ, и въ самый день Пасхи чудесно возставило съ смертнаго одра, когда всѣ отчаявались въ его жизни. Внезапно поднялся онъ и совершилъ молитвы въ своей ложницѣ, сообщаясь духомъ съ паствою, которая торжествовала въ храмѣ свѣтлое Воскресеніе, а на другой день и самъ уже могъ служить литургію, къ утѣшенію вѣрныхъ; — подвигомъ же, для котораго призывался свыше, было избраніе Василія на престолъ Кесарійскій.

Евсевій епископъ умеръ, и въ великой митрополіи возобновилися смуты, бывшія при его насильственномъ постановленіи: областные епископы не могли согласить

ся между собою въ избраніи ему преемника, въ такую минуту, когда одинъ неудачный выборъ могъ поколебать все православіе Востока, ибо отъ первенствующаго престола Кесарійскаго зависѣла или принимала примѣръ большая часть церквей Малой Азіи. Григорій чувствовалъ важность мгновенія, и старецъ ожилъ духомъ, дѣйствуя какъ юноша. Посланія его, то увѣщательныя, то укорительныя, ходили по всей области, онъ указывалъ всѣмъ на Василія, какъ на единственную опору православія, и когда нѣкоторые епископы отзывались о его тѣлесной немощи, Григорій обличалъ ихъ, что не борецъ, а святитель нуженъ Церкви, и убѣдилъ благочестиваго Евсевія Самосатскаго придти на соборъ Кесарійскій, чтобы дѣйствовать въ пользу Василія. Видя, что еще не достаетъ одного голоса для правильнаго избранія, Григорій самъ подвигся съ одра болѣзненнаго, велѣлъ нести себя въ городъ, чтобы испустить дыханіе для блага Церкви, взошелъ въ собраніе епископовъ, къ общему ихъ изумленію, повелѣвалъ, молилъ, наконецъ рукоположилъ Василія и водворивъ его на каѳедрѣ, какъ бы обновленный самъ своимъ подвигомъ, возвратился съ торжествомъ въ Назіанзъ. И тамъ еще онъ одолѣлъ, кротостію и терпѣніемъ, недовольныхъ епископовъ, которые возстали противъ него и Василія.

за избраніе великаго мужа, доколѣ наконецъ общее удивленіе къ добродѣтелямъ избраннаго не заглушило частной зависти. При самомъ началѣ краткаго, осмилѣтняго своего святительства, Василій показалъ уже, чего могла ожидать отъ него вселенская Церковь.

Скорбя духомъ о упадкѣ и раздорахъ церквей Востока, послѣ долгихъ гоненій Аріанскихъ, онъ рѣшился, съ помощію Божіею, водворить въ нихъ миръ, и прежде всего обратился къ великому старцу Аѳанасію, какъ единственной, никогда не колебавшейся оперѣ православія. «Тебѣ, достоуважаемый отецъ, писалъ онъ, подобаетъ оставить по себѣ памятникъ, тебя достойный, и увѣнчать послѣднимъ подвигомъ труды, подъятые за благочестіе; самъ я, неопытный, сокрушаюсь о бѣдствіяхъ Церкви; какова же должна быть печаль твоя, ибо ты нѣкогда видѣлъ союзъ и усердіе вѣрныхъ! Мнѣ кажется, одно намъ средство спасенія съ епископами Запада, если только они примутъ въ насъ участіе, съ тою же ревностію, какую явили у себя; но кто подвигнетъ ихъ на великое дѣло? Пошли на Западъ избранныхъ мужей твоей Церкви, чтобы изобразить епископамъ наши страданія и научить ихъ какъ помогать намъ; будь Самуиломъ всѣхъ церквей, вникни въ скорбь плачущаго народа, принеси Господу умиротворительныя молит-

вы и водвори опять тишину; изцѣли болѣзнь церкви Антіохійской, какъ врачь искусный, устроивъ въ ней согласіе вѣрныхъ, и отъ сей главы Востока проліется здравіе по всему тѣлу.» Въ такихъ же почтительныхъ выраженіяхъ писалъ Василій и къ епископу Римскому Дамазу.

Возбуждая къ миру епископовъ сосѣднихъ областей, чтобы дѣйствовали съ нимъ общими силами, великій Василій трогательно изображалъ свое тяжкое положеніе: «вы знаете, что я выставленъ злобѣ еретиковъ, какъ высокіе утесы ярости волнъ; я удерживаю ихъ бурю и не даю потопить того, что за мною. Не къ себѣ отношу такую твердость, но милости Бога, являющаго силу свою въ немощи человѣческой, какъ самъ онъ выразился устами своего Пророка: «меня ли не убоитесь, оградившаго пескомъ море?» — Ничего нѣтъ слабѣе и ничтожнѣе песка, однакоже Господь удерживаетъ и смиряетъ имъ неизмѣримость пучинъ морскихъ. И поелику я слабѣе песка, вы бы должны были, возлюбленные братія, посѣтить меня въ моей печали и укрѣпить въ начинаніяхъ, или исправить въ погрѣшностяхъ, чтобы въ чемъ не заблудился, какъ свойственно слабости человѣческой.»

Съ такимъ непритворнымъ смиреніемъ выражался о себѣ Василій, котораго великій Аѳанасій называлъ сла-

вою Церкви, Григорій же, другъ его, лучше ...
въ ней горѣвшею, когда завистники святаго мужа упрекали его за то, что не съ такою будто бы ясностію излагалъ ученіе о Божествѣ Духа Святаго, съ какою гремѣлъ о Божествѣ Сына. Но Василій твердый защитникъ догмата Св. Троицы, подвергся сему нареканію, за снисхожденіе къ послѣдователямъ Македонія, отъ которыхъ требовалъ только принятія Никейскаго символа, чтобы не возбуждать новой бури посреди распрей Аріанскихъ. Поощряя друга, пресвитера Григорія, богословствовать о Духѣ Святомъ, на каѳедрахъ своей области, самъ онъ, какъ епископъ старшей митрополіи, болѣе дѣйствовалъ, чтобы соединить разрозненныхъ и многочисленное собраніе назидательныхъ его писемъ, ко всѣмъ Церквамъ и святителямъ Запада и Востока, свидѣтельствуетъ о его неусыпной ревности.

Когда гоненіе повсюду свирѣпствовало, не избѣжалъ онаго, и на святительскомъ престолѣ, Василій, ибо онъ служилъ опорою и вѣрнымъ представителемъ Церкви вселенской; въ одномъ лицѣ его слились, своими добродѣтелями, инокъ, учитель и епископъ, и гонитель Валентъ не могъ оставаться равнодушнымъ доколѣ сіялъ еще такой свѣтильникъ. Самъ онъ посѣтилъ Кесарію, и великаго мужа потребовали сперва на испыта-

ніе къ епарху царскому Модесту, суровому Аріанину, но Василій отвѣтствовалъ на всѣ его угрозы и ласки: «общеніе съ Богомъ честнѣе, нежели общеніе съ тобою по мѣрѣ разстоянія Творца отъ твари, и такова вѣра Христіанъ; угрозы твои до меня не касаются: ибо что мнѣ и тебѣ? — имѣніе ли мое возьмешь, — не обогатишь себя и я не обнищаю, да и мало тебѣ пользы въ сихъ ветхихъ одеждахъ и въ нѣсколькихъ книгахъ, а въ нихъ все мое богатство. Изгнанія не боюсь, ибо земля сія не моя, а Божія, и отечество мое повсюду; о мукахъ не забочусь, — онѣ только приведутъ меня къ желанной цѣли; ты видишь, на мнѣ почти нѣтъ тѣла; одинъ первый ударъ все окончитъ, и смерть только ускоритъ отшествіе мое къ Богу.» Изумленный епархъ невольно сознался, что никто еще съ такою смѣлостію съ нимъ не бесѣдовалъ: «можетъ быть, возразилъ Василій, тебѣ не случалось никогда говорить съ епископомъ: мы во всемъ являемъ кротость и смиреніе, но если кто хочетъ лишить насъ Бога и правды Божіей, мы ради ея все пренебрегаемъ.» Видя такую твердость, смягчился епархъ и спросилъ: «пріятно ли будетъ ему видѣть Кесаря въ своей церкви? — надлежитъ только для сего выкинуть одно слово, единосущный, изъ символа?» — «Радуюсь видѣть Кесаря въ церкви ибо радѣю

о спасеніи всякой души, но не позволю ---
одной іоты въ символѣ» отвѣчалъ мужественный святитель. «Размысли до завтра», было послѣднимъ словомъ Модеста; «нынѣ, какъ и завтра, я тотъ же!» — послѣднимъ словомъ Василія.

На праздникъ Богоявленія, Кесарь, окруженный стражами, взошелъ въ церковь, гдѣ совершалъ литургію Василій, и сталъ въ толпѣ народа. Когда же услышалъ сладкое пѣніе ликовъ и увидѣлъ стройный чинъ божественной службы, священнослужителей болѣе подобныхъ Ангеламъ, нежели человѣкамъ, самаго же Василія неподвижнаго предъ алтаремъ, вперившаго умъ свой горѣ, и со страхомъ обстоявшихъ его пресвитеровъ, — ужаснулся Валентъ, хотѣлъ подойти къ жертвеннику, но пошатнулся и былъ поддержанъ однимъ изъ діаконовъ. Никто однако не смѣлъ принять его просфору, не зная, желаетъ ли вступить съ нимъ въ общеніе епископъ. Самъ Василій, сострадая къ немощи человѣческой, принялъ изъ рукъ его принесенный даръ. Въ другой разъ Кесарь пришелъ опять участвовать въ молитвѣ вѣрныхъ, и въ самомъ алтарѣ бесѣдовалъ долго съ Василіемъ, при другѣ его Григоріѣ, который не менѣе Кесаря усладенъ былъ его небесною бесѣдою.

Съ тѣхъ поръ смягчилось повсемѣстно гоненіе, хотя

самъ Василій еще дважды ему подвергался. Уже, по проискамъ Аріанъ, испуганныхъ его благимъ вліяніемъ, запряжена была колесница, чтобы везти въ изгнаніе великаго мужа, когда внезапная болѣзнь, постигшая въ ту же ночь младенца царскаго, заставила Валента прибѣгнуть къ мольбамъ осужденнаго. Василій сталъ на молитву и исцѣлилъ, но съ условіемъ, чтобы младенецъ былъ отданъ въ наученіе православнымъ; Кесарь измѣнилъ слову, и сынъ его, окрещенный Аріанами, опять занемогъ и скончался. — Огорченный отецъ хотѣлъ снова подписать приговоръ изгнанія, но перо сокрушилось въ рукахъ его; онъ оставилъ въ мирѣ Василія и удалился изъ Кесаріи. Бывшій гонитель Модестъ самъ получилъ также исцѣленіе молитвами Святителя, и сдѣлался оттолѣ его искреннимъ другомъ. И другаго епарха, дерзнувшаго возстать противъ святаго, за то что укрылъ благородную вдовицу отъ его насилія, смирилъ кротостію своею Василій. Мучитель велѣлъ снять съ него мантію для большаго безчестія, Василій же предложилъ ему и хитонъ свой и, грозившему разтерзать его желѣзными когтьми, спокойно сказалъ: «много мнѣ сдѣлаешь добра, если вырвешь печень мою, которая часто меня безпокоитъ.» Между тѣмъ граждане, узнавъ объ опасности своего пастыря, вооруженною силою пришли спа-

сти его; тогда въ свою чреду принужденъ былъ смириться епархъ, и Василій спасъ его отъ ярости народной.

Другое, тяжкое огорченіе, постигло великаго Святителя: по зависти подчиненныхъ ему епископовъ и особенно Анѳима Тіанскаго, отняли у него половину эпархіи, когда указомъ царскимъ область Каппадокійская раздѣлилась, и Тіана сравнена была съ Кесаріею. Анѳимъ утверждалъ, что управленіе духовное должно соображаться съ гражданскимъ, и сталъ мѣшаться въ дѣла церковныя, присвоивая себѣ права архіепископскія и созывая самовольно на областные соборы обольщенныхъ имъ епископовъ; съ своей стороны Василій, чувствуя какое зло можетъ произвести такое неумѣстное раздѣленіе, посреди общаго колебанія въ вѣрѣ, старался всѣми мѣрами оградиться отъ притязаній Анѳима, выборомъ и умноженіемъ епископовъ своей области. Уже младшій братъ его, Св. Григорій, святительствовалъ въ Ниссѣ Каппадокійской; Василію желательно было рукоположить и знаменитаго друга Григорія въ малый городокъ Сазимы, на рубежѣ новой церковной области Анѳима, и съ трудомъ могъ онъ убѣдить его принять епископскій санъ; Григорій отговаривался жаждою уединенія и непріятностію мѣста, спорнаго между двумя эпархіями; воля Василія, предпочитавшаго благо об-

щественное частной дружбѣ, и воля престарѣлаго отца превозмогли; но Григорій не могъ вступить въ управленіе своей паствы, по сопротивленію Анѳима. Тогда опять, возвратившись въНазіанзъ, раздѣлилъ онъ бремя правленія съ столѣтнимъ родителемъ до его скорой кончины, которую оплакалъ въ присутствіи друга, краснорѣчиво изобразивъ всѣ пастырскія и домашнія добродѣтели благочестиваго старца, въ надгробномъ словѣ. Утѣшивъ нѣсколько своимъ пребываніемъ церковь Назіанзскую, до избранія новаго пастыря, онъ удалился въ пустыню Изаврійскую, искать въ безмолвіи того душевнаго мира, которымъ не давали ему насладиться люди и заботы; но его отшельничество не продолжилось, ибо ему надлежало возсіять скоро на свѣщникѣ Царяграда.

Расположеніе къ иночеству не оставляло Василія и на каѳедрѣ епископской; онъ собралъ вокругъ себя монашествующихъ, въ Кесаріи и въ окрестностяхъ, чтобы ихъ примѣромъ могла назидаться паства, и строго наблюдалъ за исполненіемъ даннаго имъ устава, предупреждавшаго грѣхопаденія самыми подробностями келейной жизни. Столько же радѣлъ онъ и о клирикахъ обширной эпархіи, и требовалъ отъ хорепископовъ вѣрнаго списка всѣхъ низшихъ служителей церкви, иподіаконовъ, чтецовъ, заклинателей, привратниковъ, за-

прещая принимать ихъ безъ своего согласія, потому, что священники и діаконы иногда позволяли себѣ избирать ихъ самовольно и тѣмъ вводили въ клиръ людей недостойныхъ. Такая внимательность пастыря очистила нравы его духовенства, и многіе изъ сосѣднихъ епископовъ прибѣгали къ нему просить себѣ пресвитеровъ и даже преемниковъ на свои каѳедры; а нищіе и странные стекались со всѣхъ окрестностей въ обширную богадѣльню, устроенную имъ на подобіе города, въ предмѣстіяхъ Кесаріи; долго послѣ него славилась она подъ именемъ Василіады, гдѣ всякаго рода немощи находили врачеваніе.

Подвизаясь дѣятельно, не оставлялъ Василій назидать и словомъ, не только свою паству, но и сосѣднихъ епископовъ, особенно Св. Амфилохія Иконійскаго, связаннаго съ нимъ и съ Григоріемъ узами дружбы, и противъ собственнаго желанія избраннаго народомъ на каѳедру Иконіи. По его просьбѣ написалъ онъ книгу о Духѣ Святомъ, въ коей ясно излагалъ исхожденіе божественное отъ Отца и прославленіе съ Сыномъ, и говорилъ о важности преданій, противъ тѣхъ, которые полагали, что можно основываться въ догматахъ на одномъ священномъ писаніи.

Для Амфилохія изложилъ онъ также, въ трехъ пос-

ланіяхъ, признанныхъ каноническими всею Церковію, многія правила покаянія и разрѣшенія падшихъ въ различные грѣхи, съ опредѣленіемъ срока эпитиміи, судя по степени вины и раскаянія, и заботился о церквахъ, которыя осиротѣли во время гоненій. Услышавъ, что Св. Евсевій сосланъ, онъ написалъ утѣшительное посланіе гражданамъ Самосатскимъ, которые показали столько участія своему пастырю.

Жалуясь на равнодушіе западныхъ, и намекая на неумѣстное превозношеніе Папы Дамаза, великій святитель упрекалъ и восточныхъ за недостатокъ взаимной любви, или за потворство ереси. Обличительныя письма его къ епископамъ поморскимъ и къ церкви Неокесарійской, вмѣстѣ съ собственною апологіею противъ Евстаѳія, странствовали съ діаконами его по всей малой Азіи, сохраняя общеніе между православными; надъ нимъ сбывались слова псалма: «падетъ отъ страны твоя тысяча и тма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приближится.» Казалось Провидѣніе хранило его только для того, чтобы подъ сѣнію великаго мужа Церкви, дать прейти бурѣ Аріанской, вмѣстѣ съ ея виновникомъ Валентомъ, которому опредѣлена была преждевременная кончина.

Мужественный защитникъ Церкви преставился вскорѣ послѣ Валента, претерпѣвъ до конца тяжкую бурю

и управивъ кормило церковное въ тихую пристань. Когда исповѣдники стали возвращаться на свои каѳедры, Василій отошелъ въ небесную родину посреди общаго о немъ плача. Народъ тѣснился къ его останкамъ, больныя искали исцѣлиться прикосновеніемъ къ его одеждѣ, какъ нѣкогда къ Апостольской ; рыданія заглушали пѣсни церковныя, язычники и Евреи смѣшались съ вѣрными. Приближенные его утѣшались тѣмъ, что были въ числѣ его присныхъ; нѣкоторые старались подражать ему въ одеждѣ, пищѣ и поступи, въ самой блѣдности его лица и медленномъ произношеніи. Творенія его читались въ домахъ, и церквахъ, къ назиданію духовныхъ и мірянъ; имъ удивлялись и самые язычники.— Три похвальныя слова произнесены были, въ различное время, въ честь великаго Святителя, знаменитыми мужами Церкви: Ефремомъ Сиряниномъ и двумя близкими его сердцу Григоріями, братомъ и другомъ, безутѣшными о его преждевременной кончинѣ. Благодарная же Церковь скоро причла Василія къ лику святыхъ своихъ заступниковъ и стала совершать память его блаженной кончины, ибо онъ былъ и при жизни вселенскимъ учителемъ и залогомъ ея мира.

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

КЪ

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ.

Ph. Berger del.t Imp. par Thierry Frères à Paris

Chapelle de S.t Bruno
près la Grande Chartreuse de Grenoble.

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ.

Нѣтъ ничего свойственнѣе человѣку, какъ желаніе видѣть лично мѣста и предметы, близкіе сердцу, драгоцѣнные по сопряженнымъ съ ними воспоминаніямъ. Это необходимое слѣдствіе двойственнаго устройства нашей природы, состоящей сколько изъ души, столько и изъ тѣла, которое имѣетъ свою законную долю во всѣхъ нашихъ движеніяхъ, потребностяхъ и наслажденіяхъ. Блаженны увѣровавшіе, не видя, возлюбившіе, не вкушая! Но сто кратъ блаженнѣе тѣ, которымъ судьба даруетъ счастіе видѣть очами то, что наполняетъ мысль, лобызать устами то, къ чему стремится сердце! . .

Въ настоящее время, рѣдки, слишкомъ рѣдки становятся не только примѣры, но и порывы къ благочестивымъ странствованіямъ въ тѣ «Мѣста», которыя запечатлѣны именемъ «Святыхъ», по ихъ непосредственному соприкосновенію съ тѣмъ, что дѣйствительно всего святѣе на землѣ — съ религіею! Сіонъ, Іерусалимъ, Іорданъ, Виѳлеемъ — часто-ли слышатся въ разсказахъ и воспоминаніяхъ очевидцевъ, часто-ли возбуждаютъ къ себѣ любопытное участіе, жажду быть ихъ очевидцами? Между-тѣмъ, не льзя сказать, чтобы нынѣшній вѣкъ былъ тяжелѣе на подъемъ, чтобы мы болѣе любили домосѣдничать, меньше имѣли расположенія къ дальнимъ путешествіямъ. Нынѣ тучи пилигримовъ носятся во всѣхъ концахъ земнаго шара, скитаются по морямъ и сушѣ, восходятъ на неприступныя горы, спускаются въ недосягаемыя пропасти. Ничто не пренебрегается ихъ жаднымъ любопытствомъ: всякая естественная рѣдкость, малѣйшій слѣдъ достопамятнаго событія, влекутъ къ себѣ посѣтителей и поклонниковъ. Все для нихъ занимательно, все драгоцѣнно, все свято — кромѣ того, что дѣйствительно, что собственно и исключительно «свято»!

Не такъ было въ старыя добрыя времена, когда благочестивое религіозное одушевленіе, полное дѣвственной

чистоты и юношескаго жара, владычествовало надъ всѣми прочими увлеченіями, интересами, страстями. Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ было тогда лучшею мечтою жизни, которой лелѣялись дѣти, восхищались юноши, надъ которой истощали свою дѣятельность мужи, о которой сѣтовали и воздыхали старцы. Въ тяжкомъ утомительномъ странствованіи, какимъ признавалась тогда вся земная жизнь, оно считалось отраднѣйшею, утѣшительнѣйшею прогулкою; тѣмъ-болѣе что въ продолженіе ея открывались безпрерывные виды на вожделѣнный предѣлъ всѣхъ трудовъ и лишеній настоящаго бытія, на небесную отчизну свѣтлой блаженной вѣчности.

Съ самаго начала христіанства, Палестина, земля сбывшихся наконецъ обѣтованій, предуставленныхъ отъ сложенія міра, сдѣлалась для Христіанъ «Святою-Землею». Три первые вѣка по рожденіи Спасителя въ ясляхъ Виѳлеемскихъ, протекли какъ вообще для всей Церкви Христовой, такъ преимущественно для Святой-Земли, служившей ей колыбелью, въ непрерывныхъ бѣдствіяхъ, подъ бурями губительнаго опустошенія, подъ гнетомъ тяжкихъ гоненій. Падающее язычество, опираясь на тиранское міровластительство Рима, истощило всю свою ярость надъ священными памятниками юной вѣры,

грозившей ему близкой и невозвратной гибелью. Проливая кровь мучениковъ, оно не щадило мѣстъ, освященныхъ безцѣнною кровью божественнаго подвигоположника ихъ смерти, начальника и совершителя ихъ воскресенія. Въ Іерусалимѣ, у котораго отнято было самое имя, на Голгоѳѣ и Сіонѣ, обезчещенныхъ мерзостью кумировъ, сглажены были всѣ слѣды высокихъ событій Евангелія. Но вѣра хранила объ нихъ несокрушимое воспоминаніе: она лобызала ихъ втайнѣ, омывая слезами Іереміи, оплакивая рыданіями Рахили. Посреди тяготѣвшаго надъ ними мрака бѣдствій, ученики и послѣдователи Христовы свѣтло смотрѣли въ даль будущности, озаренную непреложными пророчествами божественнаго учителя. Они знали, что скоро настанетъ время, когда Крестъ возсіяетъ міру всею своею славою, и слава его прольется на мѣста, гдѣ онъ нѣкогда воздвигся символомъ поруганія, гдѣ нынѣ лежалъ во прахѣ, преданный беззащитно остервенѣнію злобнаго нечестія.

И оно не укоснило притти, это благословенное время! На міродержавномъ престолѣ Римскихъ Августовъ возсѣлъ Монархъ, склонившій смиренно свою главу предъ знаменіемъ Креста, даровавшимъ ему единовластительство Вселенной. Съ Константиномъ началась новая эпоха

для Христіанства, и съ тѣмъ-вмѣстѣ новый періодъ для Святой-Земли.

Извѣстно, что равноапостольная мать равноапостольнаго Константина, Св. Елена, въ то время какъ Кесарь своей державной рукой утверждалъ на незыблемыхъ основаніяхъ всемірное торжество Христіанства, взяла себѣ какъ-бы въ исключительный удѣлъ Святую-Землю, освященную стопами ногъ Христовыхъ. Ей принадлежитъ, послѣ трехъ вѣковаго запустѣнія, вторичное можно сказать созданіе—открытіе, возстановленіе и украшеніе Святыхъ Мѣстъ на всемъ пространствѣ Палестины. Какъ-будто уплачевая тяжкій долгъ праматери Евы, она, со всей нѣжностью и горячностью женскаго сердца, преслѣдовала земную жизнь Богочеловѣка, удостоившаго родиться отъ жены, дабы стереть главу соблазнившаго жену змія. Для всеобщаго благоговѣнія христіанскаго міра, она отъискала всѣ слѣды, пріурочила всѣ воспоминанія обоихъ завѣтовъ спасенія: Ветхаго, столько же какъ и Новаго. Жены-Мироносицы послѣднія оплакали смерть и первыя привѣтствовали воскресеніе Христово. Жена Порфироносная послѣдняя плакала надъ развалинами и первая возвѣстила славное возстановленіе святой колыбели Христіанства.

Съ-тѣхъ-поръ, Святая-Земля повлекла къ себѣ торже-

ствующихъ поклонниковъ Креста со всѣхъ концевъ міра, оглашенныхъ благовѣстіемъ Евангелія. Чудное, глубоко-трогательное и съ-тѣмъ-вмѣстѣ высокопоучительное зрѣлище, представляли эти несмѣтныя полчища пилигримовъ, приливавшія къ данно-развѣнчанному граду Давида и Соломона отвсюду: съ раскаленныхъ песковъ Ливіи и съ снѣжныхъ сугробовъ Скиѳіи, отъ подножія Пирамидъ и изъ-подъ навѣса грубыхъ олтарей взгроможденныхъ Друидами, изъ простыхъ шатровъ и шалашей дикихъ, первобытныхъ народовъ, и изъ пышныхъ, великолѣпныхъ городовъ Греціи и Италіи, представительницъ высшаго современнаго развитія всемірной цивилизаціи! Самый Римъ, тогда центръ и глава Вселенной, видѣлъ безпрерывно пустѣющими свои колоссальные дворцы, свои роскошныя виллы, ради гробной пещеры, скрывавшейся во глубинѣ дебрей Палестинскихъ! Сколько маститыхъ старцевъ сбрасывали съ себя достоинства и титла, которыми гордились Фабіи и Сципіоны, оставляли свои курульныя кресла, и бодро вооружались смиреннымъ посохомъ странниковъ! Сколько величавыхъ матронъ, не уступавшихъ въ санѣ и родѣ Корнеліямъ и Метелламъ, въ богатствѣ и знаменитости Ливіямъ и Агриппинамъ, добровольно разставались съ окружающей ихъ роскошью и нѣгою, съ наслажденіемъ пускались въ

дальній скорбный путь, и не рѣдко оставались навсегда при ясляхъ Виѳлеема, подъ маслинами и смоковницами Элеона, во глубинѣ Юдоли-Іосафатовой или на пустынныхъ берегахъ Іордана! Среди развалинъ нынѣшняго Рима, на вершинѣ горы Авентинской, сохраняется донынѣ память великолѣпныхъ палатъ Сенатора, сынъ котораго, святимый Церковью подъ именемъ Алексія Человѣка-Божія, во цвѣтѣ юности, роскошествующій всѣми надеждами земнаго счастія, исторгся изъ дѣвственныхъ объятій страстно любимой невѣсты, тайно оставилъ пышный кровъ родительскихъ чертоговъ, прошелъ подъ бѣднымъ рубищемъ пилигрима до Святыхъ Мѣстъ, и тамъ, почерпнувъ новыя силы къ самоотверженію, воротился домой умереть, послѣ долговременнаго превитанія, у воротъ принадлежавшаго ему дворца, въ глазахъ безутѣшно рыдавшей избранницы его сердца, неузнаннымъ, изъ состраданія призираемымъ, нищимъ! . .

Когда неисповѣдимыя судьбы Промысла допустили постепенно слабѣть и слабѣть державному скипетру Кессарси въ рукахъ недостойныхъ преемниковъ Константина; когда, за умноженіе беззаконій, какъ чувствовали и не стыдились сознаваться сами тогдашніе Христіане, снова отъялась слава отъ Сіона, и Земля—Святая, послѣ многихъ превратностей и колебаній, впала въ

руки враговъ имени Христова: ревность къ ней не только не охладѣла, но напротивъ возгорѣлась съ новою, усугубляемою препятствіями, силою. Цѣной неимовѣрныхъ лишеній и трудовъ, цѣной постыднаго уничиженія, тяжкихъ страданій и мукъ, а иногда и самой жизни, покупалось счастіе видѣть и облобызать Святый Гробъ, пройти по скорбному пути Голгоѳы, поклониться смиреннымъ яслямъ Виѳлеема. Наконецъ, мѣра терпѣнія истощилась. Христіанская Европа поколебалась до основанія, изъ края въ край, и опрокинулась всею своею тяжестью на враждебную Кресту Азію. Кто не знаетъ этой дивной, великолѣпной поэмы, наполнявшей собою длинный періодъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, подъ именемъ Священныхъ-Войнъ, или, еще обыкновеннѣе, «Крестовыхъ-Походовъ»! Посохъ пилигрима и мечъ крестоносца, съ равнымъ рвеніемъ хватала рука, носящая скипетръ, и рука, водящая рало. Богачи расточали свое богатство, бѣднякъ жертвовалъ послѣдней лептой, чтобъ итти за моря и горы, отбивать грудью у невѣрныхъ вѣтку съ утесовъ Элеона или съ береговъ Іордана. Во глубинѣ своихъ неизслѣдимыхъ совѣтовъ, Провидѣніе не восхотѣло, чтобы этотъ порывъ Христіанства, къ сожалѣнію допустившій омрачить себя нечистою примѣсью земныхъ страстей и

расчетовъ, увѣнчался вожделѣннымъ успѣхомъ. Но въ исторіи міра страница Крестовыхъ-Походовъ осталась и останется навсегда самою поэтическою страницею! . .

Съ поэзіей Крестовыхъ-Походовъ не кончился энтузіазмъ къ Святой-Землѣ въ душахъ Христіанскихъ. Долго еще теплился онъ, вспыхивая болѣе или менѣе яркими проблесками, посреди сгущавшихся мраковъ эгоизма, сомнѣнія и равнодушія. Не погасъ онъ совершенно и нынѣ. Еще видимъ мы Шатобріановъ и Ламартиновъ, удаляющихся отъ бурнаго шума современной жизни въ пустынныя дебри Палестины, чтобы освѣжить себя, чтобы почерпнуть новыя силы, новую божественную поэзію вѣры и надежды, въ святой купели Силоама! Еще изъ вѣщихъ устъ вдохновенныхъ избранниковъ раздаются надъ скромной вѣткой паломника, исполненные сочувствія, привѣты:

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?

Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана,
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Илъ пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны? . .

. . . .

Заботой тайною хранима
Передъ иконою святой,
Стоишь ты вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрной часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой . . .
Все полно мира и отрады,
Вокругъ тебя и надъ тобой! —

Поздо загорѣлись на нашей родной землѣ святые лучи Христіанства. Поздо, сравнительно съ другими народами, Русь вняла и покорилась спасительному благовѣстію Евангелія. Но благое начало положено было въ добрый часъ. Первыя искры мгновенно вспыхнули, запылали. Едва вышедши изъ купели Крещенія, едва отряхнувъ слѣпоту грубаго язычества, наша Русь является уже въ полномъ смыслѣ «Святой Православной Русью»! . .

Самымъ принятіемъ Христіанства земля Русская обязана была путешествію на Востокъ, въ страну Святыхъ Мѣстъ: Св. Ольга, «денница спасенія нашего» (по прекрасному выраженію древняго лѣтописца), сама ходила въ Царьградъ. Послы, отправленные Владиміромъ для личнаго наблюденія святынь Христіанства, по свидѣтельству нѣкоторыхъ преданій, кромѣ Царяграда, проникали въ глубину Православнаго Востока до Іерусалима.

Если вѣрить другимъ преданіямъ, сохраняющимся въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ, то во времена «Краснаго-Солнышка» Великаго-Князя Владиміра, пилигримство, безъ-сомнѣнію по сродству своему съ богатырскою отважностью и предпріимчивостью, быстро вошло въ нравы Русскихъ, и уже составляло характеристическую черту тогдашней народной жизни. Есть цѣлая огромная легенда про «сорокъ каликъ со каликою» («каликами» называются у насъ и по-сю пору убогіе странники, скитающіяся по богомольямъ), какъ они снаряжались

Ко святому граду Іерусалиму . . .
Святой святынѣ помолитися,
Господню Гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной Ризой утеретися . . .

вѣры этимъ обломаннымъ, обезображеннымъ сказаніямъ; но нельзя не признать въ нихъ отголоска глубокой старины. Имя Василья Буслаевича, носившаго санъ Посадника въ Новгородѣ, упоминается въ лѣтописяхъ около средины XII вѣка: и въ тожъ время лѣтописцы замѣчаютъ, что изъ Новгорода хаживали на богомолье къ Святымъ Мѣстамъ многочисленныя вооруженныя дружины. Если легенду о Буслаевичѣ есть возможность прикрѣпить къ исторіи: то почемужъ отказать въ томъ и легендѣ о «каликахъ» ласковаго Князя Владиміра! . .

Но оставимъ сумрачную область преданій. Въ нашей старинѣ, нѣтъ недостатка въ похожденіяхъ ко Святымъ Мѣстамъ, оставившимъ по себѣ вполнѣ достовѣрныя, неопровержимыя свидѣтельства.

Въ началѣ XII столѣтія, во дни княженія въ Кіевѣ Святополка-Михаила, правнука Владиміра Равноапостольнаго, ходилъ ко Святымъ Мѣстамъ нѣкто Даніилъ, Русскій Игуменъ, отъ котораго дошло до насъ любопытное описаніе совершеннаго имъ путешествія: «*Книга глаголемая* Странникъ».

«Се азъ недостойный Игуменъ Даніилъ» — пишетъ нашъ первый Паломникъ — «смиренъ сый грѣхи многими, недоволенъ сый о всякомъ дѣлѣ блазѣ, понуженъ мыслею своею, нетерпѣніемъ своимъ восхотѣхъ видѣти

святый градъ Іерусалимъ, и землю обѣтованную, и Мѣста Святыя, благодатію Божіею съ миромъ доходихъ, и очима своими видѣхъ Святая Мѣста вся, обходихъ всю ту землю обѣтованную, идѣже Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама... Да се списахъ путь сей и Мѣста сіи Святая, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко добро сотворивъ что на пути имъ: не буди то! ничтоже бо не сотворихъ добра на пути семъ. Но, любы ради Святыхъ мѣстъ сихъ, списахъ все, еже видѣхъ очима своима грѣшныма, дабы не забывати было то, еже ми показа Богъ недостойному видѣти... Да и се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы се кто, слышавъ о Мѣстѣхъ сихъ Святыхъ, потщался душею и мыслію ко Святымъ симъ Мѣтамъ, и равну мзду симъ пріиметъ съ ходившими до Святыхъ Мѣстъ»... Вотъ побужденія и причины, увлекшія благочестиваго странника въ путь столь дальній и тяжкій!..

Даніилъ, какъ видно, мужъ съ крѣпкою волею и свѣтлымъ умомъ, глубоко набожный и съ тѣмъ-вмѣстѣ жадно любознательный, совершилъ свое путешествіе, по собственному его выраженію, «не вборзѣ», но медленно и внимательно. «А се», говоритъ онъ, «то путь вборзѣ нельзя ходити, но по тиху людскомъ!» Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ пробылъ тамъ шестнадцать мѣсяцевъ,

чтобы приготовиться къ обозрѣнію и «испытанію» Святыхъ Мѣстъ. Не щадилъ онъ ни усилій, ни издержекъ, чтобы запастись всѣми нужными предварительными свѣдѣніями. И вотъ Богъ далъ ему «налѣзти въ Лаврѣ (Св. Саввы) мужа свята, и книжна вельми», который полюбилъ нашего Паломника, и не только показалъ ему всѣ святыни Іерусалима, но проводилъ его по всей Палестинѣ. «до моря Тиверіадскаго, и до Ѳавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Іордана». Съ такимъ «добрымъ вожемъ», съ такимъ радушнымъ и свѣдущимъ чичероне, Даніилъ прошелъ Святыя Мѣста, словно съ свѣтильникомъ, который освѣщалъ для него все, встрѣчавшееся на пути, поучительными воспоминаніями. Сверхъ того, онъ умѣлъ найти доступъ и войти въ милость къ тогдашнему Королю Іерусалимскому Бальдуину, брату знаменитаго Готфрида, Агамемнона первой рати Крестоносцевъ, воспѣтаго Гомеромъ Среднихъ Вѣковъ, Тассомъ. Подъ охранительнымъ кровомъ предводительствуемаго имъ самимъ войска, шедшаго на Дамаскъ, пилигримъ нашъ совершилъ труднѣйшую часть своего странствованія, отъ Іерусалима до источниковъ Іорданскихъ, до подошвы Ливана: путь, которымъ, какъ говоритъ самъ Паломникъ, «инъ никтоже во малѣ дружинѣ можетъ проити». Въ ожиданіи возвращенія Короля съ войскомъ

изъ похода, Даніилъ исходилъ всю землю Галилейскую, сопровождаемый тѣмъже свѣдущимъ и усерднымъ спутникомъ, который былъ здѣсь свой, потому-что жилъ тутъ прежде цѣлыя тридцать лѣтъ. Неудивительно, что при стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, странникъ нашъ имѣлъ полное право восклицать изъ глубины признательной души: «Да что воздамъ Господеви о всѣхъ, еже возда ми грѣшному видѣти столько добра!» . . .

И онъ точно видѣлъ всю величественную, извѣчную исторію Библіи, всѣ божественныя событія Евангелія, въ живыхъ, осязаемыхъ памятникахъ! . . . Кратко и просто, но тѣмъ-не-менѣе увлекательно, описываетъ онъ испытанныя имъ ощущенія. При первомъ видѣ Іерусалима, онъ ограничивается общимъ замѣчаніемъ о восторгѣ, объемлющемъ путниковъ, которые видятъ себя наконецъ достигшими вожделѣнной цѣли: «Бываетъ же тогда радость всякому Христіанину велика, увидѣвшему градъ святый Іерусалимъ; никтоже бо можетъ не прослезитись, видѣвши землю желанную, и Мѣста Святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія, походи; и идутъ пѣши съ радостію великою ко святому граду Іерусалиму». Въ этихъ немногихъ строкахъ видна вся глубокая истина великолѣпной картины, начертан-

ной творческой рукой Тасса, когда онъ изобразилъ первый взглядъ крестоносной рати на священные столпостѣны Сіона. Гораздо подробнѣе описывается Даніиломъ посѣщеніе Іордана. Это описаніе тѣмъ еще особенно примѣчательно, что путникъ Русскій, посреди столь великихъ воспоминаній, поглощавшихъ все существо его, не забывалъ о своей родной землѣ, напротивъ находилъ удовольствіе въ сравненіи съ нею, съ ея сѣверной наготой и скудостью, высокихъ красотъ созерцаемой имъ природы. «Іорданъ рѣка течетъ быстро, берега же имать объ-онъ-полъ прекрутые, оттолѣ пологи. Вода же его мутна, и сладка вельми пить, и нѣсть сыто піющимъ ту воду святую. Всѣмъ есть подобенъ Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ, и въ ширину, и въ глубину: лукарево-жь вельми и быстро течетъ, болоніе имать, такожь яко Соснова рѣка, во глублѣ есть четыре сажень среди самыя купели. Яко самъ собою искусихъ, измѣрихъ, пребрадихъ на ону страну Іордана, и много походихъ по брегу тому Іорданову любовно. Въ ширѣ жъ Іорданъ рѣка, яко на устье ко Сосновѣ рѣцѣ. Есть же по сей странѣ рѣцѣ купѣли тоя, яко лѣсокъ малъ, древіе многи и превысоки по брегу Іорданову, яко вербѣ подобны; но нѣсть верба. И выше купѣли, есть лозіе многи по брегу Іорданову; но нѣсть яко лоза наша, но инака. . . То ви-

дѣхъ вес очима своима грѣшныма. Сподобижь мя Богъ трижды быти на Іорданѣ, и въ самый праздникъ Водокрещенія быхъ на Іорданѣ со всею дружиною моею. Видѣхомъ благость Божію, приходившую на воду Іорданскую. И множество народа безъ числа тогда приходятъ къ водѣ, со свѣщами; и всю ту нощь бываетъ пѣніе изрядно, свѣщемъ безъ числа горяще. Въ полунощи же бываетъ крещеніе водѣ. Тогда бо Духъ Святый исходитъ на воды Іорданскія. Достойніи же человѣцы видятъ добрѣ, како выходитъ Духъ Святый; а вси народы не видятъ: но токмо радость и веселіе всякому человѣку бываетъ тогда въ сердцѣ, егда погрузятъ Крестъ Честный и егда рекутъ: «Во Іорданѣ крещающутися, Господи»! Тогда вси людіе вскочатъ въ воду Іордана, крестящеся во Іорданстѣй рѣцѣ, якожь Христосъ съ полунощи крестился есть отъ Іоанна» . . . Какая трогательная и умилительная, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ какая искренняя и правдивая картина! . . Въ другой разъ, Даніилъ описываетъ свое пребываніе на морѣ Тиверіадскомъ, еще простодушнѣе, и тѣмъ еще увлекательнѣе. «Море же Тевиріадское обходчиво яко озеро; водажь его сладка яко въ рѣкѣ, не слана пить, добра бо есть зѣло. Въ длину есть море то пятьдесятъ верстъ, а въ ширину есть двадесять верстъ. Рыбыжь въ немъ много суть;

«и есть же рыба въ немъ одна чудна, ту-жъ рыбу лю-«билъ самъ Христосъ. Сладка бо та рыба, паче всякія «рыбы: образомъ есть яко короп-рыба. И ядохомъ бо «ту рыбу мы, грѣшнія не единою но многожды, ту бу-«дучи». . . .

Даніилъ былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ чуднаго схожденія Свѣта на Святый Гробъ въ великій день Воскресенія Христова. И здѣсь расказъ его имѣетъ также всю прелесть скромной, безпритворной, ничего не уменьшающей и ничего не прибавляющей, истины. «Се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему, Даніилу иноку! Видѣхъ бо очима своима грѣшныма *по истинѣ*, како сходитъ Свѣтъ Святый ко Гробу животворящему Господа нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи странници не право глаголютъ о схожденіи Свѣта Святаго. Иніи бо глаголють, яко Духъ Святый голубемъ сходитъ ко Гробу Господню; а другіи бо глаголютъ, яко молнія сходитъ съ небеси, и тако вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. То есть лжа и неправда! Ничтоже бо тогда видѣти: ни голубя, ни молніи. Но *тако невидимо* сходитъ съ небеси благодать Божія, и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ» . . . . Чтобы не затеряться въ несмѣтномъ множествѣ стекшихся на праздникъ богомольцевъ, нашъ

путешественникъ обратился опять къ своему вѣнценосному покровителю, Королю Бальдуину. Но послушаемъ лучше его самаго: «Тогда азъ худый и недостойный идохъ, въ Пятницу Великую, въ первомъ часу дни, ко Князю Балдуину, и поклонихся ему до земли. Онъ же, видѣвъ мя поклонившась, призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: «Что хощеши, Игумене Русскій? «Позналъ бо мя бяше добрѣ, и любяше мя вельми, яко-жъ бяше мужъ благъ, и смиренъ вельми, и не гордится нимало.» (Лестная похвала памяти брата Готфридова, изъ устъ безпристрастнаго чужеземца!) «Азъ же рекохъ къ нему:» Княже мой, Господине! молю ти ся, Бога дѣля и Князей дѣля Русскихъ: хотѣлъ-быхъ и азъ поставити кандило свое на Гробѣ Святѣмъ Господнемъ отъ вся Русскія Земли, и за вся Князи наши, и за вся Христіане Русскія Земли!» И тогда Князь съ радостію повелѣ ми поставити кандило, и посла со мною мужа своего, слугу лучшаго, ко Иконому Святаго Воскресенія, и къ тому, ижъ держить Гробь Господень.»... Снабженный столь могущественнымъ ходатайствомъ и предстательствомъ, путникъ Русскій проникъ въ завѣтную глубину Гробной Пещеры, и самъ, своими руками, поставилъ «кандило Русское» на средѣ Святаго Гроба Господня. На другой день, въ Великую Субботу, въ шес-

тый часъ дня, собралось предъ церковью Воскресенiя Христова «безчисленно многое множество людей: отъ всѣхъ странъ пришельцы и туземцы, отъ Вавилона, и отъ Антiохiи, и отъ всѣхъ странъ.» Въ седьмомъ часу, самъ Балдуинъ съ своею дружиною вышелъ изъ палатъ своихъ ко Гробу Господню, босой и пѣшiй, какъ и весь народъ. Тѣснота была такъ велика, что Король принужденъ былъ приказать силою очистить ссбѣ путь къ дверямъ церковнымъ. А нашъ Данiилъ былъ возлѣ него, по его милостивому приглашенiю. Въ церкви, Король сталъ на своемъ державномъ мѣстѣ, «на десной странѣ, у преграды Великаго Олтаря»: Данiила же велѣлъ «поставити высоко, надъ самыми дверьми Гробными, противу Великаго Олтаря, яко дозрѣти бяше льзѣ во двери Гробныя». Началось священнослуженiе Вечерни, предшествующей Литургiи въ Великую Субботу, по чину Восточному. И «Латины», говоритъ нашъ Паломникъ, «въ Велицѣмъ Олтарѣ начаша верещати свойскы: азъ же, ту стоя, прилежно зряхъ къ дверемъ Гробнымъ». Чудо наконецъ совершилось. «Внезапу возсiя Свѣтъ во Гробѣ Святѣмъ, и изыде блистанiе страшно и свѣтло изъ Гроба Святаго Господня». Православный Епископъ, отворивъ двери Гробныя, зажегъ первую свѣчу для Короля, который принялъ ее, какъ замѣчаетъ Паломникъ,

«съ радостію великою». Отъ той свѣчи, засвѣтилось море огней во всей церкви. Народъ восклицалъ, въ упоеніи святаго восторга, такъ-какъ прежде взывалъ въ сладкомъ трепетѣ упованія: «Господи помилуй!» Радость и веселіе всѣхъ были несказанны. «Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день,» говоритъ нашъ Даніилъ, «той не имать вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи. Обаче вѣрніи добріи человѣцы вельми вѣруютъ и въ сласть послушаютъ сказанія сего о святынѣ сей. Вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть; а злу человѣку истинна крива есть!» . . . .

Не смотря на то, что эпоха путешествія Даніилова была самая благопріятная странствованію по Святымъ Мѣстамъ, и онъ самъ, какъ можно видѣть изъ собственныхъ его словъ, не нуждался въ способахъ: оно стоило ему однако многихъ трудовъ и лишеній. Надо было часто бороться, если не съ людьми, то съ дикостью природы, уже прошедшей сквозь вѣки запустѣнія. Вотъ что путникъ нашъ говоритъ о восхожденіи своемъ на Ѳаворъ: «Есть же та гора каменна вся, и лѣсти на ню трудно и бѣдно добрѣ; есть бо по каменію лѣсти на ню, руками держась, путь тяжекъ, едва на ню взлѣзохомъ: полѣзши же отъ третьяго часа дни, до девятаго, и борзо идучи, едва взыдохомъ на самый

верхъ горы тоя святыя!» Между-тѣмъ, совершивъ свое странствованіе, онъ забываетъ всѣ понесенныя трудности, преодолѣнныя препятствія, и радостно восклицаетъ: «Не видѣхъ зла ничтоже на пути; ни болѣзни въ тѣлѣ не чулхомъ нимало: но всегда яки орелъ тѣломъ облегчаемъ, Божіею благостію укрѣпляемъ, яко олень крѣпко ходихъ, безъ всякаго труда и безъ лѣности.» И это было не хвастовство въ устахъ смиреннаго инока, который тутъ же, въ слѣдъ, прибавляетъ: «Аще похвалитися подобаетъ, то силою Христа моего похвалюся: сила бо моя въ немощахъ свершается, глаголетъ Павелъ Апостолъ». Въ заключеніе же снова взываетъ, отъ полноты благодарной Богу души: «Что воздамъ Господеви моему о всѣхъ, яже воздастъ мнѣ грѣшному рабу своему, яко сподоби мя толику благодать видѣти и походити по Святымъ Мѣстамъ тѣмъ и исполнити ми желанное сердца моего, егоже есмь не надѣяхся видѣти, и то яви ми рабу своему»... Такова была тогда сила вѣры, блистательно совершавшаяся въ немощахъ!...

Даніилъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ совершилъ свое благочестивое странствованіе «во княженье Русскаго Великаго Князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича Кіевскаго.» Что онъ былъ въ то время на Святой Землѣ истиннымъ представителемъ

родной Русской Земли, съ краснорѣчиво-трогательной простотой высказываетъ заключеніе его путническаго сказанія. «Богъ тому послухъ и Святый Гробъ Господень», говоритъ онъ, «яко во всѣхъ сихъ Мѣстахъ Святыхъ не забылъ именъ Князей Русскихъ, и Княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни Епископъ, ни Игуменовъ, ни Болярь, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ Христіанъ, ни колиже не забылъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь. И первое покланялся есмь за Князи и за всѣхъ, потомъ о своихъ согрѣшеніяхъ помолился есмь. И о семъ благаго Бога похвалю, яко сподобилъ мя худаго написати имена Князей Русскихъ у Святаго Саввы въ Лаврѣ, и нынѣ поминаются во октеньи. Сеже имена ихъ: Михаилъ Святополкъ, Василій Владиміръ» (знаменитый Мономахъ!) «Давидъ Всеславичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій Ярославъ Святославичъ, Андрей Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій. Только семь вспомянулъ именъ, до все-то вписалъ есмь, опричъ всѣхъ Князей Русскихъ и Болярь у Гроба Господня. Во всѣхъ мѣстѣхъ отпѣхомъ литургіи всѣхъ девятьдесять, за Князи, и за Бояре, и за дѣти мои духовныя, и за вся Христіане, за живыя и за мертвыя!...

Въ одно время съ Даніиломъ, находились въ Іерусалимѣ многіе «Русскіе сынове, приключившееся тогда, и

Новгородцы и Кіяне: Седеславъ Ивановичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича два, и иніи мнозіи». Значитъ хожденіе во Святую Землю было уже тогда благочестивымъ обычаемъ, распространеннымъ по всей Землѣ Русской, отъ Днѣпра до отдаленнаго Волхова.

Вскорѣ послѣ Даніила, въ началѣ второй половины XII вѣка, является въ Іерусалимѣ, въ ряду странниковъ, пришедшихъ на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, уже высокая дщерь свѣтлыхъ Русскихъ Князей, царственная дѣва отъ крови Великаго Равноапостольнаго Владиміра, С. Княжна Полоцкая Евфросинія. Внука грознаго, могучаго Всеслава, долго гремѣвшаго славой дѣлъ своихъ въ звучныхъ пѣсняхъ «соловьевъ стараго времени», правнука гордой Рогнеды, надменно отказавшейся «разуть сына рабыни», хотя этотъ сынъ рабыни готовился уже быть Самодержцемъ всей Земли Русской: она забыла все, отреклась отъ своего происхожденія и сана, раздала все наслѣдіе свое церквамъ, и, въ убогой ризѣ инокини, пустилась въ дальній путь, на тяжкое странствованіе, въ Святую Землю. Кесарь и Патріархъ благоговѣйно склонились предъ столь дивнымъ смиреніемъ. С. Евфросинія достигнула предѣла своихъ желаній, и у подножія Гроба Господня обрѣла послѣднее вѣчное успокоеніе. Она скончалась, по сказаніямъ лѣтописцевъ,

въ Іерусалимѣ: въ монастырѣ, который назывался «Русскимъ», безъ-сомнѣнія отъ того, что былъ составленъ изъ иноковъ Русскихъ. Такъ велико было уже тогда усердіе нашихъ предковъ ко Святымъ Мѣстамъ, что они, при всей своей любви къ родинѣ, оставались тамъ дожидаться переселенія въ отчизну небесную! Путешествіе С. Евфросиніи, Игуменьи Русской, также сохранилось до нашихъ временъ, какъ и странствованіе Даніила, Игумена Русскаго.

Но не будемъ перечислять даже и тѣхъ изъ нашихъ древнихъ соотчичей, которые, по слѣдамъ этой первой четы Русскихъ Паломниковъ, не только обозрѣли, но и оставили намъ описанія видѣнныхъ ими святынь. Число ихъ не оскудѣвало до послѣднихъ временъ. Остановимся только на одномъ изъ нихъ, который, не дальше какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, двадцать-пять лѣтъ жизни посвятилъ трудному пѣшехожденію по Святымъ Мѣстамъ и принесъ съ собой огромную и любопытную книгу, къ сожалѣнію извѣстную только въ тѣсномъ кругу любителей старинныхъ нравовъ и стариннаго чтенія. Это Кіевлянинъ, Василій Григоровичъ-Барскій-Плака-Альбовъ.

— «Елико не откровенна есть премудрость Божія, толико не домыслимъ Его о смертныхъ промыслъ и смотрѣніе: *Егоже судьбы суть бездна многа,* яко же опытомъ я въ себѣ позналъ. Никогда-же помышляющу мнѣ ходити по толикимъ далекимъ странамъ, понести и подъяти толь великіе труды, освободиться отъ множества бѣдъ и посѣтити многія святостію прославленныя мѣста; зрѣти-же и описати различныя страны и грады, изрядныя зданія и преславные монастыри, пустыни, скиты, церковные чины, житія и дѣянія народовъ, мною зримыхъ, паче-же знаменитыхъ мужей, и иныя достопамятныя и достохвальныя вещи: обаче сподоби мя вселенныя зиждитель!»... Такъ начинаетъ Барскій описаніе своего путешествія, или лучше своей жизни: ибо вся жизнь его протекла въ путешествіи!...

Барскій родился въ Кіевѣ, въ 1701 году, отъ православной Русской фамиліи, выѣхавшей изъ подлежавшаго тогда Польшѣ городка Бара (что нынѣ въ губерніи Подольской), ради гоненія отъ Поляковъ на Православіе. По особенной охотѣ къ ученью, обнаруживавшейся въ немъ издѣтства, онъ поступилъ въ Кіевскія Латинскія Школы, находившіяся при знаменитой въ то время Кіевской Академіи, и прошелъ въ нихъ курсъ наукъ до Риторики и до началъ Философскихъ. Это было при Ре-

кторахъ Академіи: славномъ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Сильвестрѣ Пиковскомъ и Іосифѣ Волчанскомъ.

Отецъ Василія занимался купеческимъ промысломъ. Былъ онъ, какъ говоритъ Василій, «книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ Церковномъ пѣніи: мужъ аще и благоговѣенъ, но нравомъ простъ, видя въ ученыхъ излишнее преніе, гордость, упрямство, славолюбіе, зависть и прочіе обыкновенные имъ пороки» (не слишкомъ лестное мнѣніе для «ученыхъ»!), «и мня, яко отъ науки имъ сія бываютъ, а не отъ самовольнаго произволенія» (спасибо по-крайней-мѣрѣ хоть за это добродушное извиненіе!), «тщался всячески воспятить» любознательность сына. Но мать стояла за юношу; и, по обычаю всѣхъ семействъ, удержала на своей сторонѣ побѣду. По несчастію, при достиженіи уже началъ философскихъ, у ретиваго къ наукѣ юноши разболѣлась нога. Эта болѣзнь, отъ неискуства врачей грозившая сдѣлаться неизлѣчимою, принудила его перервать совершенно ученье. Василій предавался отчаянію: какъ вдругъ несчастіе обратилось для него въ счастье.

Одинъ изъ его сверстниковъ и соучениковъ, по имени Іустинъ Линницкій (братъ бывшаго въ послѣдствіи Епископа Суздальскаго, потомъ Коломенскаго, и наконецъ Астраханскаго, Варлаама Линницкаго), вознамѣ-

рился отправиться въ Львовъ или Лембергъ, для совершенія высшаго курса наукъ, по существовавшему тогда обычаю взаимнаго общенія между Академіями. Василій захотѣлъ быть ему спутникомъ, надѣясь между-прочимъ скорѣе и излѣчиться тамъ отъ своей болѣзни. По счастію, отецъ его находился тогда въ отсутствіи, по своимъ купеческимъ дѣламъ. Мать, склонившись на неотступныя просьбы, дала ему свое благословеніе. И такимъ образомъ, 20 Іюля 1723 года, юный Барскій оставилъ родительскій домъ и землю отечественную, имѣя двадцать-два года отъ роду.

По прибытіи въ Львовъ, оба товарища, съ началомъ 1724 года, вступили въ тамошнюю Іезуитскую Академію, скрывъ свое происхожденіе и—главное—вѣру. Тайна ихъ однако скоро была проникнута соучениками. Изъ шалости-ли, или по ненависти, которую Русскіе Уніаты и Католики питали къ своимъ Православнымъ единоплеменникамъ, они составили подложное письмо будто-бы отъ родителей Іустина и Василія, которые назвались братьями подъ однимъ именемъ Барскихъ. Письмо, перехваченное самимиже составителями, было доставлено въ руки Префекта Академіи; и тотъ, торжественною «эксклюзіею», изгналъ постыдно обоихъ товарищей, при-

личившихся, по выраженію Іезуита, «волками отъ лѣсовъ Кіевскихъ».

Хотя, въ слѣдствіе ходатайства и заступленія тогдашняго Русскаго Епископа во Львовѣ Аѳанасія Шептицкаго, въ которомъ Унія не заглушила сочувствія къ своимъ единоплеменникамъ, срамъ «эксклюзіи» вскорѣ былъ заглаженъ вторичнымъ принятіемъ изгнанниковъ въ Академію: но это отняло у нихъ охоту оставаться долѣе въ безпрерывномъ страхѣ новаго открытія и горшихъ бѣдствій. Подумали, погадали: и оба юноши, подстрекнутые примѣромъ знакомаго имъ молодаго Уніатскаго Священника Протанскаго, который отправлялся въ Римъ на богомолье, рѣшились пристать къ нему и итти тудаже. Сказано, и сдѣлано. 25 Апрѣля 1724 года, они облеклись въ одежды пиллигримовъ, по обычаю католическому, и оставили Львовъ. У Липницкаго были деньги. Но Барскій, выѣхавшій изъ родительскаго дома на-легкѣ и не получавшій съ-тѣхъ-поръ отъ упрямаго отца никакого пособія, пустился, какъ говорятъ Русскіе, «на Божью власть.»

Всѣ три пилигрима отправились пѣшкомъ, располагая путь свой чрезъ Венгрію, куда вступили, перебравшись не безъ затрудненій черезъ утесы и пропасти Бешкида: такъ называется сѣверо-восточный уголъ ам-

фитеатра Карпатскаго, раздѣляющій нынѣ Галицію отъ Венгріи. Въ Кошицахъ (Кашау) оставилъ ихъ Священникъ Протанскій, «стыдясь», какъ говоритъ Барскій, быть съ ними въ сообществѣ и «въ дружбѣ»: «зане онъ богатъ, мы же скудны быхомъ». Линницкій тоже не рѣдко бросалъ своего товарища, который, не имѣя ровно ничего, былъ и его «скуднѣе». Однако они сходились потомъ опять; Такимъ-образомъ, черезъ Эгеръ (Эрлау) Буду (Офень) и Юръ (Раабъ), добрались они вмѣстѣ до Вѣны. Тутъ, въ праздникъ Тѣла Господня, они видѣли, въ знаменитой донынѣ процессіи, Императора Карла VI, отца Маріи-Терезіи.

Изъ Вѣны, наши путники, чрезъ Стирію и Каринтію, пришли въ Венецію; а оттуда, черезъ Падую, Феррару, Болонью, Римини, Пезаро и Фано, слѣдуя берегомъ моря, дошли до Анконы и до Лоретто Здѣсь рѣшились они, вмѣсто прямаго пути на Римъ, предварительно посѣтить городокъ Баръ или Бари въ Южной Италіи, славный перенесенными туда изъ Смиръ-Ликійскихъ мощами Св. Николая Чудотворца. Они оправились туда берегомъ Адріатики, путемъ скорбнымъ и тяжкимъ. Уже подъ самымъ Баромъ, съ Барскимъ случилось несчастіе: онъ потерялъ свои путевыя свидѣтельства. Это не помѣшало ему однако побывать въ Барѣ. Но,

на возвратномъ оттуда пути, онъ рѣшился остановиться въ городкѣ Бирлетто, близъ котораго случилась потеря. Ему не хотѣлось лишиться свидѣтельствъ совершеннаго имъ странствованія, безъ которыхъ, какъ онъ самъ говоритъ, путешественникъ тоже, что «человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ крылъ, древо безъ листьевъ, которыя «перегрину чрезъ все житіе его единымъ утѣшеніемъ суть». Въ слѣдствіе сдѣланной публикаціи, бумаги отыскались, но вдали отъ городка. Надо было дожидаться. Линницкій не раздѣлялъ поэзіи чувствъ своего спутника. Онъ соскучился, и бросилъ Барскаго одного въ Барлетто, въ то время какъ на него напала еще, къ довершенію несчастія, жестокая лихорадка. Съ тѣхъ-поръ, товарищи уже не сходились. Судьба Линницкаго осталась неизвѣстною: Барскій слышалъ только по прибытіи въ Римъ, что Іустинъ былъ въ Римѣ и отправился назадъ оттуда въ свое отечество.

«Се тако искренній другъ мой и спутникъ сотвори!» пишетъ въ своихъ запискахъ Барскій. «Се познася братняя любовь, и явися христіанское помилованіе! Гдѣ оный непремѣнный искренняго глаголъ? Гдѣ оное шляхетное товарища слово? Гдѣ оная твердая клятва, еже другъ друга не оставити, аще бы и въ падежѣ смертномъ? Се глаголъ премѣнися, слово запреся, клят-

ва же разрушися и потребися! Тогда азъ озверхохъ на Господа печаль свою, и помянухъ Пророческiя слова: *яко и ближнiи мои отдалече меня сташа!* И егда пренемогаше духъ мой отъ обдержащiя мя болѣзни и скорби, помянухъ Бога и возвеселихся. И тогда на мнѣ сбышася Давидовы глаголы: *скорбь и болѣзнь обрѣтохъ, и имя Господне призвахъ!*»...

Одинъ-одинехонекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный языкъ Латинскiй, котораго не разумѣетъ простой народъ въ Италiи, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, отправился Барскiй по пути къ Неаполю, какъ-скоро получилъ свои драгоцѣнныя свидѣтельства. «Идохъ же», пишетъ онъ, «горящимъ (отъ зноя) краемъ, съ великою нуждою на всякъ день... множицею валяяся при пути на полѣ пустомъ и на знoѣ солнечномъ, стражда, тресяся и паляся, не имѣя ни капли воды омочити языкъ свой, овоже при аустерiяхъ, си-есть корчмахъ дорожнихъ, лежай, и не имѣя за что купити пищи или питiя, едва съ нуждою единаго хлѣба испросити могъ; понеже не знаяхъ ихъ нарѣчiя, и къ тому не смѣяху ко мнѣ близжитися да не прiидетъ болѣзнь на нихъ: видяху бо мя не имуща своего друга, и различно о мнѣ помышляху, понеже тамо безъ дружбы (то-есть — безъ сообщества, безъ товарищества) не приходятъ путницы, развѣ аще

кто отъ близкой страны есть.» Такъ дотащился онъ до городка Трои, гдѣ его, изъ христіанскаго состраданія, прибрали въ Больницу для Бѣдныхъ. Но онъ пролежалъ тутъ только три дня. Строгая діета, предписанная врачемъ, испугала его больше самой болѣзни. «Въ малѣ не изчезохъ», говоритъ онъ въ простотѣ своей, «отъ малоястія: наипаче же жажды ради; понеже, кромѣ единой чаши при обѣдѣ и второй при ужинѣ, ни въ дни, ни въ нощи, ниже капли воды даяху, повелѣніемъ врача.» Напрасно удерживали его въ Больницѣ, обѣщая скорое выздоровленіе, если онъ будетъ исполнять всѣ врачебныя предписанія, и угрожая вѣрною смертью, если онъ уйдетъ изъ Больницы. Нашъ Барскій не послушался: вышелъ еле живой изъ города: нашелъ на дорогѣ родникъ холодной, какъ ледъ, воды, «яко человѣкъ единымъ дохновеніемъ пить ея не можетъ, понеже зубы терпѣти не могутъ; бросился съ жадностію,—пилъ, пилъ — и выздоровѣлъ совершенно!... Истинный человѣкъ Русскій, хотя и прошелъ — въ двухъ Академіяхъ до началъ Философскихъ!...

Благополучно послѣ того дошелъ онъ до Неаполя, и потомъ до Рима. Здѣсь пробылъ онъ двадцать дней, которые употребилъ на обозрѣніе достопримѣчательностей и святынь столицы Западнаго Христіанства. Не

нашедши никого, къ кому-бы пристать, опять одинъ, отправился онъ отсюда черезъ Витербо и Флоренцію, назадъ въ Венецію, куда и прибылъ безъ особенныхъ приключеній, къ началу осени 1721 года.

Въ Венеціи, онъ нашелъ себѣ пріютъ при Греческой Православной церкви, по доброхотству единовѣрцевъ. Ему не хотѣлось возвращаться назадъ старою дорогою, которой трудности увеличивались для него незнаніемъ языковъ Нѣмецкаго и Венгерскаго. Намѣреніе его было итти чрезъ Южно-Славянскія земли: чрезъ Далмацію, Сербію и Булгарію. Но въ Далмацію, и далеко и трудно было пробираться сухопутно. Всего лучше было ѣхать моремъ; а между тѣмъ наступала зима. Нашъ пилигримъ долженъ былъ, волею-неволею, остаться въ Венеціи; но чтобъ не жить въ праздности, сталъ учиться по-Гречески въ находящемся при церкви училищѣ. Жилъ онъ въ состоявшей при той-же церкви богадѣльнѣ, гдѣ сожители его, грубые, невѣжественные нищіе, смѣялись надъ его школьными занятіями, называли его «премудрымъ Соломономъ», дѣлали ему разныя другія «пакости», такъ-что даже «множицею книжицы и писаніе школьное вметаху въ огонь, и прочая неугодная творяху:» «азъ же», говоритъ нашъ путникъ, «иногда сваряхся, иногда же на Господа воз-

вергая печаль мою, молящи, да той мя препитаетъ и по печали дастъ радость». Такъ наступилъ 1725 годъ. При началѣ весны, случай свелъ его на площади Св. Марка съ соотечественникомъ, Рувимомъ Гурскимъ, урожденцемъ изъ Острога (что нынѣ въ губерніи Волынской, а тогда былъ еще подъ Польшею), проведшимъ потомъ всю жизнь свою внутри Россіи, въ чинѣ иноческомъ, въ разныхъ послушаніяхъ, достигшимъ наконецъ сана Архимандрита Тихвинскаго монастыря, но въ 1720 году, по соприкосновенности къ дѣлу Царевича Алексія Петровича, котораго онъ былъ любимецъ, бѣжавшимъ изъ Россіи, и съ-тѣхъ-поръ обѣщавшимся «путешествовать по свѣту, посѣщающи Святыя Мѣста дотолѣ», какъ онъ говорилъ, «донележе таковое обрящу мѣсто, идѣже бы мя токмо единъ знаяше Богъ и азъ Его». Сошедшись, они положили не разставаться, и вмѣстѣ отправиться въ Грецію, а потомъ — до Іерусалима, и далѣе, «аможе аще ни случатся.» Нашлись добрые люди, которые выхлопотали имъ мѣстечко на одномъ кораблѣ, отъѣзжавшемъ изъ Корфу. Такъ наши новые друзья и отправились.

Кое какъ, однимъ именемъ Христовымъ, изъ Корфу до Кефалоніи, изъ Кефалоніи до Занта, а потомъ дальше съ острова на островъ, пробрались они наконецъ до

Хіо. Это было уже въ Августѣ 1725 года. Здѣсь случился въ то время Іерусалимскій Патріархъ Хрисанѳъ, собиравшій милостыню на Гробъ Господень. Оба путника явились къ нему за благословеніемъ и совѣтомъ. Патріархъ объявилъ имъ, что нельзя и думать о путешествіи въ Іерусалимъ, не имѣя у себя по меньшей мѣрѣ по 100 левовъ на брата, что, по тогдашнему курсу, составляло около 60 руб. сер. А у нихъ обоихъ, всей казны, собранной отъ подаяній, не было и на третью долю такой суммы. Нечего было дѣлать. Съ общаго согласія, рѣшились удовольствоваться посѣщеніемъ Святой Аѳонской Горы, которая находилась по сосѣдству. Тамъ Гурскій располагался остаться навсегда; а Барскій, совершивъ поклоненіе, намѣревался воротиться на родину. Но, замѣчаетъ весьма добродушно послѣдній, «добрѣ воистинну, аще и въ Латинскомъ нарѣчіи, присловіе повѣствуетъ: homo proponit, deus disponit,» то-есть, переводитъ онъ же самъ, *«человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ!»* Гурскій, уже дряхлый старецъ, внезапно заболѣлъ еще въ Хіо, и умеръ. Барскій снова остался одинъ, и одинъ отправился въ Аѳонъ, черезъ Солунь (Салоники).

Въ Аѳонѣ нашъ странникъ провелъ весь остатокъ 1725 и встрѣтилъ 1726 годъ. Онъ обходилъ всѣ тамош-

ніе монастыри, жилъ преимущественно въ монастырѣ С. Пантелеймона, называемомъ Русскимъ, гдѣ въ то время были еще монахи изъ Русскихъ, впрочемъ не болѣе какъ въ числѣ двухъ. Съ великою [illegible] собрался онъ оттуда выѣхалъ въ Солунь, гдѣ прожилъ до Сентября, нашелъ случай вмѣстѣ [illegible] на кораблѣ, везшемъ поклонниковъ въ Святую Землю. Въ концѣ тогоже мѣсяца онъ вышелъ на Палестинскій берегъ въ Яфѣ, присоединился къ каравану богомольцевъ, и — наконецъ достигъ до Іерусалима! . .

Призрѣнный въ странноприимномъ Патріаршемъ Монастырѣ Іерусалимскомъ, нашъ путешественникъ прожилъ тамъ до Пасхи 1727 года, ровно полгода. Въ это время, онъ выходилъ всѣ окрестности С. Града, былъ на Іорданѣ и на Мертвомъ-Морѣ, посѣтилъ Виѳлеемъ и неоднократно живалъ по-долгу въ знаменитой Лаврѣ С. Саввы. 10 Апрѣля 1727, въ Понедѣльникъ Ѳоминъ, выбрался онъ, опять съ караваномъ богомольцевъ, изъ Іерусалима въ Яфу.

Ему хотѣлось непремѣнно видѣть Синай; и потому онъ помѣстился въ кораблѣ, отправлявшемся въ Даміетту. Но корабль прибило бурею къ острову Кипру. Нашъ Барскій принялъ за Божіе повелѣніе, предварительно воздать должное поклоненіе Святымъ Мѣстамъ обрѣтающим-

ся въ Кипрѣ. «Онъ остался здѣсь, и провелъ три мѣсяца, странствуя по городамъ и монастырямъ. Наконецъ, взялъ онъ себѣ опять мѣсто на кораблѣ до Александріи; но, по прибытіи въ Александрію, узнавъ, что Патріарха Александрійскаго здѣсь нѣтъ, а находится онъ въ Каирѣ, тутъ же пересѣлъ въ другое судно, и отправился Ниломъ въ Каиръ.

Въ Каирѣ встрѣтилъ онъ 1728 годъ. Въ Синай, куда стремились его желанія, не было никакой возможности итти, по причинѣ разрыва и ссоры, возникшей между Синайскими монахами и Бедуинами окружныхъ пустынь. Не смотря на то, Барскій рѣшился поставить на своемъ, во что бы то ни стало. Въ началѣ весны, онъ пустился, черезъ Суэзъ, въ Раиѳу: тамъ взялъ тайно себѣ проводника Араба, и въ-тихомолку прокрался, чрезъ непроходимыя тропинки, сквозь пустыню и горы, до самыхъ стѣнъ монастыря. Монахи сидѣли въ немъ, запертые кругомъ. Они никакъ не хотѣли принять къ себѣ пришельца, боясь мести Бедуиновъ, которые поклялись не пропускать никого ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Нашъ путешественникъ объявилъ, что онъ остается подъ стѣнами монастырскими, провелъ тамъ ночь, и на другой день отпустилъ назадъ своего проводника, съ которымъ монахи убѣждали его воротиться

назадъ. Этотъ день просидѣлъ онъ также неотступно подъ стѣнами, отвѣчая монахамъ, которые прогоняли его съ угрозами, что, по словамъ Евангелія, *«толкующему отверзается.»* Кончилось тѣмъ, что старцы, тронутые такимъ самоотверженіемъ, ночью сбросили ему лѣстницу, по которой онъ перебрался черезъ стѣны, и вошелъ въ монастырь. Здѣсь онъ провелъ цѣлую недѣлю, не оставивъ, при всѣхъ опасностяхъ, обозрѣть и внѣ монастыря Святыя Мѣста, прославленныя воспоминаніями Моисея и С. Великомученицы Екатерины. Монахи, прежде такъ непривѣтливые, теперь угощали его весьма доброхотно, и съ собственнымъ проводникомъ отправили наконецъ обратно въ Раиѳу.

Отсюда нашъ путешественникъ снова воротился въ Каиръ; а оттуда рѣшился ѣхать назадъ моремъ въ Сирію, чтобы посѣтитъ невиданныя имъ еще мѣста Святой Земли, именно Галилею. Онъ сѣлъ на корабль въ Даміеттѣ, и вышелъ на берегъ въ Саидѣ (древнемъ Сидонѣ). Отсюда, не оставляя обозрѣвать всѣ достопримѣчательныя обители и церкви въ окрестностяхъ, онъ прошелъ берегомъ Средиземнаго Моря, черезъ Бейрутъ, до Триполя. Потомъ, пустился по предгоріямъ Ливана, наполненнымъ монастырями Маронитовъ, восходилъ до черты знаменитыхъ кедровъ Ливанскихъ,

посѣщалъ развалины Бельбека (древняго Геліополя и оттуда прошелъ въ Дамаскъ, нынѣшнюю столицу Антіохійскихъ Патріарховъ. Православнаго Пастыря, носившаго этотъ высокій санъ, онъ не нашелъ в ту пору въ Дамаскѣ, за то, въ одномъ изъ монастыре Ливанскихъ, имѣлъ случай встрѣтиться съ Католическимъ или Уніатскимъ Патріархомъ Кирилломъ, мужем ученымъ, долго жившимъ въ Римѣ, который съ нашим пилигримомъ «имѣлъ преніе о догматахъ вѣры». Изъ Дамаска, черезъ Хемсъ (древнюю Эмесу) и Хаму (древнюю Епифанію), прошелъ онъ въ Лаодикію, потом въ Антіохію. Намѣреваясь пройти сухимъ путемъ, черезъ Малую Азію, до Царя-Града, онъ поднялся отсюда, все берегомъ, въ Александретту и въ Баясъ (древній Никополь). Но, схвативъ жестокую лихорадку, уклонился отъ моря, и углубился внутрь земли, до Алеппо Здѣсь однако не нашелъ онъ себѣ пріюта; почему возротился назадъ, опять въ Хаму, въ окрестностяхъ которой встрѣтилъ новый 1729 годъ.

Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, путешественникъ нашъ, еще не совсѣмъ укрѣпленный въ силахъ, но бодрый духомъ, предпринялъ къ Пасхѣ вторичное пѣшехожденіе въ Іерусалимъ. На этотъ разъ, онъ шелъ уже другою дорогою, изъ Бейрута, куда онъ

воротился снова, черезъ горы, обитаемыя Друзами, черезъ Назаретъ и Самарію. Взявъ Пасху въ С. Градѣ и посѣтивъ еще разъ окрестности до Виѳлеема, онъ воротился прежнимъ путемъ на Яфу: откуда направилъ путь свой въ Акру или Птолемаиду. Отселѣ, вторично посѣтилъ Назаретъ, и потомъ прошелъ всю древнюю Галилею, до источниковъ Іордана: всходилъ на Ѳаворъ и Кармилъ, посѣтилъ остатки Каны, видѣлъ Гору Блаженствъ и мѣсто благословенія Пяти Хлѣбовъ. Съ Кармила спустился онъ снова въ Акру, и оттуда въ третій разъ пришелъ въ Триполь.

Сердце путника уже жаждало воротиться въ давно покинутую отчизну. Онъ видѣлъ все, чего желалъ видѣть. Царь-градъ, святилище Восточнаго Православія, гдѣ онъ еще не былъ, лежалъ ему по пути въ Россію. Но Промыслъ расположилъ иначе.

Въ Триполѣ было Греческое Православное Училище, основанное тогдашнимъ Патріархомъ Антіохійскимъ Сильвестромъ, преимущественно для противоборства усиліямъ Уніи, сначала въ Алеппѣ, а потомъ ради гоненія, перенесенное въ Триполь. Дидаскалъ, или Профессоръ Училища, Іеромонахъ Іаковъ, безъ сомнѣнія замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, уговорилъ его остаться при Училищѣ, чтобы подъ его

руководствомъ, усовершенствоваться въ Эллино-Греческой литературѣ и вообще въ Богословскихъ наукахъ по разуму Восточной Церкви. Барскій остался, и провелъ въ ученіи цѣлые десять мѣсяцовъ, съ Августа 1729 по Іюнь 1730 года. Въ это время, частію по собственнымъ дѣламъ, частію же по дѣламъ Дидаскала, которыхъ онъ впрочемъ не объясняетъ, сдѣлалъ онъ вторичное путешествіе моремъ въ Египетъ до Каира, гдѣ вторично насладился ласковымъ пріемомъ Православнаго Александрійскаго Патріарха Козьмы. На возвратномъ оттуда пути, присталъ онъ вторично къ Александріи, и въ это время обозрѣлъ тщательно ея знаменитыя развалины: причемъ, пишетъ самъ, скопировалъ нѣсколько гіероглифическихъ знаковъ съ надписей. Воротясь обратно въ Триполь, онъ провелъ здѣсь, продолжая прежнія занятія, еще восемь мѣсяцовъ, до лѣта 1731 года.

Снова потребовалъ Дидаскалъ отправить своего ученика на островъ Патмосъ, гдѣ была его родина и гдѣ находилось въ то время славное во всемъ Архипелагѣ Православное Училище, подъ начальствомъ Старца Макарія, Іеродіакона саномъ, но образованностью и святою жизнію превосходившаго всякую похвалу, по свидѣтельству нашего путника. Барскій достигъ Патмоса, приставая по пути къ островамъ Родосу, Самосу, Косу и

леро, которыхъ достопримѣчательности были имъ тщательно осмотрѣны и описаны. Кончивъ на Патмосѣ свои порученія, которыя кажется касались тогдашнихъ успѣховъ Уніи въ Сиріи, онъ снова воротился въ Самосъ, гдѣ между святыми памятниками христіанскими, незабылъ посѣтить горы, носящія имя Пиѳагоровыхъ. Отсюда, переѣхалъ онъ на Хіо, гдѣ былъ уже прежде, и гдѣ похоронилъ спутника своего Гурскаго Здѣсь встрѣченъ имъ былъ 1732 годъ. Съ весною, воротился онъ опять въ Самосъ, для свиданія съ Патріархомъ Сильвестромъ, котораго благодѣяніями пользовался въ Триполѣ, не имѣвъ дотолѣ счастія видѣть его лично. Затѣмъ, снова отправлялся въ Патмосъ, оттуда въ Александрію, и уже къ концу года, черезъ Дамаскъ, воротился въ Триполь къ своему Дидаскалу.

Съ началомъ 1733 года, открылась въ Триполѣ чума. Въ слѣдствіе того, Патріархъ Сильвестръ, возвратившійся наконецъ на свой патріаршескій престолъ въ Дамаскъ, перевелъ туда Училище изъ Триполя, и съ Дидаскаломъ Іаковомъ, и съ нашимъ Барскимъ. Между тѣмъ, усиливающееся стѣсненіе Православія отъ Уніи потребовало другаго назначенія для Дидаскала, который былъ вмѣстѣ отличный проповѣдникъ; почему и посланъ былъ Патріархомъ во всѣ предѣлы его духовнаго упра-

вленія для укрѣпленія колеблющейся Паствы. Барскому, котораго ученыя занятія чрезъ то прекратились, нечего было дѣлать. Онъ началъ просить благословенія у Патріарха для отправленія въ Патмосъ, гдѣ хотѣлъ продолжать свой курсъ высшаго ученія у Старца Макарія. Патріархъ никакъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и въ день новаго 1734 года, въ тезоименитство Барскаго, посвятивъ его предварительно въ Иподіакона, постригъ собственными руками въ монашескій санъ, оставивъ при немъ прежнее имя Василія. Но новый Василій остался также непреклоненъ въ своемъ желаніи, какъ и старый. Произнесши предъ Патріархомъ, сложенныя имъ самимъ, на Эллино-Греческомъ языкѣ, похвальное слово С. Василію и благодарственную рѣчь къ самому Патріарху, онъ испросилъ у него разрѣшенія оставить Дамаскъ и Сирію, чтобы довершить то, чему положено уже столь благое начало.

Впрочемъ, вѣрный своему главному призванію пилигрима, нашъ путешественникъ не хотѣлъ оставлять Сиріи, не осмотрѣвъ въ ней всего, что можно было видѣть. Для того онъ отправился снова къ верховьямъ Іордана, и оттуда проникнулъ до Харрана въ Мессопотаміи, отечества Авраама. Тамъ онъ обнаружилъ плоды новаго обширнѣйшаго направленія своей любознательности

описавъ тщательно развалины памятниковъ, воздвигнутыхъ языческою святынею, и сдѣлавъ переводы съ найденныхъ тамъ надписей, очевидно языческихъ. Потомъ, на возвратномъ пути въ Дамаскъ, присоединившися къ каравану Мусульманскихъ Хаджіевъ, возвращавшихся изъ Мекки, съ которыми вмѣстѣ ухитрился пробраться, неузнанный, въ главную мечеть Дамаска, нѣкогда знаменитую церковь, подвергая опасности жизнь свою въ случаѣ открытія. Затѣмъ, собравшись совсѣмъ въ путь, занемогъ горячкою. Но и это не остановило его въ принятомъ намѣреніи. Едва оправясь, пустился онъ въ Триполь, откуда намѣревался ѣхать въ Патмосъ: но, не нашедши корабля, рѣшился ѣхать покамѣстъ въ Кипръ. Здѣсь Архіепископъ, узнавъ свѣдѣнія его въ Латинскомъ языкѣ, который и самъ разумѣлъ, но мало, убѣдилъ его остаться на зиму при себѣ, для преподаванія Латинскаго языка ученикамъ находившагося при немъ Православнаго Греческаго Училища и для собственнаго своего съ нимъ занятія. Барскій остался.

Наступилъ 1735 годъ: и 10 апрѣля, на Святой Недѣлѣ, постигло Кипръ ужасное землетрясеніе, за которымъ слѣдовало нѣсколько другихъ, а за нимъ всеобщее бѣдствіе и моръ. Паническій страхъ объялъ всѣхъ

жителей острова. Все бѣжало, куда зря: въ пустыни и въ горы. Самъ Архіепископъ удалился изъ своего престольнаго города Левкосіи въ одинъ дальній монастырь. И нашъ Барскій взялъ опять свой пилигримскій посохъ, и пошелъ бродить по острову, который исходилъ изъ конца въ конецъ, странствуя около пятнадцати мѣсяцовъ, до Августа 1736 года, когда наконецъ «укорабляся» къ цѣли своихъ желаній, въ Патмосъ; достигъ же туда не прежде какъ къ самому концу 1736 года.

Старецъ Макарій, котораго наставленіями жаждалъ онъ воспользоваться, найденъ былъ имъ на одрѣ смертномъ, и въ началѣ 1737 года скончался. Преемникъ его по Училищу, Іеромонахъ Герасимъ, мужъ также обширной учености, по свидѣтельству Барскаго, тоже вскорѣ занемогъ, и переѣхалъ сначала въ Смирну, потомъ на островъ Кандію, гдѣ и преставился. Училище начало упадать. Ученики разошлись. Но Барскій, какъ будто уставши странствовать, оставался тамъ безвыходно, и пробылъ цѣлые шесть лѣтъ и четыре мѣсяца, по Сентябрь 1743 года. Въ продолженіи этого времяни, онъ вытерпѣлъ здѣсь всѣ ужасы развившейся по острову чумы, въ слѣдствіе которой прервались всѣ сообщенія между жителями. Тоску четырехъ-мѣсячнаго затвора въ тѣсной и мрачной конуркѣ, которую самъ онъ назы-

валъ «погребцомъ», нашъ герой разсѣявалъ сочиненіемъ Латинской Грамматики для Грековъ, имѣя въ виду не столько школьное, сколько популярное употребленіе, «съ расположеніемъ», говоритъ онъ, «необычнымъ и съ удобопонятнымъ сокращеніемъ, елико можно, изъ неяжъ можетъ всякъ Грекъ, аще и несовершенъ грамматикъ, изучитися совершенно грамматикѣ Латинской.» Жаль, что этотъ трудъ нашего соотчича, хотя составленный и не для насъ, погибъ въ неизвѣстности! Остальное время, онъ посвящалъ наставленію дѣтей туземцевъ, уча ихъ по-Гречески читать, писать, и даже грамматикѣ. Замѣчательно, что за этотъ трудъ отъ родителей учениковъ онъ не получалъ не только никакого вознагражденія, но ниже благодарности. «Прейдоша чрезъ руки мои больше десяти учениковъ», говоритъ онъ: «но никтоже ми возблагодари отъ родителей ихъ, точію три. Сеже чудно есть, яко единаго священника мірскаго сына, отрока, изучихъ лѣпо писати съ великимъ прилежаніемъ: иже не точію не даде ми мзды, но и обезчести мя таковыми злословными словами, каковыхъ азъ отъ рожденія своего не слышахъ; еще же и Туркомъ предати мя устращеваше, бѣ бо тогда брань велія между Туркомъ и Россійскимъ народомъ, во время Императрицы Анны Іоанновны.» Что же на это

нашъ подвижникъ? «Азъ же», говоритъ онъ, «видѣхъ и уразумѣхъ, яко ненавистный добру врагъ діаволъ вся сія содѣйствоваше, да изженетъ мене отъ благословеннаго онаго острова, и сотворитъ пакость и препятіе въ полезномъ моемъ поученіи; обаче Божіею помощію вся претерпѣхъ, поминающи слово Его святое: *Блажени есте, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще!*»—Въ самомъ дѣлѣ, уча продолжалъ онъ постоянно учиться; и кромѣ Эллино-Греческой Литературы, прошелъ Логику и даже, какъ самъ онъ выражается, «полъ-Физики.»

Наконецъ терпѣніе нашего путника и труженика вознаградилось. Слухъ объ немъ дошелъ въ Константинополь, къ тамошнему Императорско-Россійскому Резиденту, Статскому Совѣтнику Вѣшнякову. Вдругъ бѣдный монахъ Патмосскій получаетъ отъ столь важнаго и сильнаго лица лестное письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Царьградъ, и при немъ султанскій фирманъ на свободный проѣздъ и всѣ средства къ путешествію. Какъ вдругъ все перемѣнилось въ отношеніи къ нему! Гдѣ прежде едва удостоивали взора убогаго пилигрима, тамъ нынѣ склонялись предъ нимъ во прахъ, чая покровительства и заступленія. На пути въ Константинополь, путешественникъ нашъ посѣтилъ и описалъ раз-

валины древняго Эфеса, называемаго нынѣ Кусадаси, гдѣ также интересовался уже не одними священными, но и классическими воспоминаніями древности.

Резидентъ принялъ своего гостя чрезвычайно благосклонно и ласково. Въ началѣ 1744 года, онъ доставилъ ему удовольствіе быть въ своей свитѣ при торжественномъ посѣщеніи Великаго Визиря. Нашего пилигрима, вмѣстѣ съ прочими, по Турецкому обычаю, пожаловали при этомъ случаѣ «кавадою», или особаго рода шубою, которую и надѣли на него съ честію въ палатахъ Визирскихъ. «Тогда помянухъ въ себѣ», говоритъ простодушно и трогательно нашъ странникъ, «яко многажды мя бусурмане въ странствованіи моемъ совлекоша отъ одеждъ даже до крайняго хитона; нынѣ же, Божіимъ смотрѣніемъ и благополучнымъ случаемъ, одѣяша мя!» Да! это было сладко вспомнить!...

Четыре мѣсяца жилъ Барскій въ Константинополѣ, во дворцѣ Резидента, осыпаемый отъ него всѣми ласками. Ему не было никакого особаго порученія, кромѣ иногда переводовъ съ Греческаго. Молва носилась въ Посольствѣ, что Резидентъ готовилъ ему званіе Священника при Миссіи. Но Барскому не того хотѣлось. Онъ схватился за представившійся ему благопріятный случай, чтобы достигнуть вполнѣ цѣли, которой онъ при-

разованіе. Тамъ видѣнъ понынѣ гробъ его, украшенный современною эпитафіею, оканчивающеюся не великолѣпными, но добродушно-вѣрными стихами:

Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти!...

SIRE ! JAG FÖLJER.

SIRE ! NACH IHNEN.

SIRE ! APRÈS VOUS.

Лѣствица спасенія.

Душой Святыню обнимая,
Іаковъ зрѣлъ въ отрадномъ снѣ,
Какъ благолѣпно къ Вышинѣ
Предъ нимъ шла лѣствица Святая;
Но мнѣ въ пути до райскихъ мѣстъ
Восходомъ служитъ Божій крестъ; —
И такъ наитьемъ чудотворнымъ
Того креста, взведи мой умъ
Отъ низкихъ чувствъ, отъ грязныхъ думъ
И отъ земли къ селеньямъ горнымъ!....

В. Соколовской.

Изцѣляющія Раны.

Прекрасенъ у меня, мой Богъ,
Души невидимый чертогъ.
Но ты прекраснѣй добротою
И чище свѣта въ бытіи,
А раны знойныя твои
Своею Силою святою,
Какъ въ заповѣданный пріютъ,
Мнѣ сладость Рая въ сердце льютъ.
И Ты, Державный, здѣсь во вѣки
И Повелитель горнихъ Странъ, —
Ты мнѣ струи изъ этихъ ранъ
Всеоживляющія рѣки.
И приникая съ Небеси,
Ты смой какъ тину — ядъ грѣховной
Во мнѣ той влагою духовной,
И убѣленнаго спаси! . . . .

В. Соколовской.

СВ. СЕМЕЙСТВО.

КАРТИНА:

СВ. СЕМЕЙСТВО.

(*Разсказъ Ничипора Кулеша*).

Я любилъ — Боже — какъ я любилъ ее! Счастливая пора моей жизни, зачѣмъ миновалась ты такъ скоро!...

Это была не безумная страсть юноши, не прихоть отживающаго матеріалиста. Это была нѣга моего сердца; чувство тихое, чистое, которое мирило меня съ жизнію и дивными звуками нашептывало о небѣ. Давно утратилась ты для меня, моя незабвенная — но и теперь, когда душа замерзнетъ между людьми и безотрадное сиротство истомитъ меня, передо мною выростаетъ твоя свѣтлая, плѣнительная головка, съ тою же младенческою улыбкою, съ тою же кротостію въ очахъ, — и я опять на стезѣ жизни и привѣтливо жму руку ближнему.

Жизнь-благо условное. Не думаю, почтенный мой читатель, чтобъ вы особенно благословляли это благо въ припадкахъ мучительной боли или въ минуту сердечной, томительной скорби. Жизнь тоже, что воздухъ: пространство безъ цвѣта, запаха и вкуса. Ея прелесть и отрава заключается въ посторонней примѣси.

Чьи руки могутъ прижать къ своему сердцу все человѣчество. Міръ нашихъ впечатлѣній такъ тѣсенъ! Много ли людей говорятъ душѣ? Остальные — толпа, обстановка. Эти-то избранники даютъ направленіе нашимъ чувствамъ, убѣжденіямъ; сквозь призму ихъ впечатлѣній мы смотримъ въ послѣдствіи на человѣчество. Есть любимцы судьбы, которыхъ опытъ выпустилъ на стезю жизни съ сердечнымъ вѣрованьемъ, съ теплою любовью къ ближнему. Счастливые! ...

Любовь едва ли есть достоинство, если это чувство не просвѣтлѣно умомъ, не образовано вкусомъ.

Люди вѣрнѣе ненависти, нежели любви. Въ ихъ ненависти есть умъ, энергія, есть какая-то неистовая поэзія. Я часто видѣлъ людей, которые любятъ, — во мнѣ образовалось отвращеніе къ этому слову — и рѣдко встрѣчалъ человѣка, который умѣетъ любить.

Я обошелъ много людей, сближался съ прославленными знаменитостями, съ друзьями человѣчества и уви-

дѣлъ въ нихъ кулисы, которыми надо любоваться издали. Люди эти похожи на разубранныхъ куколъ: каждый опытъ обрывалъ съ нихъ частицу блистательной ихъ одежды и передо мной лежали безобразные, обнаженные остовы. Я искалъ мою мечту въ юности, въ нѣжномъ сердцѣ дѣвушки, которая ограждена отъ губительной отравы свѣта. И какъ изумила меня дѣйствительность: сколько холода, коварства скрывается подъ этими прекрасными формами, подъ этою выученною кротостію, подъ этою заманчивою красотою!..

Я простывалъ ко всѣмъ радостямъ жизни. Все утомляло меня: слѣды разочарованія, упадокъ энергіи, мучительное, неудовлетворенное чувство безпокойной страдальческой души, которая бьется въ безотчетной тревогѣ — вѣчно желаетъ, ищетъ, ждетъ — и, какъ дитя, не умѣетъ объяснить своей боли.

Грустнѣе всего для меня было расположеніе мое къ людямъ: эта холодность безъ презрѣнія, это братство безъ любви. А между тѣмъ сердце мое билось такъ тепло и привѣтливо и только любовью объяснялъ я земное счастіе. И могъ ли я быть холоденъ къ людямъ, когда жизнь, страданія и заповѣдь Спасителя подавляютъ мой умъ, изумляютъ сердце и я безъ благоговѣйныхъ слезъ не могу стоять передъ святымъ Распятіемъ.

Мое сиротство было невыносимо, а между тѣмъ я искалъ такъ не многаго, я искалъ существа, которое помирило бы меня съ человѣчествомъ.

* * *

Тогда ей минуло 15 лѣтъ. Это было ангельское дитя.

Видали ль вы, какъ на голубомъ небѣ востока загорится свѣтлая звѣзда? Полная любви и жизни, она безпечно и радостно играетъ въ безконечномъ эфирѣ. Сколько тайныхъ желаній, сколько грустныхъ и веселыхъ думъ тѣснится къ ней, — а она, чудная, и горю и счастію равно посылаетъ свой утѣшительный, свой радушный привѣтъ....

Таковъ былъ разсвѣтъ ея прекрасной жизни.

Все было въ ней прелесть: и свѣтлая головка съ ея темнорусыми кудрями и безпечная веселость и юность лѣтъ и новизна впечатлѣній. При ней все было дивно! Міръ Божій былъ такъ прекрасенъ, такъ роскошенъ, такъ полонъ добра и привѣта. Безотчетно и весело при ней сердце вѣрило въ сердце.

Я помню, съ какимъ упованіемъ испуганные путники смотрѣли на кормчаго, когда вскипѣло море и корабль съ трескомъ и свистомъ запрыгалъ между валами. Этимъ кормчимъ была для меня она на пути моей жизни.

«Ты не обманешь моихъ надеждъ, моихъ упованій!»— думалъ я смотря въ ея свѣтлыя очи—и не понимая моей тайной рѣчи, она дивно улыбалась... Тогда не чувствовалъ я ни томительной боли, ни безотраднаго сиротства.

* * *

Сердце! сердце!, кто истолкуетъ твои прихотливыя желанія! Науки, которымъ я посвятилъ столько первыхъ лѣтъ; міръ звуковъ, міръ поэзіи и художествъ, боевая жизнь, съ ея поэтическими событіями, опытъ долгихъ лѣтъ, путешествія, бесѣда съ жрецами талантовъ, нѣга томныхъ глазъ, восторженныя желанья любви, — все это прошелъ я съ жадностію и съ избыткомъ, и ничто не удовлетворило безпокойной души моей. Широкою и холодною степью лежало передо мной человѣчество; я безпрестанно просыпался отъ минутнаго усыпленія, мчался неоглядно въ даль и въ даль.... куда? зачѣмъ? никогда не могъ я опредѣлить этихъ вопросовъ. И вотъ дѣвушка, почти дитя, остановила мои томительныя мечтанія и очертила для меня вселенную четырьмя стѣнами ея свѣтлой комнаты. Далѣе этихъ стѣнъ перестали уноситься мои мысли; въ нихъ было мнѣ и свѣтло и весело; ничто не тревожило моего сладкаго покоя. Тогда опытъ разсказалъ мнѣ, что жизнь сердца возможнѣе и упоительнѣе жизни ума.

Живя съ людьми, нельзя вовсе отчуждиться отъ нихъ. Съ самаго младенчества на насъ набрасываются желѣзныя нити, которыми мы приростаемъ къ обществу. Міръ вещественный безпрестанно окружаетъ насъ, а въ этомъ мірѣ столько вздора, неудачь, огорченій. Но таково проявленіе истинно прекраснаго: сколько бы ни было раздражено мое расположеніе, мнѣ стоило переступить чрезъ завѣтный порогъ — и все мрачное и тяжелое бѣжало съ души, я дѣлался покоенъ и веселъ.... и какъ радовалась моему обновленію она, добрая и прекрасная, не зная сама, что ея присутствіе возрождало въ душѣ моей вѣчный, неугасаемый праздникъ.

* * *

Я любилъ ее — и это чувство, которое такъ долго ожидало раздѣла, радужными цвѣтами окружило мою любимицу. Я не зналъ мѣры моей заботливости, моей къ ней привязанности. Чистота и новизна ея младенческой радости, которую производили въ ней мои угожденія, восхищали меня. Я хотѣлъ передать ей все, что было во мнѣ хорошаго, чему научили меня горе, труды и опытность. Мои уроки, облеченные въ легкія, заманчивыя формы, не оскорбляли ни терпѣнія ея, ни самолюбія. Это были тѣ уроки, которые не преподаются никакими наставниками, но покупаются въ жизни цѣною

неудовольствій, огорченій и несчастій. Всѣ совѣты мои, всѣ мои просьбы исполняла она съ изумительною покорностію. Многимъ истинамъ вѣрила она по одному моему убѣжденію, не успѣвъ еще примѣнить ихъ къ жизни, но въ достоинствѣ другихъ мало по малу начиналъ уже удостовѣрять ее опытъ, и всякой разъ когда поведеніе ее заслуживало похвалу ея счастливаго семейства, она спѣшила передать мнѣ свою радость и крѣпко и признательно пожимала мнѣ руку.

Я слѣдилъ за развитіемъ ея ума, за направленіемъ ея вкуса, за всѣми изгибами прекраснаго ея сердца. Природа ея была такъ совершенна, что образованіе ея не стоило почти никакого труда. Глубоко проникнутая ученіемъ Спасителя, она благоговѣйно предана была волѣ промысла. Святое ученіе она всегда носила въ сердцѣ и приноравляла его къ жизни, при всякой возможности. Она не вѣрила, что въ мірѣ есть зло, смотрѣла на все съ улыбкою и все благословляла. Ея свѣтлый и игривый умъ былъ полонъ знаній, но этими знаніями пользовалась она только какъ средствами, которыя дѣлая ее доступною всякой бесѣдѣ, сближали ее съ обществомъ. Не расчетами ума, а смысломъ сердца она постигла великую тайну: что одна безусловная кротость дѣлаетъ женщину могучею, высокою, очаровательною.

* * *

О, какъ она любила, какъ она умѣла любить! Какъ заботилась она, чтобы ея поведеніе, хотя мгновенно, не заставило меня упрекнуть себя: зачѣмъ я любилъ эту дѣвушку. Кто постоянно носитъ въ сердцѣ это опасеніе, тому открыта тайна божественной любви. Какъ назвать человѣка, который толкаетъ собаку въ то время, когда доброе животное, ласкаясь, лижетъ его руку? Какъ назвать человѣка, который поступками своими смѣется надъ нашимъ горемъ и заставляетъ насъ страдать за то только, что мы его любимъ?

* * *

Не говорите мнѣ о счастіи, когда скряга прячетъ въ сундукъ полный мѣшокъ золота;

Честолюбецъ разкрываетъ новую блистательную награду;

Иступленный юноша страстно ласкаетъ свою восторженную подругу.

Эти восторги — минутное, истерическое упоеніе больной души, въ этихъ восторгахъ затаена собственная ихъ казнь, безконечная и страдальческая.

Одно, одно полное, прочное и постоянное счастіе возможно людямъ — это взаимная любовь, просвѣтленная умомъ, тепло согрѣтая чувствомъ, безъ холоднаго эгоизма, безъ знойныхъ желаній, любовь тихая, чистая,

умилительная, въ которой звучатъ и завѣты религіи и желанія сердца.

Мое счастіе любить ее было невыразимо. Мысль объ ней будила меня, возрождала во мнѣ дивную радость и набрасывала на весь міръ розовое покрывало. Эта радость не жгла, не томила меня, она успокоивала, нѣжила, услаждала мои больныя чувства и познакомила меня съ жизнію, о которой не смѣло мечтать мое измученное воображеніе. Я все простилъ людямъ; ихъ злобу, эгоизмъ, невѣжество; я сдѣлался ихъ братомъ, другомъ; я любилъ, я обнималъ человѣчество. Есть дивная жизнь въ созвучіи чувствъ, надеждъ и желаній.

Я не зналъ ни пустоты, ни одиночества. Всегда и вездѣ была со мною она, моя свѣтлая звѣзда, мой юный и прекрасный спутникъ. Желанье угождать ей, видѣть ея младенческую радость, признательность ея добраго сердца, было моимъ блаженствомъ. При ней, прекрасномъ дитяти, я былъ — я, со всѣми моими достоинствами и недостатками, безъ ложнаго стыда, безъ раздраженнаго самолюбія, безъ свѣтскихъ ходулей. Я дѣлилъ съ нею и высокую мысль и глубокое чувство; при ней я бывалъ смѣшнымъ и капризнымъ ребенкомъ: я не боялся ея осужденія.

Въ ея любви было для меня не одно земное блаженство. При ней я отраднѣе вспоминалъ о будущей жизни

и тайныя, восторженныя упованія прогоняли мысль о грядущемъ сиротствѣ. Любовь моя спаивала ее в вѣчность.

* * *

Отчего все прекрасное такъ мгновенно, и въ нравственной и въ матеріальной жизни? Отчего вѣчно зеленѣетъ угрюмая, однообразная сосна, а cactus grandifloris — этотъ баловень флоры, черезъ нѣсколько лѣтъ распускаетъ свой роскошный, ароматный цвѣтокъ, почти на мгновеніе? Все, что полно жизни, восторга, поэзіи — все то непрочно. Одна посредственность, какъ холодный червякъ, тянется лѣниво и вѣчно.

* * *

Сбылося то, чего давно я опасался: 18 лѣтъ съ пылкой и мечтательной организаціей, Іюньскія ночи, безъ мрака, съ ихъ знойнымъ, томительнымъ воздухомъ — научили ее, неопытную, тайному вздоху. Я встрѣтилъ ея чудный, восхитительный взглядъ... болѣзненно и страшно сжалось мое сердце: въ этомъ взглядѣ затаена была земная любовь....

Зачѣмъ самоене порочное существо такъ близко къ паденію? Зачѣмъ въ его чистомъ святомъ сердцѣ внѣдряется удушливое дыханіе страстей?..

* * *

Мое блаженство навсегда миновалось. Я оплакалъ и похоронилъ его вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ.

Виновата ли скала, когда волна, приближаясь обнять ее, разобьется на ея твердынѣ!..

Однакожъ мое положеніе пугало меня. Я любилъ ее со всемъ самоотверженіемъ. На мнѣ лежала обязанность излѣчить, возстановить ее — и для ея счастія я принесъ въ жертву все: привычки и жизнь сердца, безъ которыхъ для меня не было жизни, — ея любовь, ея уваженіе. Я отучалъ ее отъ себя незамѣтно — и твердо шелъ къ моей неумолимой цѣли. Вниманіе, снисхожденіе и искренность я замѣнилъ недовѣрчивостью, равнодушіемъ и подозрѣніями, постоянно оспаривалъ ея убѣжденія, смѣялся надъ святынею ея сердца, оскорблялъ ея самолюбіе; въ моихъ мысляхъ и сужденіяхъ не было никакой системы, я и хвалилъ и осуждалъ почти въ одно время, бездоказательно, по одному произволу. Она не знала, чему вѣрить; не умѣла отдѣлить шутки отъ насмѣшки, чувства отъ притворства. Сначала перемѣна моя огорчала ее, но въ моемъ поведеніи было такъ много обдуманности, такъ много правды, — и это сердце не угадало тяжелой моей жертвы; неопытность ея обманулась. Минуло время и она совершенно охладѣла ко

мнѣ, такъ что разлука наша едва ли стоила ей одной слезы и то вызванной воспоминаніемъ прошедшаго.

* * *

Снова земля явилась передо мною кускомъ холодной глины, люди ядовитыми трупами, жизнь запыленною рамою, въ которую никогда не вставится ни одна картина.

А между тѣмъ міръ также былъ разнообразенъ и безконеченъ; сіяло тоже солнце; тѣже пѣсни неслися съ полей; таже жизнь, тоже одушевленіе, тѣ же восторги звучали въ городахъ. Люди суетились, прыгали, твердили о счастіи, тысячи красавицъ волновали пылкое воображеніе...

* * *

Пересадите ландышъ съ его родной земли въ роскошныя долины Андалузіи, поливайте его свѣтлой струей Ріо-ла-Плата, окружите его заботливостію и искуствомъ и спросите, отчего вянетъ этотъ безчувственный неблагодарный цвѣтокъ?

* * *

Я былъ болѣнъ и готовился къ вѣчности. Ея скорбь, ея участіе трогали меня до глубины души. Когда я возвратился къ жизни, она подарила мнѣ картину Св. Семейство, скопированное ею нѣкогда съ извѣстной картины Егорова. «Пусть этотъ даръ напоминаетъ тебѣ и милость Божію и любовь признательной твоей подруги. Если судьба

когда нибудь разлучитъ насъ и, избалованный свѣтомъ, ты придешь отдыхать въ свое уединеніе, вспомни твою давнюю знакомицу, которая любила тебя такъ искренно, такъ признательно: которая много и скорбныхъ и отрадныхъ слезъ пролила за тебя предъ ликомъ Пресвятой Дѣвы... Помолись ей за меня въ то время, когда настанетъ для насъ вѣчная разлука...»

Голосъ ея задрожалъ.... она остановилась и устремила на Св. Дѣву долгой, неподвижный, умоляющій взглядъ. Какое-то тяжелое, земное горе выражалось въ этомъ взглядѣ....

* * *

Гдѣ ты, мое дивное и навсегда утраченное счастіе! Куда умчала тебя судьба! Любуешься ли ты, умиленная, на свою стройную семью; томишься ли въ алмазныхъ ожерельяхъ, обманутая жизнію и людьми; или въ одинокой кельѣ преклоняешься передъ Св. Распятіемъ — вездѣ надъ тобой мечта моя, моя признательная молитва. Свѣтло и неисходно горитъ для тебя осиротѣлая любовь моя, невѣдомая людямъ, не оскорбленная ни насмѣшкою ихъ, ни состраданіемъ. Въ моемъ святомъ чувствѣ взлелѣенъ дивный цвѣтокъ, котораго побѣги благоухаютъ въ другомъ далекомъ и прекрасномъ мірѣ.

* * *

Прошло много лѣтъ, былое превратилось въ сонъ, —

она въ видѣніе. Безвѣріе пугаетъ сердце: была ли она, эта чудная, незабвенная дѣвушка, или ее создало мое болѣзненное воображеніе?

И въ нѣмомъ раздумьи стою я передъ ликомъ Пречистой Дѣвы — и знакомой, родной голосъ шепчетъ мнѣ: помолись за меня!

ВЗЯТІЕ НА НЕБО

БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ
ВОЗНЕСЕНІЯ БОГОМАТЕРИ НА НЕБО.

К. П. Брюлова.

Изъ гроба, надъ шаромъ земнымъ, Богоматерь взносится
въ славѣ.
Тамъ сумракъ и гаснетъ заря; Она же, въ Божественномъ
свѣтѣ,
На крыльяхъ Архангеловъ, къ Небу—восходитъ Пречистая
Дѣва.
Радость смиреньемъ исполнена; смиреніе радостью полно,
И Ангеловъ лики стремятся — Царицу, Владычицу встрѣ-
тить.
Все свѣтло ликуетъ!... явленье готово сокрыться отъ взоровъ
Въ безмѣрности Неба.... и вѣчнымъ осталось—подъ кистью
Брюлова.

Б. Федоровъ.

РАЗСКАЗЪ.

(Евгенія Гребенки.)

Нѣтъ, что ни говорите, господа, а я совершенно согласенъ съ этимъ.... забылъ его имя, съ древнимъ мудрецомъ, который сказалъ, что всякаго поэта слѣдуетъ увѣнчать и выпроводить вонъ изъ города, пусть себѣ поетъ, да празднословитъ въ чистомъ полѣ и не смущаетъ рабочаго народа...... рѣшительно сказалъ толстый откупщикъ.

Что вы! Макаръ Михайловичъ! закричали на него собесѣдники, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ и вы говорите такія рѣчи!... помилуйте!.. вы шутите!

Благодарю, господа, за комплименты, хоть я и не барышня; но, шутки въ сторону, я говорю мое убѣжденіе, мало этого, я говорю въ обширномъ смыслѣ, о

всѣхъ вообще этихъ людяхъ, которыхъ называютъ въ газетахъ *жрецами искусства*, о писателяхъ, о живописцахъ, ваятеляхъ..... архитекторы еще другое дѣло... тутъ есть польза . . . .

Этотъ разговоръ состоялся зимой 1844 года въ добромъ городѣ Петербургѣ, въ небольшой гостиной. Собесѣдниковъ было человѣкъ пять; въ карты не играли, говорили, какъ легко было замѣтить, не о преферансѣ, не о наградахъ, не о Кастелланѣ, а объ изящныхъ искуствахъ. Откупщикъ былъ не въ духѣ.

Отчего вы такъ предупреждены противъ, какъ вы говорите, *жрецовъ изящнаго*, смѣясь замѣтилъ одинъ молодой человѣкъ.

Отчего? странный вопросъ! отвѣчалъ откупщикъ. Лучше я васъ спрошу: отчего вы защищаете ихъ? пустой народъ!... настоящіе жрецы, ѣдятъ чужой хлѣбъ — и только.

Тутъ ораторъ, повидимому очень утѣшенный своей остротой— не остротой, каланбуромъ— не каланбуромъ, остановился, улыбаясь повелъ кругомъ глазами и продолжалъ:

Да, рѣшительно пустой народъ, кругомъ должники общества, а чѣмъ отплачиваютъ ему?... исправляютъ говорятъ, нравы!.... нѣтъ, теперь мы стали умны, для

этого, въ театрѣ посмѣемся надъ скупымъ, а все таки не станемъ раскидывать деньги на стороны, человѣкъ прочитаетъ про взяточника, даже положимъ почувствуетъ къ нему омерзѣніе, а все таки если онъ взяточникъ— то не выдержитъ, возьметъ. ... просто пустой народъ писатели, пустой!..

—А живописцы?

Живописцы! почти съ ужасомъ закричалъ откупщикъ, а живописцы еще хуже. Писатель что нибудь скажетъ полезное хоть иногда ошибкой, а живописецъ.... да это просто народъ, которому и имя трудно прибрать, вотъ уже безполезнѣйшій человѣкъ живописецъ!..... хотѣлъбы я видѣть человѣка обязаннымъ чѣмъ нибудь живописцу?—

А — я такъ знаю.

Да, конечно, живописецъ, могъ быть человѣкъ съ состояніемъ или въ связяхъ, ну, онъ и помогъ, положимъ, кому нибудь, но я не о томъ говорю. Вы покажите мнѣ человѣка, которому оказалъ бы услугу живописецъ собственно живописью, понимаете вы меня?

— Понимаю и постараюсь вамъ показать такого человѣка.

Любопытно, любопытно! гдѣ же онъ этотъ фениксъ? гдѣ этотъ феноменъ? давайте его сюда! кричалъ самодовольно откупщикъ.

Извольте, если этого вамъ хочется. Этотъ фениксъ и феноменъ — я, къ вашимъ услугамъ.

Вы?!....

Да, я; а живописецъ, составившій счастіе всей моей жизни, давшій мнѣ почувствовать тысячу удовольствій чистыхъ, духовныхъ, этотъ живописецъ знаменитой нашъ Брюловъ.

—Извините меня, я не полагалъ, впрочемъ это должно быть очень занимательная исторія.

—Она можетъ быть занимательна для меня....

Однако....вѣдь онъ вамъ не давалъ денегъ?

Ни гроша.

Но былъ полезенъ совѣтами, связями....

— И этого не было—даже я не зналъ, не видѣлъ Брюлова, а между тѣмъ считалъ его своимъ благодѣтелемъ.

Вы меня заинтересовали, право! разскажите намъ ваше приключеніе....

Съ удовольствіемъ; но для этого я долженъ начать немного издалека.

То есть; отъ яицъ Леды?

Почти такъ...

Дѣлать нечего, вашъ разсказъ такъ для меня любопытенъ, что я готовъ слушать.

И мы также, замѣтили гости, сдвигаясь въ кружокъ около разскащика.

— Я не помню матери, началъ молодой человѣкъ, по смерти отца остался сиротою по десятому году. Онъ былъ управителемъ въ имѣніи А . . Мы жили хорошо; отецъ любилъ меня, я любилъ отца, да еще любилъ собачку Жучку, она была очень привязана къ намъ обоимъ. Какъ сегодня помню, весной, когда все цвѣло и пѣло, я игралъ съ Жучкой въ саду. «Полно тебѣ баловникъ возиться съ собаками,» сказалъ мнѣ грубый голосъ, «скоро перестанешь.... Теперь тебя не кому баловать.» Я поднялъ голову и увидѣлъ подлѣ себя грубую фигуру черномазаго прикащика, который такъ почтительно всегда стоялъ у порога въ комнатѣ батюшки и кланялся въ поясъ, слушая его приказанія, я удивился тону прикащика и сказалъ: «не мѣшай мнѣ, а не то пожалуюсь батюшкѣ.»

— Вишъ какое пышное отродье!.... да знать я засъ не хочу.... вслѣдъ за этимъ прикащикъ пребольно выдралъ меня за уши и спокойно пошелъ своей дорогой.

Съ воплемъ бросился я къ нашему дому, оскорбленный, уничтоженный оскорбленіемъ... Прибѣжалъ въ комнату — пусто, въ другую — тоже, въ третьей куча народа, всѣ толпятся около чего - то, ничего не видно,

только слышно: «Нѣтъ, уже ему не вѣковать, совсѣмъ холоденъ, опечатайте его пожитки.... Вѣдь онъ не сдалъ отчета по имѣнію....» Вслѣдъ за этимъ толпа раздвинулась, изъ нея вышелъ писарь — я юркнулъ въ толпу и очутился лицемъ къ лицу съ моимъ батюшкой: онъ лежалъ мертвый въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ.... Такъ его привезли изъ поля, гдѣ съ нимъ сдѣлался ударъ. Я забылъ и прикащика и выдранныя уши, и молча, въ оба глаза смотрѣлъ на отца; это зрѣлище было такъ неожиданно, такъ поразительно, что мнѣ казалось будто я сплю, и вижу страшное сновидѣніе.

—Что же ты, глупенькій, не плачешь, сказала мнѣ какая то старушка, показывая рукой на трупъ отца,— вѣдь ты теперь круглый сирота, тебя только тотъ не станетъ обижать, кто не захочетъ.

Слова ли старухи растрогали меня или мои выдранныя уши разболѣлись или наконецъ я понялъ свою потерю, въ этомъ не могу дать себѣ отчета, но только я, рыдая, упалъ на холодную грудь моего батюшки, — Жучка всю ночь выла подъ окномъ.

Назавтра похоронили батюшку и я остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ; всѣ наши комнаты опечатали, и я пошелъ спать на кухню. На кухнѣ было много народу, много постелей, но я вездѣ былъ лишній; всѣ чужіе

угла меня гоняли въ другой, мнѣ стало тяжело и я вышелъ на чистый воздухъ. Была прекрасная, теплая южная ночь; звѣзды весело сверкали на темносинемъ небѣ, въ саду пѣлъ соловей; недалеко на широкомъ дворѣ какой то парень плясалъ трапака подъ балалайку, и веселая толпа бабъ хохотала вокругъ него. Мнѣ стало грустно, я плакалъ. Жучка положа мнѣ морду на колѣни не сводила съ меня глазъ. Помню что послѣ я всталъ, Жучка побѣжала передо мной, и шелъ я за Жучкой, не зная, куда? пока не очутился на могилѣ батюшки. Я прилегъ на мягкую свѣжую землю, долго плакалъ и уснулъ. Всю ночь свѣтлыя видѣнія носились передо мной— одно веселѣе, утѣшительнѣе другаго, я проснулся и не вѣрилъ глазамъ своимъ, чудная великолѣпная картина открылась передо мной. Былъ тихій, торжественный часъ весенняго утра: востокъ пламенѣлъ тысячью огнисто - золотыхъ отливовъ; полупрозрачныя утреннія облака легко летѣли одно надъ другимъ все выше и выше и терялись въ свѣтлой лазури, сверкая розовыми огнями. Кругомъ меня была тишина и утренняя прохлада; надо мной тихо пѣла какая — то птичка, будто боясь своимъ голосомъ разрушить общую гармонію. Боже мой! Какъ тогда мнѣ показался прекрасенъ Божій міръ!.... Облака мнѣ казались сту-

пенями, по которымъ идутъ души на небо, я твердо вѣровалъ, что душа отца моего витаетъ тамъ высоко, высоко! и улыбается мнѣ оттуда... я рвался душей въ это безграничное пространство — и съ этой минуты полюбилъ природу, безсознательно, но горячо . .

Я забылъ свое горе и плакалъ отъ умиленія, я былъ увѣренъ, что отцу моему хорошо...... Но взошло солнце, облака разсѣялись...... насталъ день, пробудился народъ; все зашумѣло, застучало, заговорило..... птичка умолкла, облака улетѣли куда то далеко, а съ ними вмѣстѣ и мои мечтанія и мой душевный покой.....

День съ своими заботами пробудилъ и во мнѣ животное чувство голода. Въ дворъ я идти боялся, тамъ нѣкому было приласкать меня, а обидѣть могъ всякій — и безъ цѣли вздумалъ пойти на рынокъ нашего мѣстечка. Сталъ кликать Жучку, она не идетъ за мной и пристально разсматриваетъ огромный бычачій рогъ, положа на него обѣ лапы. Думая заманить Жучку я взялъ рогъ и пошелъ съ кладбища; Жучка шла за мной до воротъ, въ воротахъ остановилась, долго смотрѣла на меня и опять вернулась на могилу. День въ мѣстечкѣ былъ торговый, много народа ѣхало на зеленую площадь, раскинутую противъ церкви, гдѣ уже слышенъ былъ шумъ и крикъ торговли, безъ чего, какъ извѣстно

у насъ ни продать ни купить ни пары сапоговъ, ни куска хлѣба. Не ѣвши почти цѣлыя сутки, я въ изнеможеніи сѣлъ на ступеняхъ церковной паперти и жадно смотрѣлъ на крестьянъ, которые весело завтракали, кто дыней, кто кускомъ чернаго хлѣба — всѣ шли мимо меня и ни одинъ человѣкъ не предложилъ мнѣ куска хлѣба. Тогда это для меня казалось очень удивительно, я уже рѣшился было попросить, да, признаюсь вамъ, языкъ не ворочался — и вотъ подходитъ ко мнѣ человѣкъ, обвѣшанный съ ногъ до головы разными гребешками; онъ благосклонно, съ участіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

Ей хлопецъ! что ты хочешь за рогъ? —

Тогда только я замѣтилъ, что у меня въ рукахъ остался рогъ, которымъ я манилъ съ кладбища Жучку. Первымъ побужденіемъ было отдать рогъ незнакомцу; но меня остановила мысль, что, можетъ быть я могу, продавъ рогъ, позавтракать, и совѣстясь запросить за него цѣну, я спросилъ, самъ не знаю, почему, а для чего онъ тебѣ?

—Ты видишь, я гребенщикъ, надѣлаю изъ него вотъ этакихъ гребешковъ, Что тебѣ дать за него?

Что дадите, я буду доволенъ.

Молодецъ!... сказалъ гребенщикъ, далъ мнѣ двѣ мѣд-

ныя монеты, погладилъ меня по головѣ и ушелъ. А я со всѣхъ ногъ бросился къ старухѣ, продававшей баранки, отдалъ ей монеты и позавтракалъ.

Можетъ быть вы думаете, что я ищу въ моемъ разсказѣ мелодраматическихъ эфектовъ. —

Извините, замѣтилъ откупщикъ, а почти что такъ,... могила отца, этотъ съ позволенія сказать, кстати найденный рогъ. . . . .

— Между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни слова выдуманнаго....... правду говорятъ: самая невѣроятная исторія есть истинная.

Ваша правда, но я тутъ не вижу ничего, этакаго о художествахъ, даже ремесло гребенщика считаю полезнымъ ремесломъ, но ни чуть не изящнымъ.

— Согласенъ, замѣтилъ молодой человѣкъ, но я нарочно разсказалъ вамъ первый шагъ мой на широкое раздолье свѣта, гдѣ такъ много скачетъ каретъ и тянется пѣшеходовъ, и рано или поздно всѣ приходятъ къ одной цѣли — къ могилѣ!...... Моя жизнь была не сладка, я не стану томить васъ описаніемъ моей юности, довольно знать, что меня нищаго сироту, призрѣлъ одинъ баринъ...... кормилъ меня, ругалъ когда бывалъ голоденъ, попрекалъ на каждомъ шагу и, въ качествѣ не то слуги, не то компаньона привезъ въ Петербургъ, куда прiѣ-

халъ закладывать имѣніе, чтобъ на эти деньги устроить выварку сахару изъ арбузныхъ коркъ. Мой благодѣтель любилъ всегда, какъ онъ выражался, потолковать о предметѣ. Напримѣръ, бывало, онъ увидитъ какого-нибудь пѣтуха и сейчасъ обратится ко мнѣ съ вопросомъ:

— Послушай, братецъ, вѣдь этотъ пѣтухъ великъ?

Не очень.

— Какъ не очень? ты, братъ, вѣчно врешъ; какъ не очень? до онъ больше гуся! не правда ли?

Кажется.

— Нѣтъ, именно, больше, а? больше?

Больше.

— Ну да, больше! Экіе бываютъ, чортъ возьми, пѣтухи!..... Не забудь этого разсказать Авдотьѣ Ивановнѣ.

Этой страсти толковать о предметахъ я обязанъ, что мой благодѣтель, возилъ меня съ собой вездѣ, куда только влекло его досужее любопытство. Мы съ нимъ перетолковали подобнымъ образомъ обо всемъ, о пирожкахъ въ кандитерской Излера, о шарманщикахъ, о крестовскомъ островѣ, о желѣзной дорогѣ, о монументахъ и какъ то, когда истощился запасъ любопытныхъ предметовъ, поѣхали смотрѣть Академію Художествъ..... Въ это время я былъ человѣкъ, безъ всякаго значенія

такъ, животное, кушающее чужой хлѣбъ, и не смотря на всю горесть своего положенія, я не зналъ, что съ собой дѣлать? Куда дѣваться? по моему рожденію я не могъ вступить въ службу, работать ничему не выучился съ малолѣтства; да, по правдѣ сказать, не чувствовалъ ни къ чему никакой охоты....... Вотъ мы пріѣхали въ Академію; какой—то радостный трепетъ пробѣгалъ по моимъ жиламъ, когда мы поднялись по широкой лѣстницѣ, уставленный рѣдкими статуями, и вошли въ круглый залъ. Я былъ совершенно счастливъ; съ восторгомъ смотрѣлъ на изящныя произведенія и не впопадъ *толковалъ* съ моимъ благодѣтелемъ о картинахъ; но не достанетъ словъ разсказать вамъ то чувство, которое овладѣло мной, когда я подошелъ къ картинѣ Брюлова, Вознесеніе Богоматери. Я слѣдилъ глазами за тихо восходящей въ небеса Богоматерью, и вмѣстѣ съ тѣмъ душа моя рвалась все выше и выше, туда въ далекія облака, которыя свивались изъ миріадъ безплотныхъ силъ живущихъ, смотрящихъ, ликующихъ...... и вдругъ, незнаю почему, въ моей памяти воскресло первое утро одиночества, встрѣченное мною на могилѣ отца, живописныя облака двигались передо мной, казалось отъ нихъ вѣяло утѣшеніемъ и надеждой будущаго и я — заплакалъ.... мнѣ кажется, если бы я въ это время увидѣлъ

Брюлова, я бы преклонился передъ нимъ благоговѣйно съ трепетомъ, съ сознаніемъ своего ничтожества . . .

— А какъ ты, братъ, думаешь, на кого похоже вотъ это кудрявое личико? спросилъ меня мой благодѣтель, указывая пальцемъ на картину.

Не знаю, отвѣчалъ я.

—Эге! а я такъ знаю, на моего Ванюшу—не правдали?.

Я какъ-то не ловко отвѣчалъ на выходку барина, онъ назвалъ меня грубіаномъ, неблагодарнымъ; у насъ вышла размолвка — и я оставилъ его съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться живописцемъ. Не стану вамъ описывать моей плачевной участи; не стану утомлять васъ разсказами о грубыхъ оскорбительныхъ отказахъ многихъ стариковъ, которые считаются *жрецами искуства*, можетъ быть потому что долго живутъ и широко разглагольствуютъ объ изящномъ. Богъ съ ними! я работалъ, тяжко работалъ для пропитанія, а все остальное время занимался рисованьемъ. Сначала мои занятія шли трудно, тяжело, утомляли тѣло и душу, и я часто начиналъ сомнѣваться въ моемъ призваніи, но мнѣ всегда въ моей тѣсной каморкѣ снились чудные сны, блестящее небо, полчища облаковъ легкихъ, прозрачныхъ, сіяющихъ, и эти облака оживали въ сонмы ангеловъ, поющихъ славу Божію и видѣніе становилось торжественнѣе, святѣе....

словно оживала передо мной картина Брюлова, поразившая меня. И я просыпался, бодрый, свѣжій, крѣпкій, для трудовъ дневныхъ.... такъ прошло нѣсколько лѣтъ, мой трудъ вознагражденъ, и вотъ я, благодаря Бога, художникъ, люблю мое художество, какъ самаго себя и счастливъ и спокоенъ... А что было бы со мной, еслибы я не увидѣлъ картины Брюлова?... страшно и подумать!.... Можетъ быть до сихъ поръ я пресмыкался бы изъ за куска хлѣба передъ человѣкомъ, котораго презиралъ, потакалъ бы ему въ нелѣпыхъ сужденіяхъ, кормилъ бы его собакъ, и хлопалъ бы арапникомъ, въ случаѣ, если гостямъ захотѣлось бы отъ скуки посмотрѣть рысака съ конюшни моего патрона. А теперь?... Я часто сравниваю мою судьбу настоящую съ прошедшей и всегда спѣшу въ Казанскую Церковь, гдѣ, преклоня колѣни, тепло молюсь предъ Святой картиной, давшей мнѣ все......

Молодой художникъ умолкъ; его глаза наполнились слезами.

— Это такъ, замѣтилъ откупщикъ, но мало бываетъ восторговъ души; для счастія человѣка иногда нужно что нибудь и по матеріяльнѣе.

Понимаю, вы говорите о деньгахъ?..

— Совершенно такъ.

Объ этомъ я не думаю; за одинъ портретъ самолюбіе людей мнѣ платитъ столько, что я безбѣдно могу существовать полгода и заниматься для себя художествомъ, притомъ же, я не прихотливъ — и живу счастливо, словомъ, я свободный художникъ.

Оно такъ, я съ вами почти согласенъ... сказалъ откупщикъ — и задумался.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЬ.

Смерть Безсмертнаго.

Живыхъ избранный Воевода!
Господь Небесъ и Царь земной!. . . .
Когда роскошная природа
Среди семьи Твоей родной
Тебя, безсмертнаго, на древѣ
Узрѣла мертвымъ, то она
Затрепетала вся во гнѣвѣ
И стала смутами полна!.....
Въ Раю притихли ликованья,
Свѣтилъ затускнула краса,
И ужаснулись небеса,
И вздрогли міра основанья!. . . .
Но убѣдившися теперь,
Что смертью той Ты отперъ дверь
Въ чертогъ Отца всему созданью,
Я оставляю мракъ и тьму,
И поклоняясь Твоему
Безмѣрно кроткому страданью —

22*

Одной съ разбойникомъ мольбой

Молюсь, Распятый, предъ Тобой:

«Мое нечестіе велико;

«Я шелъ погибельнымъ путемъ,

«Но помяни меня, Владыко,

«Въ предвѣчномъ царствіи Твоемъ!»....

В. Соколовскій.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЪ.

(Разсказъ Бельгійца.)

Осенью 1839 года экипажи и пѣшеходы безпрестанно направлялись къ Академіи Художествъ. Набережная Невы кипѣла народомъ, чрезвычайно разнообразнымъ и пестрымъ и по состояніямъ и по одеждѣ и по образованію, — въ это время въ Академіи была блистательная выставка.

Толпы любопытныхъ зрителей разсѣяны были по великолѣпнымъ заламъ; замѣчанія, толки, похвалы и осужденія, въ которыхъ, какъ водится, было много великолѣпныхъ фразъ и очень мало здраваго смысла, соединялись въ одинъ общій, неумолкаемый говоръ. Передъ каждою картиною, носившею на себѣ отпечатокъ таланта, кружокъ посѣтителей становился тѣснѣе и не-

страха и обратился къ нему словами кротости и сострадания.

«Достопочтенный отецъ,» проговорилъ дрожащимъ голосомъ незнакомецъ, «избавь грѣшника отъ вѣчной, нестерпимой муки; здѣсь!» продолжалъ онъ сильно ударивъ въ широкую грудь, «здѣсь давитъ и сжетъ меня. Позволь мнѣ открыть тебѣ сердце; выслушай мою исповѣдь и спаси меня.»

— Я укажу тебѣ путь къ Тому, Кто можетъ спасти тебя.

«Но если я открою дѣла мои, отъ которыхъ содрогнется душа твоя, дѣла, за которыя законы назначаютъ смертную казнь — а люди клеймятъ проклятіемъ — тогда останется ли для меня путь къ спасенію?»

Эти слова вселили новый трепетъ въ цѣлителя душъ немощныхъ. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на пришельца и отступивъ назадъ, продолжалъ:

— Судья Вышній не разбираетъ: великъ или малъ грѣшникъ, приходящій къ Нему съ раскаяніемъ; но помни, что исповѣдь должна быть чистосердечна и откровенна. Скрывая отъ меня, ты скрываешь и отъ Него и Онъ не проститъ тебя.

«Нѣтъ, нѣтъ! я не скрою ни одного изъ моихъ грѣ-

шныхъ дѣлъ!» — возразилъ незнакомецъ и началъ свою исповѣдь.

Это былъ Вильгельмъ Фликъ, лоцманъ однаго изъ купеческихъ судовъ, извѣстный между моряками своимъ искуствомъ и неустрашимостію; онъ взросъ сиротою и частію отъ нужды, частію по природному влеченію, съ самаго младенчества свыкся со всѣми пороками, такъ что когда ему минуло 19 лѣтъ, онъ перешелъ уже нѣсколько тюремъ и наказаній и готовился къ ссылкѣ. Разсказъ его заключалъ въ себѣ безпрерывную цѣпь покражъ, обмановъ, бродяжничества, фальшивыхъ сдѣлокъ и святотатства. Исповѣдь была чистосердечна и на всѣ возраженія и поученія Священника Фликъ отвѣчалъ сознаніемъ и покорностію.

Во время этой бесѣды, маленькій сынъ Священника весело вбѣжалъ въ комнату, но увидѣвъ незнакомца, онъ съ крикомъ бросился къ отцу и спряталъ голову въ его одежду.

«Что съ тобою, Карлъ, спросилъ пасторъ, лаская ребенка. Чего ты испугался?»

— Да вонъ — кого, папа, отвѣчалъ мальчикъ, со страхомъ посматривая на Флика и крѣпко ухвативъ руками отца. Папа! Вышли его вонъ. Посмотри, какъ волосы его обрызганы кровью.

Пасторъ сдѣлалъ сыну выговоръ и отвелъ его въ сосѣднюю комнату. «Какой вздоръ приходитъ дѣтямъ въ голову» — сказалъ онъ возвратившись назадъ. «Молодое воображеніе, Богъ знаетъ, какъ обманываетъ глаза ихъ: твои рыжіе волосы показались ему кровью!»

— Кровью! воскликнулъ Фликъ. Ребенокъ говорилъ правду.

Пасторъ съ ужасомъ отступилъ отъ преступника. — «Сынъ мой! — до сихъ поръ въ исповѣди твоей не было слова о убійствѣ. . . .»

— Я все разскажу тебѣ, почтенный отецъ, отвѣчалъ Фликъ и продолжалъ свою исповѣдь: избавившись ссылки, я пробрался къ берегамъ Сѣвернаго моря и двадцать лѣтъ прослужилъ большею частію между контрабандистами. Я былъ отваженъ, живъ и смѣлъ; товарищи любили меня, хозяева дорожили мною и отправляли въ самыя опасныя предпріятія. На пустомъ морѣ, подъ строгимъ надзоромъ, въ кругу людей, гдѣ каждый готовъ обокрасть товарища или отправить его къ сатанѣ, — я не имѣлъ возможности ни отстать отъ моихъ пороковъ, ни сдѣлаться еще порочнѣе. То, что здѣсь почитается преступленіемъ, тамъ дѣло очень обыкновенное. Между контрабандистами я прослылъ даже честнымъ человѣкомъ, и помирился бы съ жизнію, проведенною съ

ними, еслибъ не два случая. Незнакомецъ умолкъ; Пасторъ удвоилъ вниманіе.

—Тяжко мнѣ вспомнить, отецъ мой, эти два случая. Тяжко сознаться въ нихъ и передъ человѣкомъ, но когда подумаю я о Богѣ, грудь хочетъ лопнуть и рука костенѣетъ не сложивъ креста.

Первый случай былъ въ 18.. году; я служилъ тогда на купеческомъ суднѣ. Въ Ливерпулѣ хозяинъ мой взялъ грузъ для перевоза въ Марсель. Почти въ самую минуту отплытія, хозяинъ принялъ къ себѣ путешественника. Это былъ Французъ, какой-то художникъ, молодой, веселый, и прекрасной наружности. Онъ долго жилъ въ Англіи и возвращался въ Марсель, гдѣ ожидала его мать, которую любилъ онъ почти страстно. Молодой человѣкъ былъ очень любопытенъ, собиралъ разныя мѣстныя свѣденія, и какъ я болѣе моихъ товарищей зналъ море и охотнѣе велъ разговоры, то онъ почти не отходилъ отъ меня. Въ короткое время мы очень подружились, и въ изъявленіе пріязни художникъ раздѣлилъ со мною запасъ своего вина и табаку. Плаваніе наше было самое благополучное, попутный вѣтеръ быстро гналъ наше легкое судно. Когда мы были въ шести или семи часахъ отъ пристани, пассажиръ началъ собирать свои дорожныя вещи. Продолжая разго-

воръ со мною, онъ вынулъ изъ чемодана большой кошелекъ и высыпавъ полную ладонь червонцевъ, началъ отсчитывать ихъ для расплаты съ хозяиномъ. Звукъ и блескъ новаго, чистаго золота перевернулъ мою внутренность. Еслибы художникъ, который въ то время углубленъ былъ въ свои счеты, взглянулъ на меня, то по пламени глазъ, по дерганью губъ и бровей, онъ тотчасъ бы угадалъ мой тайный умыселъ. Къ нещастію молодость неопытна и довѣрчива. Окончивъ счеты и сложивъ свои нажитки, Французъ весело и беззаботно прогуливался на палубѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая пристани. За то я оставался на одномъ мѣстѣ какъ истуканъ, ослѣпленный грудою золота; всѣ мысли потемнѣли въ головѣ моей; я думалъ только одно: это золото должно быть мое, хотя бы пріобрѣтеніе его стоило гибели цѣлому міру. Глаза мои неотступно слѣдили боковой карманъ художника, въ которомъ хранилось обольстительное сокровище. Въ страшныхъ, нестерпимыхъ мукахъ провелъ я болѣе двухъ часовъ; какъ нарочно почти вся команда была на палубѣ; я выжидалъ удобной минуты; наконецъ на горизонтѣ показалась черная точка — это былъ Марсель. Вся кровь бросилась мнѣ къ сердцу; помню какъ старался я заглушить невольный скрипъ моихъ зубовъ. Въ это время худож-

никъ безпечно подошелъ ко мнѣ съ какимъ то вопросомъ; парусъ закрылъ насъ отъ товарищей... какъ кровожадная гіенна бросился я на свою жертву,— въ одно мгновеніе кошелекъ лежалъ въ моемъ карманѣ, и художникъ летѣлъ въ море. Вслѣдъ за нимъ бросился и я. . . .

«Ты въ туже минуту раскаялся въ своемъ злодѣяніи, и хотѣлъ спасти свою жертву?» спросилъ его Пасторъ.

—Нѣтъ, отецъ мой, другое чувство заставило меня броситься въ море. Въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, что кто нибудь изъ моихъ товарищей можетъ спасти художника и обнаружить мое преступленіе. И я былъ правъ: Французъ какъ пробка готовился выплыть на поверхность, когда я не касался еще воды; я навалился на него широкою моею грудью и подъ водою такъ сдавилъ ему горло, что онъ тотчасъ же ушелъ ко дну.

Спущенный съ корабля ботъ скоро возвратилъ меня на палубу. Хозяинъ и товарищи приняли меня съ торжествомъ и не переставали хвалить моего самоотверженія при спасеніи человѣка, съ которымъ не болѣе двухъ дней былъ я въ пріязни. Только совѣсть моя знала истину и называла меня убійцею.

Другой случай былъ три года спустя послѣ перваго злодѣянія. Я служилъ у контробандистовъ и пользо-

вался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ моего хозяина. Я управлялъ небольшимъ однопарусным судномъ и дѣлалъ на немъ самые смѣлые и опасные рейсы. Хозяинъ мой былъ уже старъ и потому онъ часто оставался дома, поручая мнѣ перевозку товаровъ. Мое усердіе и опытность доставляли ему значительныя выгоды, и въ два года домъ его набитъ былъ товарами, а сундуки мѣшками денегъ. Старикъ былъ ко мнѣ добръ, нѣженъ и признателенъ. Однажды въ припадкѣ сильной болѣзни онъ открылъ мнѣ мѣсто, гдѣ затаено было его имущество и объявилъ моимъ товарищамъ, что въ случаѣ его смерти, онъ назначаетъ меня своимъ наслѣдникомъ. Съ каждою минутою старикъ дѣлался слабѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастала и моя жажда овладѣть его богатствомъ. Всю ночь я сидѣлъ надъ нимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его послѣдняго вздоха, эта ночь истомила меня; наконецъ я началъ успокоиваться: въ старикѣ не замѣтно уже было никакого признака жизни.

Восхищенный наслѣдствомъ, я не могъ заснуть, дѣлая планы моей будущей жизни. Окончивъ въ умѣ множество распоряженій, какъ къ сбыту товаровъ, такъ и къ доставленію себѣ роскошныхъ наслажденій лѣни и жизни, съ разсвѣтомъ я подошелъ и наклонился къ старику. О, Сатана! Истощенный и слабый, онъ лежалъ съ

улыбающимся лицомъ; покойный и продолжительный сонъ освѣживъ силы, видимо возвращалъ его къ жизни, которая, казалось совершенно въ немъ угасала.

Вѣроятно лицо мое выражало мою тайную злость и досаду, потому что черты старика мгновенно исказились; онъ силился приподняться и потомъ закрылъ глаза съ глухимъ стономъ.

Я не могъ разстаться съ моими богатствами и снова осудить себя на жизнь простаго контробандиста. Машинально, безсознательно искалъ я руками чего-то. Первый предметъ, который попался мнѣ, былъ острый, длинный гвоздь. Я вбилъ его въ голову старика и съ глазами, красными отъ слезъ, объявилъ товарищамъ о его смерти.

Вотъ почему, высокопочтенный отецъ, мои волосы, какъ у Іуды, обрызганы кровью.»

— Боже правосудный! — проговорилъ благочестивый Пасторъ въ трепетѣ ужаса — и рука Господня тебя не поразила?

« Нѣтъ, поразила, простоналъ Фликъ. Золото художника укралъ у меня товарищъ, когда я не успѣлъ еще издержать изъ него ни однаго крейцера, а богатое наслѣдство моего хозяина, вмѣстѣ съ судномъ, погибло на другой день въ морѣ и я не спасъ ничего кромѣ

этой бѣдной жизни, которая не стоитъ ни гроша. Но не въ этомъ только заключена кара небесная; Рука Господня неумоляемо тяготѣетъ надо мною. Часто во время моихъ ночныхъ странствованій, я слышу предсмертныя вопли моихъ жертвъ и пробуждаюсь въ мучительныхъ судорогахъ. Шкиперъ замолкъ.

— Фликъ, — сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія пасторъ, ты глубоко упалъ въ бѣздну порока. Въ бесѣдѣ съ Богомъ я размыслю о твоемъ намѣреніи, въ теплой искренной молитвѣ, повѣдаю Ему скорбь твою. Приходи ко мнѣ завтра и всякой день; я, какъ врачь души твоей, буду съ тобою бесѣдовать.

Грѣшникъ поклонился и вышелъ, Пасторъ не спалъ всю ночь. Тщетно блуждалъ онъ въ лабиринтѣ своихъ размышленій, свѣтъ озарилъ его душу тогда только, когда онъ прибѣгнулъ къ молитвѣ. Строгость законовъ, и наказанія мало властны надъ преступникомъ. Надо заставить его познавать Искупителя, ибо если онъ познаетъ, то и возлюбитъ Его, и если возлюбитъ, то не въ состояніи будетъ дѣйствовать противъ этой любви. Пасторъ вознамѣрился послѣдовать этому истинно-христіанскому правилу и всякой день посвящать нѣкоторое время изцѣленію нещастнаго. Собственное назначеніе его было: служить нещастію, и ему — то посвятилъ

онъ себя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ лишился жены, съ рожденіемъ Карла.

На другое утро вошелъ къ нему ребенокъ съ листомъ бумаги. «Что у тебя, другъ мой?» — спросилъ отецъ.

— Портретъ того рыжаго, что былъ у тебя вчера — отвѣчалъ Карлъ и показалъ отцу голову Флика, нарисованную краснымъ карандашемъ. По склонности и охотѣ онъ съ утра до вечера занимался рисованьемъ; всѣ удивлялись ловкости его руки и вѣрности глазъ, особенно въ изображеніи лицъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ, которые съ перваго раза врѣзывались въ его памяти. Пасторъ былъ изумленъ разительнымъ сходствомъ рисунка съ головою Флика.

«Зачѣмъ ты срисовалъ его?» — спросилъ онъ.

— Затѣмъ,— отвѣчалъ мальчикъ, что я уже срисовалъ головы всѣхъ Апостоловъ, кромѣ Іуды. Я давно ищу подобнаго образца. Не правда ли, какъ посмотришъ на это лицо, невольно скажешь: это Іуда!

«Не твори никому обиды. сынъ мой!» — сказалъ отецъ, поднявъ съ важностію перстъ. «Творецъ людей не положилъ печати святости или грѣха на тваряхъ своихъ.»

— Не положилъ! Нѣтъ, папа, трудно повѣрить! Напримѣръ когда я думаю о изображеніи Христа въ бесѣдѣ Апостоловъ, то черты твои невольно носятся передъ

моими глазами, и ты можетъ быть и не знаешъ, что я ими воспользовался.

Отецъ съ безмолвнымъ умиленіемъ прижалъ сына къ груди своей.

Въ условленные часы Фликъ постоянно навѣщалъ Пастора и время проходило въ долгихъ поучительныхъ бесѣдахъ. Послѣ многихъ усилій, Пасторъ наконецъ убѣдился, что онъ съ чистою совѣстію можетъ увѣрить кающагося, въ очищеніи души его отъ грѣховъ и въ ея возрожденіи. Бывали, правда, минуты, когда грѣшникъ отчаявался въ милосердіи Божіемъ и почиталъ себя на вѣки обреченнымъ грѣху; тѣмъ болѣе это внушало страхъ священнику: онъ боялся, чтобъ преступникъ, видя какъ еще далека отъ него благодать Церкви, отъ отчаянія, снова не погрязъ въ порокахъ. Между тѣмъ прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ; Фликъ объявилъ пастору, что онъ непремѣнно долженъ отправиться въ море и неотступно умолялъ его дозволить ему приступить къ Вечери Господней. Пасторъ наконецъ изъявилъ согласіе; радость Флика была неописанная.

На другой день грѣшникъ вошелъ въ церковь Св. Николая. Пасторъ принялъ его покаяніе, истолковалъ ему всю гнусность его преступленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неограниченное милосердіе Божіе, и объявилъ ему съ

важностію служителя церкви, что если услышитъ онъ опять, что Фликъ преступною рукою посягаетъ на чужую жизнь или собственность, то по долгу совѣсти предаетъ его, какъ погибшаго клятвопреступника, мщенію правосудія.

Эти слова страшно отозвались въ душѣ Флика; онъ изрѣдка подымалъ глаза на исповѣдника, который стоялъ передъ нимъ съ лицомъ, преображеннымъ и тотчасъ снова опускалъ ихъ къ землѣ; наконецъ когда Пасторъ изрекъ ему отпущеніе грѣховъ, предался онъ тихому благоговѣнію.

Когда же послѣ поученія, Фликъ вмѣстѣ съ прихожанами приблизился для вкушенія святаго тѣла Христова, Пасторъ замѣтилъ такую перемѣну въ чертахъ причастника, что душа его смутилась какимъ-то невольнымъ страхомъ. Возвратившись домой, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: Фликъ въ эту минуту не походилъ на себя. Казалось онъ говорилъ мнѣ своимъ взглядомъ: еслибъ я не сдѣлалъ глупости, еслибъ не измѣнилъ себѣ въ часъ боязни, то моя рука была бы свободнѣе. Я едва не выронилъ святаго сосуда; такъ дрожали мои руки. Дай Богъ, чтобы страхъ мой былъ слѣдствіемъ одной минутной слабости, которая необъяснимо обнаруживается иногда, среди самыхъ священныхъ занятій.

На другой день весь городъ пораженъ былъ неслыханнымъ и ужаснымъ воровствомъ: Церковь Св. Николая была вся обкрадена. Все, что было драгоцѣннаго во святыхъ стѣнахъ храма: всѣ золотые сосуды, золотое распятіе и тяжелыя серебреные подсвѣчники, украшавшія алтарь, даже большая въ золотѣ оправленная библія, на немъ лежавшая — все было похищено. Кружка и сундуки церковные были разломаны и опустошены; вездѣ остались ужасные слѣды чьихъ-то рукъ нечестивыхъ.

Въ то же самое утро, но нѣсколько позднѣе разнеслась другая вѣсть, преисполнившая весь городъ глубокою скорбію. Благочестивый и всѣми любимый Пасторъ церкви Св. Николая, рано поутру найденъ былъ мертвымъ въ своей постели. Та же молва говорила, что онъ погибъ насильственною смертію, но такъ какъ не было къ тому другихъ признаковъ, кромѣ двухъ синихъ пятенъ на шеѣ, то нѣкоторые заключали, что онѣ были слѣдствіемъ какого нибудь внутренняго поврежденія, причинившаго смерть: потому послѣдняя молва скоро прекратилась. Къ тому же по обревизованіи вкладныхъ приходскихъ суммъ, находившихся въ рукахъ Пастора для благихъ употребленій, оказались большіе недочеты. Нѣкоторые друзья покойнаго вывели изъ

этаго новое доказательство въ его насильственной смерти; другіе же напротивъ заключали, что покойный не смотря на свое простосердечіе и щедрость, не совсѣмъ наблюдалъ правила любви христіанской. Между тѣмъ чтобы не осталось ни однаго пятна на памяти почтеннаго Пастора, нѣкоторые прихожане сложились и внесли недочетъ въ суммахъ.

Когда Карлъ, отъ котораго скрывали его потерю, увидѣлъ отца въ бѣлой одеждѣ лежавшаго на полу, онъ поблѣднѣлъ какъ мертвый, положилъ руку на голову, какъ бы припоминая что-то забытое и отъ избытка скорби упалъ на тѣло родителя. «О, воскликнулъ онъ въ слезахъ, теперь я знаю! вспомнилъ: это онъ, онъ былъ у тебя. Ты спишъ, папа, вѣчнымъ сномъ. Ужъ для меня въ жизни не будетъ радостнаго утра; не буду ходить къ тебѣ по утрамъ — цѣловать твою руку. Нѣтъ, — продолжалъ онъ касаясь его сжатыхъ вѣждъ, нѣтъ, онѣ погасли, онѣ ужъ мнѣ не улыбаются. Крѣпко закрылъ ихъ Іуда!»

Предстоявшіе поражены были его непонятными словами и думали, что онъ отъ горести помѣшался, но Карлъ настоятельно увѣрялъ, что человѣкъ съ кровавыми волосами былъ ночью у его отца, что онъ сквозь сонъ видѣлъ, какъ онъ крался черезъ его комнату, но

онъ тотчасъ заснулъ и проснувшись позабылъ это видѣніе.

— Да ктожъ проходилъ черезъ комнату? спросили его.

«Да Іуда!» отвѣчалъ мальчикъ. Слушатели качали головою; въ эту минуту онъ вспомнилъ про свой рисунокъ, досталъ его — и положивъ передъ ними на столъ, сказалъ: «вотъ онъ!»

Но и изъ этого ничего не поняли. Какъ ни твердо настаивалъ ребенокъ въ своихъ доказательствахъ, всѣ почитали это дѣло баснею, игрою фантазіи, которая обыкновенно, сильнѣе прочихъ способностей, дѣйствуетъ въ дѣтяхъ. Когда же тѣло Пастора положили въ гробъ, сынъ отдавая отцу послѣднія лобзанія, говорилъ рыдая: «я буду помнить твои черты, не забуду и черты убійцы — и при гробѣ твоемъ даю клятву искать его до тѣхъ поръ, пока не найду!»

Ребяческая глупость! — думали предстоявшіе; гробъ закрыли крѣпкою крышкой и прахъ усопшаго съ приличнымъ торжествомъ былъ преданъ землѣ.

Не смотря на всѣ усилія и дѣятельность, всѣ мѣры принятыя къ открытію татей церковныхъ, были безъ успѣха, а между тѣмъ тянулись годы. . . . .

Карлъ продолжалъ заниматься своимъ любимымъ искуствомъ и развилъ свой прекрасный талантъ, бога-

тый блестящими надеждами. Одно изъ неодолимыхъ его желаній было путешествовать и нельзя было описать восторга, съ какимъ узналъ онъ, что Академія, въ которой онъ образовался, за блестящіе его успѣхи, позволяетъ ему путешествовать на счетъ ея въ продолженіи трехъ лѣтъ.

Къ этой радости, въ которой преимущественно участвовала любовь его къ искуству, присоединялась и тайная надежда: найти гдѣ нибудь въ Европѣ оригиналъ Іуды. А потому во время своего путешествія Карлъ посѣщалъ не только мастерскія художниковъ и собранія любителей искуства, но и пристани, биржи, гостинницы. Послѣ трехъ лѣтъ онъ возвратился въ свое отечество — и хотя вполнѣ наслаждался торжествомъ художника, но его постоянно преслѣдовала тайная грусть о несбывшейся надеждѣ — найти предметъ своего мщенія.

Прошло 18 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ церковь Св. Николая въ С*** была расхищена. Давно забыли объ этой потерѣ и замѣнили утраченное великолѣпнѣе прежняго. Самая церковь была улучшена и украшена. Недоставало однаго: запрестольнаго образа искуснаго живописца. Трудъ этотъ порученъ былъ Карлу, по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ.

Когда онъ началъ думать о томъ, какой предметъ

избрать ему изъ Св. Исторіи, въ душѣ его проглянули чудныя, торжественныя воспоминанія самой ранней молодости, которыя въ увлеченіяхъ своихъ открывали ему жизнь упоительную, райскую. Онъ былъ въ томъ расположеніи, которое чувствуютъ восторженныя души, когда имъ кажется, что онѣ, какъ малыя дѣти, подходятъ къ небесному міру и прикасаются къ лирамъ ангеловъ. Въ подобную минуту вдохновенія онъ изобрѣлъ предметъ для своей картины: Тайную Вечерю. Онъ обратился къ головамъ Апостоловъ, еще имъ въ дѣтствѣ написанныхь, какъ къ безцѣннымъ остаткамъ изчезнувшаго міра. Ему представилось, будто онъ когда-то въ далекихъ временахъ видѣлъ всѣхъ этихъ мужей живыми, но не во внѣшнемъ, а въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Ему даже казалось, что онъ еще рѣзвымъ дитятей сиживалъ у нихъ на колѣнахъ; игралъ ихъ бѣлыми брадами, касался ихъ безвласаго чела, слышалъ ихъ пророческія вѣщанія о лучшей жизни и христіанскія пѣсни о вѣчной любви. Чѣмъ глубже проникалъ онъ въ въ этотъ міръ мечтаній, тѣмъ свѣтозарнѣе казалось ему искуство, тѣмъ тверже рѣшался онъ совершить въ годахъ мужества то, что въ его дѣтствѣ носилось передъ его душою. Онъ изготовилъ краски и смѣло принялся за работу.

«Но какъ изображу я Тебя» — говорилъ Карлъ — когда одиннадцать главъ Апостольскихъ, какъ живыя, предстояли уже на картинѣ, «Тебя Господа и Искупителя, Коему ни одинъ живой образъ не отвѣтствуетъ въ мірѣ, и откровеніе Коего въ жизни я постигаю только по одной силѣ слова, вѣщавшаго о Тебѣ устами Апостоловъ?»

Тутъ пришли ему на память тѣ слова, которыя еще въ дѣтствѣ сказалъ онъ отцу: «когда размышляю я, какъ изобразить Христа посреди моихъ Апостоловъ, черты твои невольно носятся въ душѣ моей.» И яснѣе, и живѣе, чѣмъ когда нибудь, носились передъ нимъ черты почтеннаго Пастора, точно такъ, какъ онъ видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ въ славѣ Преображенія: тотъ же блаженный взоръ, вѣчно смотрящійся въ зерцало небесной любви; тѣже ланиты, покрытыя послѣднею блѣдностію страданія; тѣ же уста, которыя отверзались только для благословенія и молитвы. «Если Ты, Царь небесный»— говорилъ онъ съ собою, «если Ты, неизобразимый, удостоилъ его сана Твоего Намѣстника, то не прогнѣваешся, если я Тебѣ дамъ черты, на землѣ для меня драгоцѣннѣйшія!»

И когда онъ схватилъ кисть, чтобы перенести на полотно свѣтлое изображеніе его родителя, казалось,

какая-то незримая сила водила его рукою и такъ вѣрно, что онъ самъ изумился, какъ изображеніе это постепенно выступало на полотно до тѣхъ поръ, пока явилось въ томъ самомъ видѣ, какъ оно жило въ душѣ его.

Однаго не доставало: изображенія предателя; художникъ ни на минуту не задумался — и перенесъ на картину свой красный рисунокъ. Изображеніе имѣло такое страшное сходство съ оригиналомъ, что всякой знавшій его сказалъ бы: живой Фликъ.

Картина, поставленная въ Соборной Церкви, въ виду не только горожанъ, но и иностранцевъ, посѣщающихъ городъ, питала тайную надежду художника. Но и тутъ все было безъ успѣха. Давно уже запрестольный образъ служилъ украшеніемъ храму и никто изъ наблюдателей, плѣнявшихся картиною, не обращалъ особеннаго вниманія на лицо Іуды.

Прихожане, кромѣ изъявленія признательности, назначили художнику за картину значительную сумму, которой онъ не принялъ. Когда же настоянія ихъ сдѣлались очень упорны, то онъ просилъ употребить эти деньги на выкупъ изъ Турецкаго плѣна какого-нибудь Христіанскаго плѣнника. Тотчасъ же сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія и въ одинъ свѣтлый осенній

день на купеческомъ кораблѣ привезенъ былъ искупленный христіанской невольникъ, который долѣе всѣхъ томился въ цѣпяхъ.

Это былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, нѣкогда высокій и мужественный, но котораго тяжкія муки продолжительнаго плѣна преклонили къ землѣ. Волосы его были почти бѣлые, глаза изтомленные, поступь нетвердая; кожа грубыми морщинами висѣла на сильныхъ мускулахъ.

Карлъ, тронувшись его бѣдственнымъ положеніемъ, отдалъ его въ богадѣльню, гдѣ страдалецъ скоро возвратилъ свои силы; спина его выпрямилась, поступь стала тверда, глаза заблистали огнемъ мужества и когда наступила весна, въ немъ не осталось слѣда прежнихъ страданій.

Онъ часто посѣщалъ своего благодѣтеля и разсказывалъ ему о своихъ страданіяхъ. Однажды въ знойный день, когда Карлъ, закрывъ ставни отъ палящихъ лучей солнца, легъ въ постель, въ спальню показался плѣнникъ и по обычаю своему, прошелъ черезъ нее въ мастерскую живописца. Лишъ только Карлъ, въ слабомъ сумракѣ увидѣлъ его проходящаго по комнатѣ, тяжелая завѣса спала съ глазъ его. Точно такъ ужасный убійца прокрался ночью черезъ его спальню въ комна-

бы предчувствовавшій роковое преступленіе, написалъ по причащеніи Флика.

Эта страница представленная Судьямъ могла бы обличить обвиняемаго имъ убійцу, но въ тоже время надежда эта совершенно разрушилась: на первомъ листѣ дневника усопшій пасторъ написалъ внизу слѣдующее:

«Если Богу угодно будетъ призвать меня такъ скоро, что не останется у меня времени уничтожить эту книгу, содержащую многія тайны, относящіяся до моей святой обязанности, то я прошу того человѣка, въ чьи руки попадутъ эти листы, не дѣлать изъ нихъ никакого общественнаго употребленія.

Этими словами былъ связанъ языкъ художника и воля высшая ясно говорила: предоставь мщеніе Господу! Карлъ, какъ человѣкъ, чувствовалъ невозможность простить убійцѣ отца и измѣнить чувству чести человѣческой, хотя по всему казалось, что отецъ требуетъ этого прощенія, этой побѣды надъ самимъ собою. Онъ изнывалъ подъ бременемъ своихъ страданій.

Между тѣмъ наступилъ желанный день. Обвиненный, блѣдный, со впалыми глазами, удрученный тяжестью оковъ, съ смиреніемъ мученика явился въ судилище и возбудилъ къ себѣ общее состраданіе; явился и живописецъ и такъ же рѣшительно повторилъ свое

обвиненіе, но не имѣя никакихъ законныхъ доказательствъ, ссылался только на сходство обвиняемаго съ тѣмъ образомъ, который, отъ страшной ночи его дѣтства, остался въ его памяти. Ему казалось, что само небо долженствовало открыть уста; его душа ожидала чуда!.... но все вокругъ его было нѣмо; всѣ изумились, что молодой, образованный человѣкъ впадаетъ въ такія заблужденія и доказываетъ столь важныя подозрѣнія пустыми мечтами своей юности.

Судьи покачали головой; и думая, что Карлъ страждетъ еще отъ слѣдствій своей болѣзни, оставили его и начали допрашивать мнимаго преступника. Изъ допроса узнали они, что имя его Фридрихъ Фликъ, сословіемъ онъ — морякъ: что заѣзжалъ въ ихъ городъ только разъ, 18 . . года; былъ у Пастора церкви Св. Николая на исповѣди — но въ ту ночь, когда обкрадена была церковь, онъ былъ на пути къ Средиземному морю, гдѣ и схватилъ его Турецкій Корсаръ.

Обвиняемый съ такимъ чистосердечіемъ и увѣренностію отвѣчалъ на всѣ вопросы, что не только уничтожилъ сомнѣнія, но возбудилъ къ себѣ участіе Судей; общее мнѣніе явно возстало противъ художника. Говорили, что лучше было бы оставить нещастнаго въ плѣну у Турокъ, нежели выкупить его для позора и оскорбле-

сывалъ онъ нѣсколько очерковъ и бросалъ кисти и краски. Горожане вывели изъ этаго непріятныя заключенія.

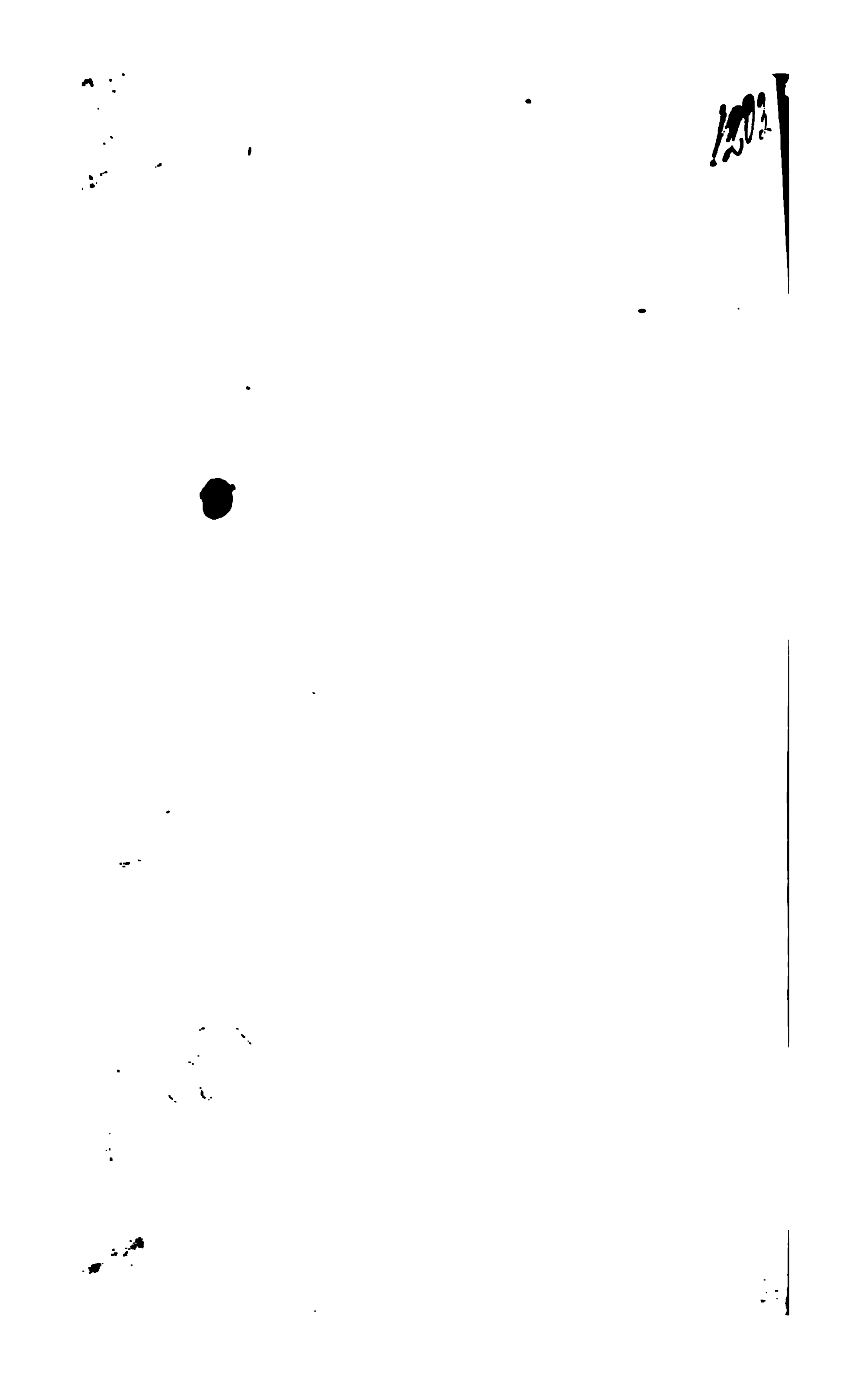
Между тѣмъ начальники богодѣльни замѣчали, что Фликъ не на своемъ мѣстѣ, да и самъ онъ часто говорилъ, что жаждетъ океана. Почему и дано было ему мѣсто лоцмана на какомъ-то купеческомъ кораблѣ. Богодѣльня, въ которую былъ принятъ Фликъ, причислена была къ церкви Св. Николая; членамъ ея, смотря по силамъ каждаго, вмѣнялось въ обязанность, два раза въ годъ совершать Христіанскій обрядъ Причащенія. Этотъ день наступилъ передъ самымъ отъѣздомъ Флика. Онъ не поколебался идти въ церковь вмѣстѣ съ другими, вступилъ въ нее, повидимому, съ благоговѣніемъ, получилъ прощеніе грѣховъ и приближался къ алтарю принять святые дары.

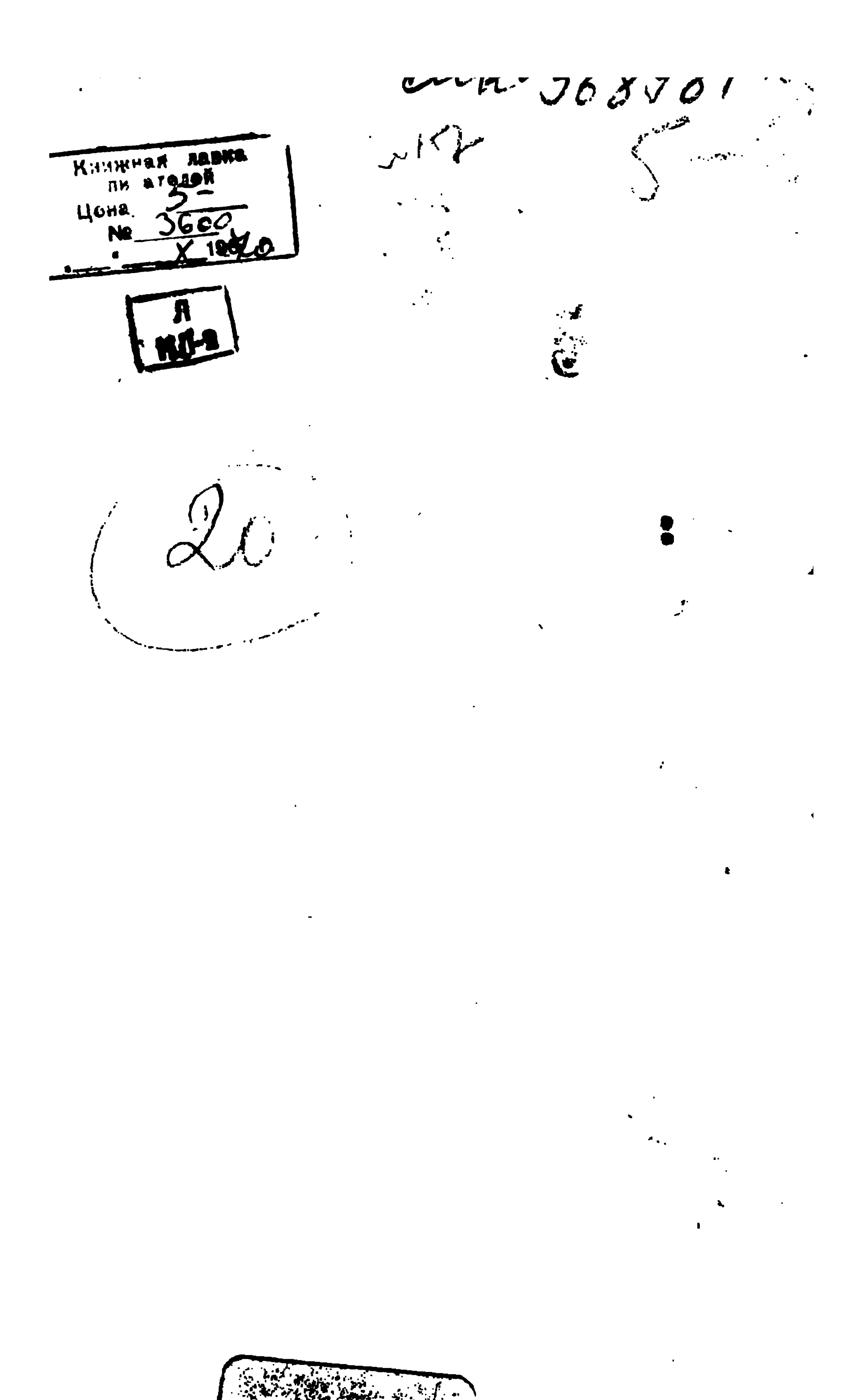
Онъ преклонилъ колѣна въ то время когда священникъ подавалъ ему преображенный хлѣбъ; Фликъ поднялъ взоръ и взоръ этотъ прямо упалъ на запрестольный образъ. Убійца узнаетъ Пастора, и съ ужасомъ увидѣлъ себя въ чертахъ самыхъ ясныхъ, какими онъ былъ за нѣсколько лѣтъ. Онъ узналъ въ своемъ образѣ Іуду на Таїной вечери.

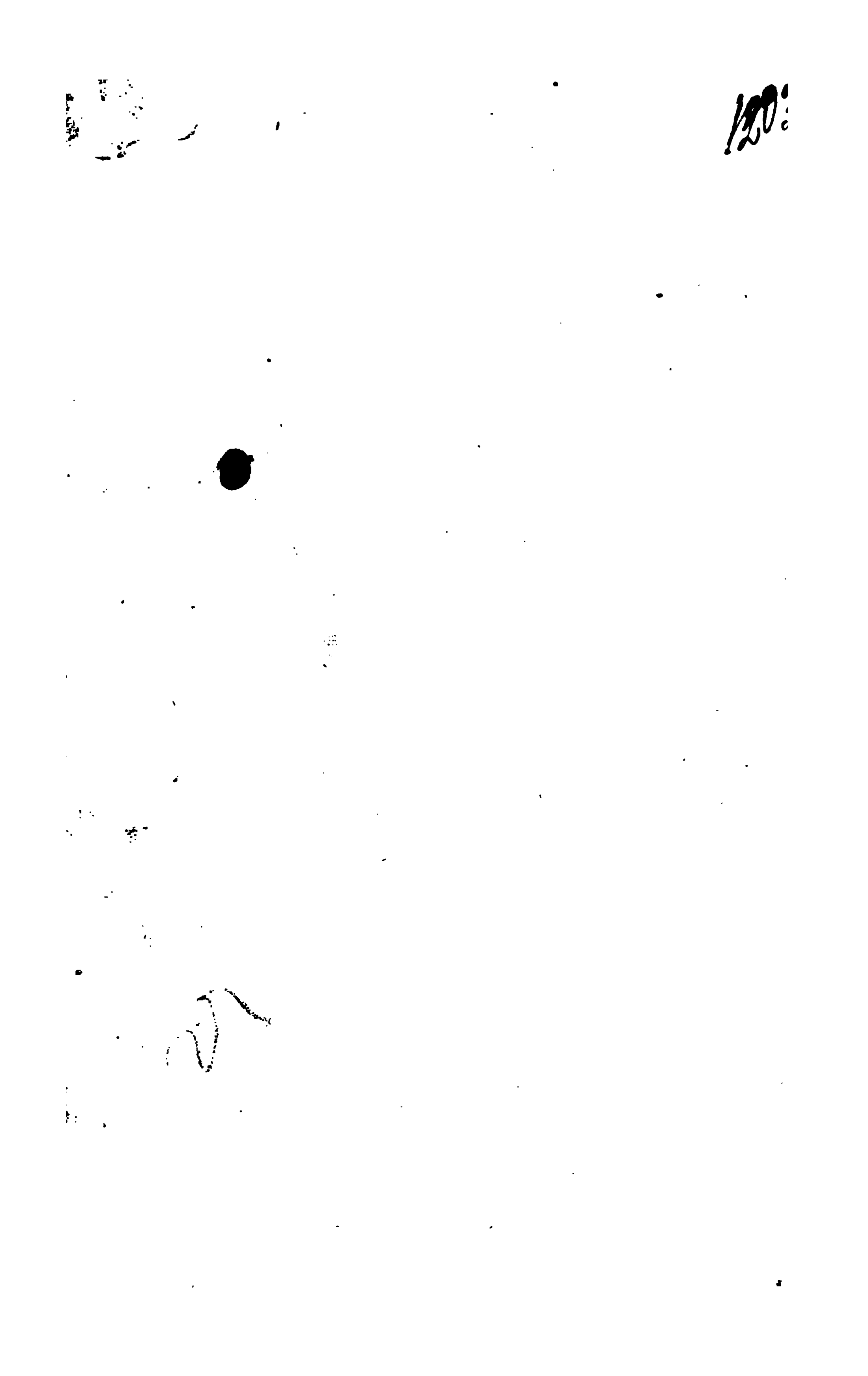
Исполнилась мѣра долготерпѣнія небеснаго. Фликъ

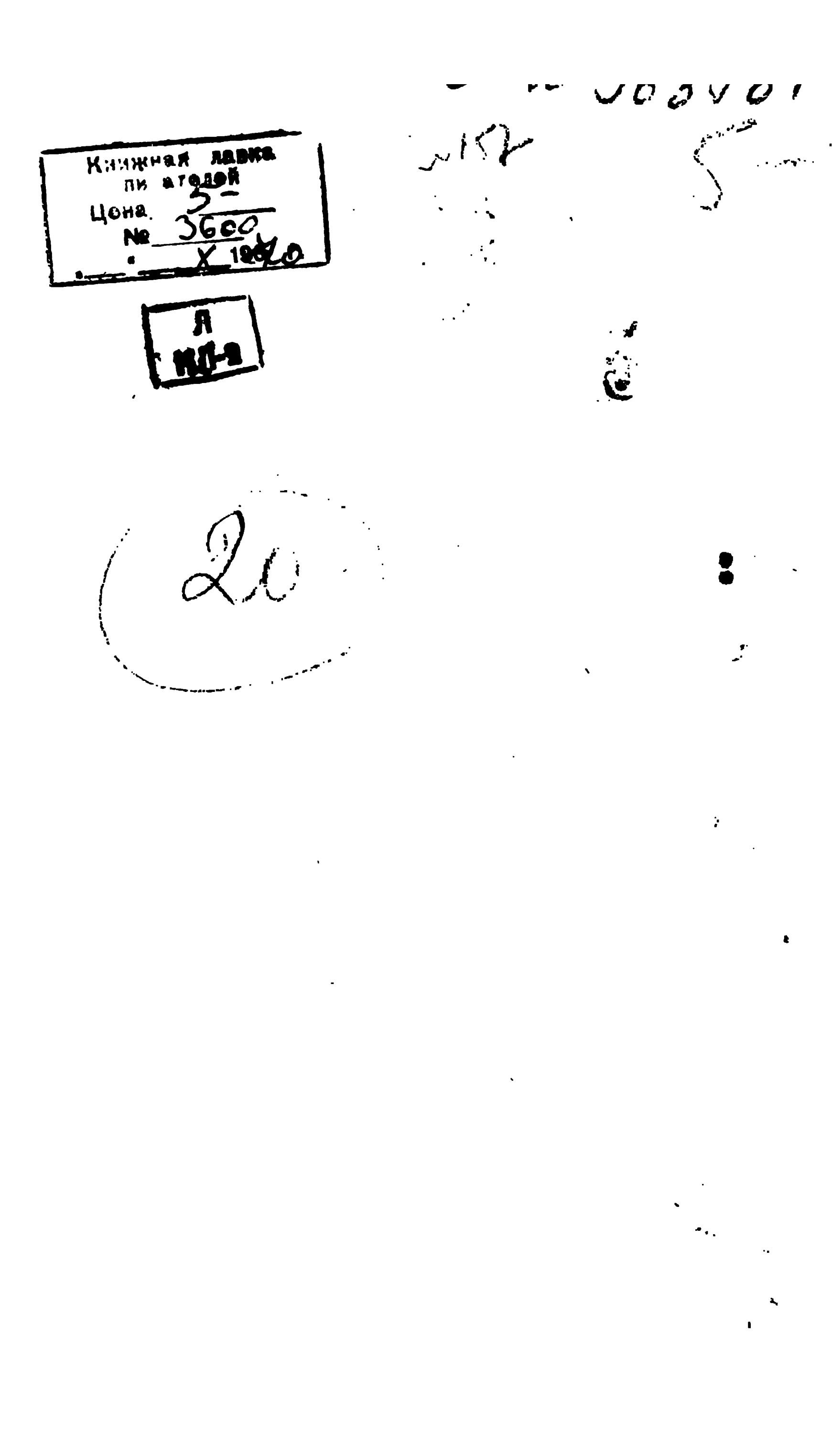
принялъ преображенный хлѣбъ, но не могъ проглотить его. Холодный потъ выступилъ на лице его; онъ не могъ удержаться на колѣнахъ, упалъ на землю и безъ чувствъ былъ вынесенъ изъ церкви. Скоро пришелъ онъ въ себя и даже въ ту же ночь въ состояніи былъ сторожить свой корабль. Но первые лучи солнца освѣтили ужасное зрѣлище: Фликъ, мертвый, съ искаженными чертами, висѣлъ на мачтѣ корабля; открытые глаза его неподвижно прикованы были къ башнѣ церкви Св. Николая.

Въ этомъ положеніи увидѣлъ его живописецъ. Тяжелое горе отвалилось отъ его сердца и онъ благословилъ искуство, которое помогло ему отмстить за смерть отца.

Книжная лавка
писателей
Цена 5-
№ 3600
X 1960

